

The book cover features a stylized tree with dark branches and green foliage. Several circular vignettes are placed within the branches, each containing a different scene or creature. The text is centered on the page in a black, cursive font. The background is a light green color with a subtle gradient.

Эррен
Майклс

Легенды
Острова
Джерси

С феями и драконами, ведьмами и оборотнями, живописный остров Джерси может похвастаться легендами столь же разнообразными и мощными, как и любой из Британских островов. От его золотых пляжей до предательских скал Джерси полон таинственных историй, таких же странных и завораживающих, как существа, которые его населяют. Эта уникальная антология включает в себя самые известные басни Джерси, такие как Дракон Хоуг-Би, ведьмы Рокеберга и демон Бонн Ньют. Он также содержит оригинальные рассказы о древних монстрах, таких как Виож из туннеля Crack Ankle Lane, Принц и принцесса Сорел-Пойнт и Бесчестная Фея. Эти завораживающие истории были почти потеряны в тени прошлого, но снова оживлены здесь.

Переводчик: maryiv1205

Редакторы: Мария Сол (1–3 рассказы), Анастасия Ярыгина (4-11 рассказы)

Введение

«Джерси был островом фейри, и раса все еще считается существующей.»

С.Дж. Колман «Сокровищница Народных Преданий»

У каждого места есть свои уникальные мифологические истории, порожденные как местностью, где они зародились, так и людьми, которые когда-то населяли эти места.

Остров Джерси — уникальное место величественной, природной красоты, в которое прекрасно вписываются сказки. Здесь и драматические скалы северного побережья, прекрасные в своем неровном величии, и песчаные дюны западного побережья, и золотые пляжи, окружающие остров. Лоскутное одеяло зеленых фермерских угодий Джерси перемежаются с богатыми лесами, а средневековые замки соседствуют с оживленным центром города. Джерси — дом для одного из самых больших финансовых офшоров в мире с населением острова почти 100 000 человек.

Как потертый гобелен, всю картину яркой мифологии Джерси трудно разглядеть сразу. Множество историй о монстрах и о тайнах острова настолько стерлось со временем, что остались лишь описания и места, где они происходили. Одни истории смешны, другие — трагичны, а от третьих кровь стынет в жилах. В различных источниках встречаются скрытые намеки на то, что Джерси был выбран последним убежищем расы фейри. Есть даже мрачные сообщения о том, что фейри были так потрясены последствиями человеческой колонизации и индустриализации, что повесились на древних каменных дольменах¹. В фольклоре можно найти краткие упоминания о таинственной и неизвестной Белой Даме и ее связи со многими дольменами и каменными столбами острова. Есть также и намеки на двери между мирами.

Выходки многих сверхъестественных созданий не были записаны или, возможно, никогда и не передавались целиком. Они остались только в виде смутных предупреждений для детей, чтобы удержать их подальше от опасных мест, таких как вершины скал, темные леса или дикие морские течения. Без сомнения, многие истории были безвозвратно утеряны с течением времени, поскольку те легенды, что сохранились — очень древние. Большинство

их них передавалось устно на протяжении столетий, постоянно меняясь, словно игра в испорченный телефон, длящаяся века.

Часто записанные детали каждой местной легенды сильно варьировались, в зависимости от рассказчика, резко эволюционируя или изменяя тематику в зависимости от периода, когда они были написаны. Поэтому не удивительно, что многие роскошные и разнообразные легенды потерялись в переводе или позабылись в течение времени.

Джерси, площадь которого составляет всего сорок пять квадратных миль, является самым большим и самым южным из Нормандских островов. Острова расположены в бухте Мон-Сент-Мишель, и в ясный день с побережья Джерси совершенно четко невооруженным глазом можно увидеть пляжи Франции.

По некоторым оценкам Джерси стал островом приблизительно в 8000 году до нашей эры. При очень сильных отливах до сих пор еще можно увидеть остатки великих лесов, ныне окаменевших, на земле, некогда соединявшей Джерси с основной частью Франции. А на дне залива Сент-Оуэн можно даже рассмотреть следы оленя, бродившего тут тысячи лет назад.

Древняя история Джерси полна насилия. С самого начала времен жителей острова осаждали пираты и викинги, затем они стали жертвами непрекращающейся борьбы между французами и англичанами за право владения Нормандскими островами. Самые красивые укрепления острова, огромный замок Мон-Оргей на северо-востоке и замок Елизаветы на юге, — результаты столетий войны, которую пережил остров.

Конфликт из-за Нормандских островов разгорелся вновь, когда остров попал под нацистскую оккупацию в период 1940–1945 годов во время Второй Мировой Войны. Остров изрезан немецкими укреплениями тех годов. Верхние точки острова усеяны оружейными установками и бункерами — мрачные и нелепые напоминания о темных годах острова на великолепном фоне береговой линии.

Сейчас Джерси является англоязычным островом, но до недавнего времени жители говорили на французском языке и Джерссийском диалекте французского, который теперь понимают лишь немногие. Начиная с 1820-х годов, количество англоговорящего населения постоянно увеличивалось и начало перевешивать количество тех, кто использует родной язык острова, и в настоящее время, по некоторым оценкам, только 20 процентов жителей Джерси бегло говорят на Джерссийском диалекте.

Учитывая такую бурную историю и постепенную утрату родного языка, становится понятно, почему легенды острова Джерси почти неизвестны нынешнему поколению островитян.

Мой собственный интерес к легендам Джерси начался, когда я начал работу над фантастическим романом, действие которого происходило на острове. У меня появилась идея включить некоторые местные легенды в повествование, и я начал исследовать фольклор острова. Я был поражен глубиной и сложностью мифологии, а также огромным разнообразием разновидностей сказочных существ, которые, по слухам, населяли остров. В частности, Северное побережье настолько плотно населено легендами, что кажется практически невероятным, что любой скромный житель Древнего Джерси мог вечером выйти из дома и не натолкнуться хотя бы на одно сверхъестественное существо.

Подозреваю, что Черная Собака Боули-Бэй пользуется дурной славой лишь благодаря красивой старинной деревенской таверне с тем же названием, которая веками стояла на берегу залива. Некоторые истории, такие как история сражения Сэра Хэмбли с драконом и противостояние Мадлен с Рокебергскими ведьмами, имеют только самые общие описания.

И если келпи из бухты Бон-Ньют являются главным элементом кельтского фольклора и хорошо известны по сравнению с другими легендами, то некоторые из местных легенд, такие как Виож и Бесчестный Фейри, скорее всего не имеют архитипических предков в любой другой национальной мифологии, полностью уникальны и встречаются только на острове Джерси.

Все эти яркие и интригующие герои и монстры медленно исчезают, поглощаются прошлым, и важно, чтобы их истории были пересказаны. Окончательные версии этих историй трудно уловить, поскольку они либо изменялись и развивались в течение столетий при устном пересказе, либо были почти полностью забыты. Некоторые из них представлены в таком множестве форм, что суть легенд исказилась, словно побывала в комнате кривых зеркал. Другие, тонкие, как призраки, обитали лишь в сносках старых или академических текстов и упоминались только в названных в их честь местах.

Эта коллекция легенд Джерси является попыткой перенести богатые и сложные персонажи древней мифологии Джерси в современный мир, передать их истории полностью, чтобы их место в летописи острова не было забыто народом Джерси, а сами они не были потеряны для истории.

SIR HAMBIE AND THE DRAGON

Сэр Хэмби и Дракон

Дракон прилетел на Джерси перед бурей, ища убежище от промозглого ветра и дождя. Он намеревался только укрыться от непогоды, но вскоре обнаружил откормленный скот на этом маленьком острове, и тот пришелся ему по вкусу. Не встретив сопротивления со

стороны рассеянных и перепуганных сельских жителей, он устроил свое логово в болоте Сент-Лоуренса и решил остаться.

Он был молодым зеленым драконом, всего семисот лет отроду, со шкурой похожей на кожу, и чешуей цвета мокрого нефрита. Хотя он был не так огромен как великие древние драконы, все же был достаточно большим и сильным, чтобы не бояться ни одного существа, обитающего на острове.

Он сеял хаос среди малочисленного населения, охотясь и сжигая все на своем пути. Отчаяние жителей Джерси вскоре начало пересиливать страх перед чудовищем. Группа мужчин отправилась в болота, намереваясь убить дракона. Один мужчина потерял при этом сына, другой — жену. Один фермер наблюдал за тем, как существо разорвало стадо дойных коров на части просто ради забавы. Была и парочка молодых людей, решивших доказать, что они герои. Взяв имеющееся у них оружие, они направились в туман и достигли логова дракона.

Ни один из них не вернулся.

Новости о драконе распространились быстро и далеко, уносимые бегущими островитянами, и вскоре эти слухи дошли до молодого нормандского рыцаря по имени сэра Майкл Хэмби, который решил немедленно отправиться на Джерси и уничтожить чудовище.

Но сначала ему нужно было выполнить одно задание. С не меньшим трепетом, чем от предстоящей встречи с драконом, сэра Майкл отправился на поиски своей жены, чтобы сообщить ей о своем решении.

Он нашел Элизу в конюшне, она кормила ломтиками яблок белого боевого коня, Лексена. Жеребец изящно брал яблоко с ее открытой ладони. Взгляд серых глаз сэра Майкла смягчился, когда он увидел супругу. Элиза была такой же высокой и белокурой, как и он сам, и серьезность, с которой она шептала что-то на ухо коню, заставила его улыбнуться.

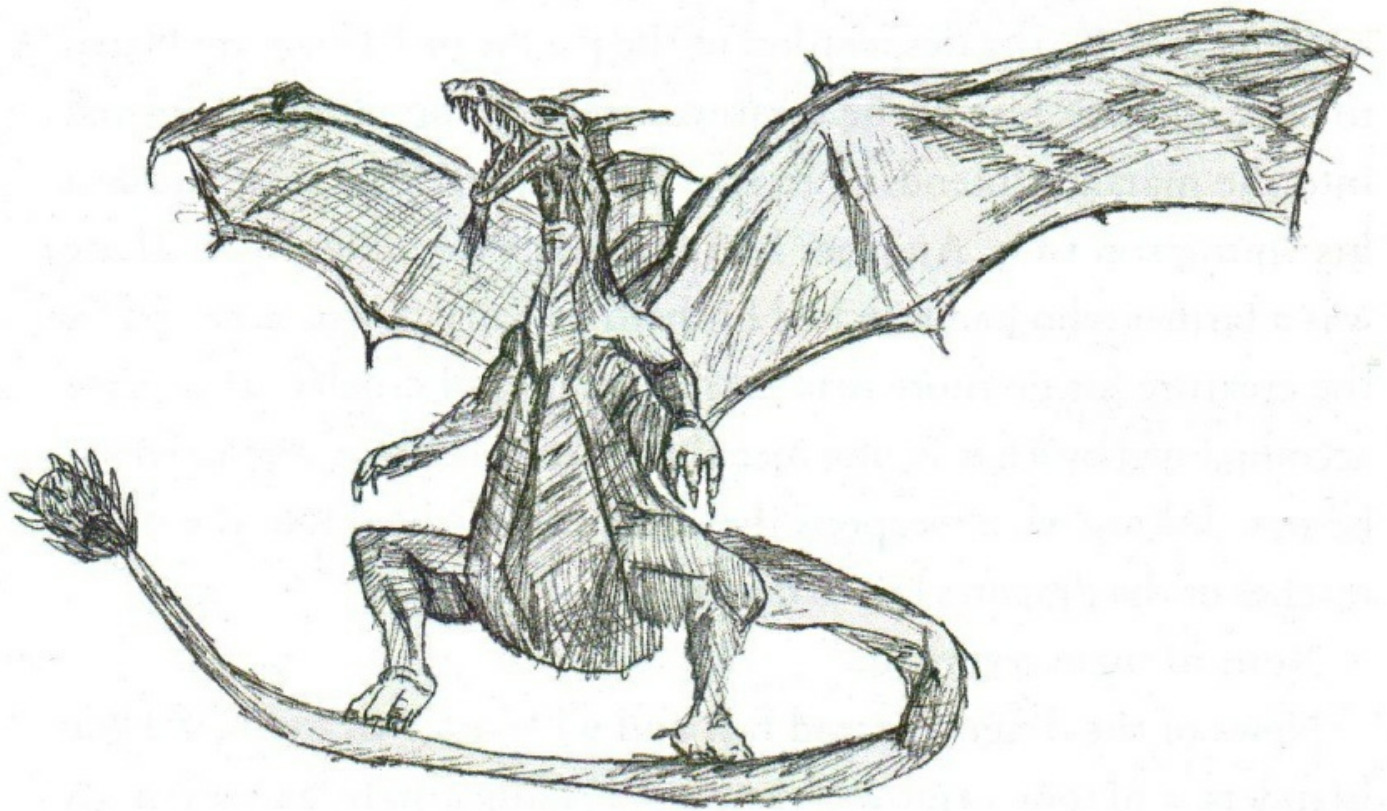
— Элиза, — резкий голос Майкла заставил ее обернуться, на лице играла виноватая улыбка, — ты его так раскормишь, совсем избаловала. Я не могу отправляться на битву на толстом боевом коне.

Элиза рассмеялась:

— О, ты же знаешь, я не могу удержаться, он такой милый.

Лексен заржал и легонько толкнул леди Хэмби, его внимание было приковано к оставшемуся в ее руке яблоку.

— Тебе должно быть стыдно, — сказал Майкл жеребцу с наигранной суровостью, подходя, чтобы почесать лошадиный лоб и скормить остатки яблока. — Набиваешь свою жадную морду, когда впереди у нас важное дело.

— Важное дело? — Улыбка соскользнула с губ Элизы, и она внимательно посмотрела на Майкла своими темными глазами. — Что ты имеешь в виду?

Майкл обнял Элизу за талию, притянул ближе к себе и начал:

— На острове Джерси появился дракон и...

— Нет, — твердо перебила Элиза, положив руку ему на грудь. — Нет. Ни за что. — Она недоверчиво посмотрела на него, качая головой. — Дракон, Майкл? Гигантский огнедышащий монстр размером с амбар? Ты же говоришь несерьезно? Ты собрался драться с ним?

Она попыталась высвободиться из его объятий, но суровое достоинство не удалось сохранить, сено, запутавшееся в ее золотых волосах, испортило всю картину. Майкл улыбнулся и притянул ее к себе.

— Элиза, — рассуждал он, — каким я буду рыцарем, если не сделаю все возможное, чтобы защитить людей на острове? Я поклялся защищать невинных. Кроме того, — он склонил голову и добавил, его глаза сияли, — у скольких мужчин был шанс сразиться с драконом?

— Майкл! — Элиза раздраженно топнула ногой. — Было бы разумнее собрать армию, чем идти в одиночку. Почему ты всегда должен быть героем? — Она перестала сопротивляться его объятиям и крепко сжала его в ответ. — И что мне делать, если тебя убьют?

Сэр Майкл приподнял подбородок Элизы, заставляя ее посмотреть ему в глаза, и поцеловал с безграничной нежностью.

— Чтобы помешать мне вернуться к тебе, понадобится ни один маленький дракончик, — тихо сказал он, — и нет времени собирать армию.

— Я тебя ненавижу, — сказала Элиза, уткнувшись лицом ему в шею и прижимаясь еще крепче.

— Да, вижу, — Майкл улыбнулся и вынул сено из ее локонов тонкими пальцами, бросая его на пол.

— Предполагаю, что ты планируешь взять Лексена на свое глупое задание? — спросила она.

— Да, планирую, — сказал Майкл, — потому что он — мой конь, и если я буду ходить в полном обмундировании весь день в поисках дракона, то просто упаду, когда найду его.

— Это не смешно, Майкл! — Элиза взяла его лицо в ладони и умоляюще посмотрела в глаза. — Пожалуйста, не уходи. Неужели больше некому сразиться со зверем?

— Дракон убивает людей, Элиза. — Взгляд серых глаз рыцаря стал серьезным. — Я должен. Больше некому.

Белый жеребец заржал и прижал уши.

Майкл почувствовал, как Элиза задрожала, устремив взгляд на что-то у него за спиной, и обернулся.

— А, Френсис, — удивленно произнес он, когда заметил оруженосца, скрытого тенью, — как долго ты здесь? Мне нужно, чтобы ты отполировал и наточил мой меч. Мы отплываем со следующим приливом на остров Джерси. Там дракон, с которым нам предстоит сразиться.

— Боже, Френсис, почему ты всегда прячешься? — спросила Элиза, она явно была раздражена. — Хотя неважно. Ты не успеешь избавиться от этой привычки, мой муж сошел с ума, и вы оба завтра будете мертвы.

Глаза оруженосца широко распахнулись, и он поморщился, нервно приглаживая свои темные волосы.

— Дракон, господин? Звучит опасно.

— Я всегда знал, что у тебя цыплячье сердце, Френсис, — ласково сказал рыцарь. — Нам выпал шанс победить дракона. Спасти людей! О таких подвигах слагают легенды. Готовься, мальчик. Не время проигрывать.

— Да, господин, — тихо произнес Френсис, — если таков ваш приказ, господин.

— Это просто дракон, Элиза, — добавил Майкл после того, как оруженосец ушел. — К тому же еще совсем зеленый. Не больше стога сена, правда.

— Да ладно, всего на всего малюсенький дракончик, — саркастично сказала Элиза, — мне даже не стоит волноваться. И почему я вышла замуж за сумасшедшего?

Сэр Майкл задумчиво склонил голову:

— Мне кажется, ты говорила, что полюбила меня так сильно, что было трудно дышать.

— Вероятно, я выпила слишком много вина, когда говорила это, — язвительно заметила Элиза, но улыбка тронула ее губы.

— Не злись на меня, любимая. — Рыцарь мягко взял ее за руку. — Ты же знаешь, я должен помочь этим людям. Этот мое призвание.

Элиза поняла, что решение его не изменить и попросила:

— По крайней мере, возьми с собой Бриона и его людей. От Френсиса мало толку.

Майкл твердо покачал головой:

— Капитан стражи остается здесь, в замке Хэмби, с тобой. Твоя безопасность для меня важнее всего, ты же знаешь. Просто позволь мне отправить в путь, Элиза, и я вернусь к тебе так скоро, как только смогу.

Элиза сжала руки в кулаки и проглотила горькие слова, затем кивнула и отправила мужа готовиться.

Он отплыл на следующий день с неохотным благословением супруги. Она махала его кораблю с пристани в бухте со слезами на глазах, пока утренний туман полностью не скрыл его из вида.

Оруженосец сэра Майкла захворал по пути на Джерси, и рыцарь не мог удержаться от смеха, когда белый как мел от качки слуга шатался по кораблю.

— Бедный Френсис, — сказал он, — я не совсем уверен, что тебе следовало быть оруженосцем. Тебе не очень-то подходит жизнь полная приключений.

— У меня никогда не хватит духа на приключения, — слабо ответил оруженосец.

— Вижу, — усмехнулся сэр Майкл.

Оруженосец негодуяще посмотрел на стройного блондина, господина Хэмби, прежде чем перегнуться через перила и громко опустошить свой желудок.

Еще до того как корабль успел причалить, сэр Майкл вскочил на коня и направил Лексена прямо в море. Сильный белый скакун прыгнул на мелководе и взбаламутил воду, пустившись галопом по песчаному пляжу. Как только Френсис сошел на берег и неуклюже забрался в седло своего коня, двое мужчин отправились в путь по острову, на север к болоту Сент-Лоуренса, где по слухам обитал дракон.

Они скакали до самой ночи, обыскивая болота, мокрые и измученные, окликивали они всех, кто встречался им на пути, но никто не видел зверя. Хотя уже был поздний вечер, и они устали, сэр Майкл не сдавался.

Глубокой ночью они увидели зарево на востоке.

— Это не рассвет, — размышлял вслух Майкл, — это огонь. Возможно, там дракон. Не что бы там ни было, там могут быть люди, которым нужна помощь.

Пламя было далеко. К тому моменту, когда они добрались до источника, амбар догорал, остался только сожженный остов. Среди тлеющих угольков показались двое детей, прижавшихся друг к другу, девочка и мальчик были перепачканы сажей и бледны от испуга.

— Он убил нашего отца, — сказал мальчик сэру Майклу. Его лицо было в крови. — Он убил его прямо у меня на глазах. Потом он утащил мула прямо в лес. Я спрятался, — признался он, всхлипывая, — мы с сестрой просто спрятались, и я даже не попытался его остановить.

Рыцарь спешил и опустился на колени перед мальчиком, положив руку ему на плечо.

— Ты правильно сделал, что спрятался, — сказал ему Майкл. — Ты выжил, и этого не надо стыдиться. Твой отец хотел бы защитить вашу семью и вырастить тебя. Я отомщу за него, если смогу. Куда он ушел, малыш?

Мальчик указал дрожащим пальцем на темный лес, Майкл быстро вскочил в седло и развернул Лексена.

— Давайте подождем рассвета, — сказал Френсис, — он может быть где угодно.

— Нет. — Майкл надел шлем, поднял забрало. — Проклятая тварь может уползти, если мы будем ждать, я не хочу новых смертей, пока буду сидеть как испуганный ребенок в темноте. Кроме того каждая минута нашего промедления — еще одна минута волнения Элизы. Мы отправляемся сейчас.

— Скачите, если вы того желаете, — тихо сказал Френсис, — я не поеду в этот лес.

Лишь мгновение сэр Майкл смотрел на своего оруженосца печальным взглядом, затем повернулся и поскакал прочь, пришпорил Лексена и направился в темноту.

Он осторожно пробирался, часто останавливаясь и внимательно вслушиваясь. Даже при слабом лунном свете несложно было выследить дракона. Он оставил след из обломанных

веток, свисающих с деревьев. Везде витал зловонный запах, в земле остались выемки от когтей. Лексен фыркнул, почувствовав драконий запах, но не колебался ни минуты, подкованные копыта тихо ступали по мягкой земле.

Рассвет тронул деревья холодным сиянием, когда Майкл вышел на поляну и обнаружил существо. Дракон спал рядом с останками разорванной туши животного. Майкл предположил, что это был несчастный мул, украденный с фермы.

Рыцарь с благоговейным трепетом смотрел, как грудная клетка дракона вздымается и опадает с каждым вдохом. Тонкая струйка дыма поднималась из его ноздрей.

Майкл заметил, что существо гораздо больше, чем он ожидал. Он свернулся, словно гигантская кошка, обернул хвост вокруг тела и оставил его покоиться на морде. Рыцарь чувствовал, как дрожит Лексен, животная натура пыталась взять верх над боевой выдержкой. Инстинкт говорил коню бежать, но Майкл знал, что тот будет стоять с ним до самой смерти. Он спешил, так тихо, как только мог, и снял инкрустированные серебром меч и щит с седла, кривясь при каждом позвякивании оружия, и то и дело, поглядывая на спящего дракона. Он похлопал жеребца по шее.

— Теперь ступай, малыш, — прошептал он коню. — Я не хочу видеть, как ты станешь обедом чудовища. Элиза никогда мне этого не простит. Вперед! — Он шлепнул коня по крупу.

Боевой конь не уверенно обошел его, словно белый призрак в тени, и поскакал к деревьям.

Майкл снова повернулся к спящему дракону и медленно приблизился, обнажив меч. Он колебался, лезвие застыло в нескольких дюймах от гигантской морды ящера. Он был прекрасен, похож на сделанную из изумруда статую, но в то же время ужасающий. Мгновение он был совершенно беззащитен.

Рыцарь приготовился атаковать, но опустил меч.

Майкл тихо выругался.

— Вот дурак, — прошептал он, делая вдох.

— Проснись! — прокричал он дракону в морду. — Я не могу убить спящего врага, даже такого мерзкого как ты, поэтому просыпайся!

Зеленые глаза размером с блюдце распахнулись, когда Майкл с силой ударил рукоятью меча по переносице дракона. Изумрудные глаза сузились, дракон развернул хвост как хлыст, сбил Майкла с ног зазубренным концом и отшвырнул в кусты. Дракон набросился на него без колебаний, атаковал левую ногу, но Майкл успел пнуть его. Он взревел от ярости, когда обтянутая сталью пятка отколола его клык. Он укусил Майкла за голень, раздробив доспехи, и заставил рыцаря закричать от боли, но вдруг заколебался и склонил голову в замешательстве, не ожидая, что его жертва одета в железную шкуру.

Майкл ударил щитом дракона по морде, и тот встал на дыбы, рыча и широко открывая пасть. Предугадав его атаку, Майкл присел на корточки и выставил щит перед собой, и в этот момент столб пламени вырвался из пасти дракона и взревел вокруг него. Жар был невыносим. Ему пришлось сорвать свой плащ со спины, когда ткань загорелась. Он швырнул горящую ткань дракону в морду, и он затряс головой, как мокрая собака, пытаясь сбросить ее.

Майкл сделал два быстрых шага вперед и взмахнул мячом. Дракон отпрянул, и лезвие оставило неглубокую рану поперек его груди. Он закричал от боли и ярости. Рыцарь замахнулся снова, но дракон повернулся, и лезвие не причинило никакого вреда, скользнув по твердым мускулам плеча. Мгновение спустя хвост ударил его подобно цепи, он упал в грязь с такой силой, что шлем слетел с головы и ударился о деревья, у Майкла закружилась голова.

Прежде чем Майкл смог подняться, огромный порыв ветра бросил пыль ему в глаза, разбросав обломки и листья повсюду. Последовал еще порыв. Дракон взмыл в воздух, от взмахов его крыльев сгибались ветви деревьев.

— Ну уж нет, — выдохнул Майкл, с трудом поднимаясь на ноги.

Когда он встал, когти дракона сомкнулись на его плечах, и он ощутил, как ноги отрываются от земли. С каждым ударом крыльев они поднимались все выше и выше, дракон напрягся, и Майкл понял, что доспехи сделали из него тяжелую добычу. И все же, хотя подъем и был таким медленным, Майклу вовсе не хотелось, чтоб его уронили и разбили словно яйцо.

Он взмахнул мечом и нанес сокрушительный удар по лапе дракона. Лапа была больше человеческого роста. Рыцарь отбросил щит, чтобы двумя руками держать меч и иметь возможность сильнее взмахнуть им над головой. Ему повезло, он попал дракону в живот, только скользнул по поверхности, решил он, но скорее всего, зверю было больно. Он повторил действие и был вознагражден за усилия, его сбросили с пятнадцатифутовой высоты, он приземлился с таким звуком, будто кухонную утварь швырнули о стену.

Удар выбил воздух из легких. И он едва успел перекатиться на спину, как снова полыхнуло пламя. Майкл прикрыл руками лицо и продолжил откатываться, пытаясь укрыться настолько, насколько было возможно, морща нос от запаха опаленных волос. Еще одна мощная вспышка пламени прорвалась и зажгла кусты рядом с ним. Он чувствовал, как его доспехи начинают нагреваться. Заметив щит, он перевернулся и пополз к нему. Дракон прыгнул, навалившись на него полным весом, да так, что рыцарь оказался лицом в грязи. Без доспехов Майкл был бы раздавлен в одно мгновение. Он не мог ни двигаться, ни дышать. Дракон топнул лапой, и Майкл застонал, у него хрустнуло ребро. Хоть кости дракона и были полыми, позволяя ему летать, вес его все равно был огромен.

Дракон медленно пригнул гибкую шею к земле, чтобы заглянуть Майклу в глаза. Холодный разум, читавший в зеленом взгляде, пробирал до костей. Он победил и знал это.

Он с любопытством сжал когти на его закованной в железо спине, и металл заскрипел, когда дракон, исследуя его когтем, дошел до того места, где нагрудник и наплечник соединялись. Найдя щель между ними, он засунул коготь внутрь и надавил, пронзив плоть.

Майкл пытался кричать, но воздуха в легких не было. Боль была невыносима, ужасна, он не мог дышать, его тело содрогалось в конвульсиях. Зрение затуманилось, и звон в ушах почти помешал услышать звук похожий на гром, приближающийся, стучащий, будто галоп, будто...

Лексен встал на дыбы, размахивая подкованными копытами, и приготовился к битве, встав перед драконом.

Вес на Майкле сместился, дракон отшатнулся, и воздух, сладкий, благословенный воздух наполнил его легкие, когда он перекатился на спину. Дракон прикрыл поврежденный глаз, кровь текла по его лицу. Он бился в агонии. Его колючий хвост ударил по жеребцу, но промазал, Лексен отпрыгнул. Дракон споткнулся и попытался не упасть, когда жеребец начал хлестать его задними копытами, тогда он открыл пасть и слепо выплюнул пламя, целясь в белого жеребца.

Грива Лексена вспыхнула, и страх огня на уровне инстинктов заставил жеребца отступить. Он жалобно заржал, подошел к своему господину, его грива превратилась в тлеющую щетину.

— Вперед, — выдохнул Майкл, — хороший мальчик, Лексен, но сейчас уходи. — Рыцарь поднялся на ноги, чувствуя, как кровотоцит бок, силы иссякали, но он сжал меч. И шагнул в пламя. Из-за поврежденного глаза дракон почти ослеп. Рыцарь неуклюже замахнулся и с отчаянной силой вонзил лезвие в шею зверя.

Когти впились в доспехи, дракон затряс его словно тряпичную куклу. Майкл

переместил свой вес и снова ударил. Пламя вспыхнуло вокруг него, он повернул голову, снова бешено размахивая мечом, его руки тряслись, но меч еще сильнее ударил по чешуе. Дракон хлестнул хвостом, Майкл ожидал этого и ударил мечом, сильнее и ниже. Лезвие прошло по кончику хвоста, перерезав его зазубренный конец. Дракон начал извиваться и рычать, ударяя рыцаря шеей. Они оба упали, дракон на бок, Майкл на колени. Рыцарь нацелился в грудь дракона, но пропустил удар, когда ящер дернулся в конвульсиях, извергая пламя. Не обращая внимания на огненные потоки, острые когти и клацающие зубы, Майкл замахнулся мечом и с мрачной решимостью продолжал вонзать меч в шею существа снова и снова, будто лесоруб с тупым топором, а не мастер фехтования, до тех пор, пока его голова не отделилась от тела, и он не затих. Тогда силы сэра Майкла иссякли, и он со звоном опустил меч, склонив голову, тяжело дыша и дрожа.

Он долго лежал неподвижно, пока не почувствовал, как Лексен нежно покусывает его обожжённые волосы, тогда рыцарь пошевелился и понял, что всё ещё истекает кровью. Майкл изо всех сил старался расстегнуть ремни нагрудника, его пальцы были обожжены и болели, между вздохами он проклинал Френсиса — оруженосца за то, что того не было рядом, чтобы помочь ему. В конце концов он справился, ремни развязались, и Майкл с лязгом отбросил нагрудник, чтобы осторожно проверить рану под мышкой. Кровь пропитала его одежду, он неловко стянул обгоревшую рубашку, рана оказалась не такой глубокой, как он боялся, к счастью не смертельной, если только он не истечет кровью и избежит заражения от грязных когтей дракона. Обожженная кожа болела, но не настолько, чтобы вызывать беспокойство.

Оторвав полоску ткани от сброшенной рубашки, Майкл сунул ее под мышку и позволил себе слабо улыбнуться. Лексен подбежал к труп дракона и выдохнул через ноздри в смятении, тело существа медленно обращалось в камень.

— Не плохо для твоего первого дракона, — сказал Майкл коню. — Возможно, со следующим ты справишься самостоятельно. Я ранен довольно сильно, но осмелюсь сказать, что доберусь домой целым и невредимым. Если Элиза не убьет меня, то смогу прожить еще один день. А теперь, не думай обо мне плохо, Лексен, но я думаю, что сейчас упаду, — и с этими словами, лорд Хэмби без сознания рухнул на землю.

Прошло несколько часов, прежде чем Френсис решился войти в лес, проверить, что стало с его господином. Он двинулся тем же самым путем, что и сэр Майкл в темные предрассветные часы, но сейчас светило солнце, и проход, оставленный драконом, был виден безошибочно.

Выйдя на поляну, Френсис в страхе остановился при виде каменного дракона, распростертого на земле с отрубленной головой, а затем улыбнулся, увидев своего господина, по всей видимости, мертвого.

— Надменный дурак, — прошептал Френсис.

Подойдя ближе, он коснулся ногой тела Майкла и был поражен, услышав тихий стон лежащего рыцаря. Френсис взвизгнул от ужаса и отступил, глядя на опаленные волосы сэра Майкла, окровавленную рубашку и синяки, начинающие проступать на бледном, худом торсе.

— Френсис? — Майкл пошевелился и поморщился, приоткрыв один глаз. — Боюсь, я немного ранен. Ты не мог бы мне помочь?

— Конечно, — произнес оруженосец, тщательно скрывая эмоции. — Покажите мне, — настоял он, поднимая руку Майкла и убирая скомканную ткань, скрывающую рану.

Майкл зашипел от боли, когда кровь снова начала течь, но он слабо улыбнулся, его зубы блестели на фоне измазанной сажей кожи.

— Насколько все плохо? — спросил рыцарь, поднимая обожженную бровь.

— Не так плохо, как могло быть.

Френсис выхватил кинжал и глубоко вонзил его в рану сэра Майкла.

Он не посмотрел Майклу в глаза, когда рыцарь закричал, а лишь повернул лезвие, пронзив сердце Майкла. Он чувствовал, как горячая кровь рыцаря заливает его руку, и удивился, с какой легкостью удалось ему это сделать.

Майкл вздрогнул, схватив Френсис за руку.

— Но Элиза... — сказал он в замешательстве.

Затем его голова запрокинулась, и глаза закрылись.

— Да, — прошептал Френсис. — Элиза.

Повисло молчание, но тут копыта Лексена обрушились на плечи Френсиса, повалили его на землю, впиваясь в плоть. Оруженосец перевернулся на спину, в ужасе глядя на боевого коня, пока подкованные железом копыта били его в грудь как молоты. Копыто скользнуло по черепу Френсиса, и он попытался откатиться прочь.

Оруженосец в отчаянии схватил меч сэра Майкла и полоснул жеребца по ногам, на белом проступила красная линия. Френсис закричал на животное, с трудом поднимаясь на ноги и делая ложный выпад. Белый конь, привыкший к мелким жестокостям оруженосца, встал на дыбы над телом своего господина, словно защищая его, Френсис попятился и убежал с поляны.

Леди Хэмби не могла ни есть, ни спать, пока ее муж отсутствовал, и проводила большую часть времени на самой высокой башне замка Хэмби, напряженно вглядываясь в едва видимый берег острова Джерси, в надежде увидеть возвращающийся корабль Майкла. Она сделала короткую передышку и прилегла в изнеможении, когда вбежала служанка, и, задыхаясь, сказала, что лодка вошла в гавань под флагом сэра Майкла. Элиза понеслась вниз, вздымая вихрь длинных юбок, и побежала к причалу, ее волосы развевались, как золотой вымпел. Горничная следовала за ней, тяжело дыша.

Капитан стражи и несколько человек мчались за ней на едва почтительном расстоянии, грохоча сапогами по деревянному причалу с такой силой, что доски дрожали.

— Капитан Брион, вы его видите? — спросила Элиза, — О, почему бы им не поторопиться?

Когда корабль подошел к причалу, Элиза закричала:

— Где Майкл? Где мой муж? Если он прячется, чтобы напугать меня, — добавила Элиза капитану Бриону с истерическим всхлипом, — я столкну его в воду и буду надеяться, что он пойдет ко дну, как камень, в своих дурацких доспехах.

Увидев Френсиса у поручня, Элиза снова закричала:

— Где сэр Майкл?

— Лорд Хэмби мертв, моя госпожа Элиза, — произнес оруженосец, и неуверенно ступил на причал. — Его убил дракон.

— Нет, — выдохнула она.

Элиза скорчилась и рухнула в складки своих юбок, она не могла дышать. Прижав одну руку к горлу, а вторую к корсажу, она пыталась сделать вдох.

— Нет, — произнесла она, — это шутка. Он думает удивить меня и смеется из-за моего страха. Скажи, что это шутка!

— Это правда? — спросил капитан Брион Френсиса, когда тот опустился на колени перед леди Хэмби. — Говори, дурак!

— Дракон убил сэра Майкла, — сказал Френсис. — Это была великая битва, и оба были тяжело ранены. Я одержал победу, отрубив чудовищу голову, но сэр Майкл получил смертельную рану. — Френсис расправил узкие плечи, — Я убил дракона и успел к последним словам сэра Майкла.

Френсис заколебался и нервно облизнул губы, приглаживая волосы.

— Он был раздавлен существом, поэтому я не смог вернуть его тело. Однако последним желанием сэра Майкла и его приказом было: в награду за мою службу и мою... храбрость в битве с драконом... я унаследовал его земли и титулы и должен взять в жены леди Хэмби. Это было его желание и его приказ нам.

Элиза тихо подползла к краю причала, и ее вырвало в воду.

Свадьба Френсиса и Элизы не была радостным событием. Элиза, казалось, спала всю церемонию, ее щеки были мокрыми от слез. Она не произнесла ни слова с тех пор, как получила известие о гибели мужа. Она только спросила, что стало с лошадью мужа. Она получила ответ от Френсиса, что Лексен бросил всадника прежде, чем его убил дракон.

Капитан Брион держался близко к Элизе во время всего пиршества, его рука покровительственно лежала на ее предплечье, в надежде хотя бы немного утешить ее. Оруженосец, Брион не мог думать о Френсисе иначе, смеялся слишком громко и пил слишком много рядом с хрупкой женой. Брион все надеялся, что леди Хэмби очнется от своего оцепенения и прикажет Бриону наказать оруженосца за чертову дерзость, что тот осмелился претендовать на ее руку, несмотря на предсмертные желания сэра Майкла. Его господин был на пороге смерти и, должно быть, бредил, раз подумал о таком союзе, ничего кроме безумия не могло этого объяснить. Оруженосец не разрешил леди Хэмби носить траур, видимо, опасаясь, что Элиза откажет ему, когда перестанет быть совершенно онемевшей от горя.

На глазах Бриона, Френсис увел Элизу с мрачного свадебного празднества, повел вверх, в старую спальню его господина. Капитан стражи стиснул зубы, чтобы не окликнуть Элизу, и направился за ними на почтительном расстоянии.

Элиза медленно шла вверх в комнаты, что делила с первым мужем, игнорируя мужчину, что нетерпеливо шел впереди. Оруженосец был тенью, по сравнению с ее Майклом, и она была совершенно безразлична к нему.

— Я сделала, как ты хотел, любовь моя, — пробормотала леди Хэмби в память о муже. — Я вышла замуж за оруженосца, но жить так я не могу.

— Что случилось, Элиза, дорогая? — спросил Френсис, когда они вошли в спальню.

Френсис начал раздеваться, а Элиза направилась к бюро. Он скинул ботинки и на мгновение пьяно пошатнулся. Она открыла ящик и достала кинжал, который Майкл заказал, исполняя ее прихоть. Это был красивый и богато украшенный кинжал, он выглядел миниатюрной копией его меча. Тот самого, который Френсис сейчас отстегивал от пояса и с грохотом бросал на пол.

Элиза приставила кончик клинка к своему горлу и ощутила спокойствие, делая

последний вздох. Она повернулась, собираясь попрощаться с оруженосцем мужа, тот глядел на нее с ужасом, осознавая, что она собирается сделать. Губы Элизы открылись, чтобы произнести слова, но тут она посмотрела на грудь оруженосца и застыла в изумлении. Ее глаза потемнели, и она опустила кинжал, но хватка ее не ослабла, а только усилилась.

— Френсис, ты не мог бы мне объяснить, — тихо произнесла Элиза, что оруженосец едва расслышал, — почему на твоей груди след от копыт?

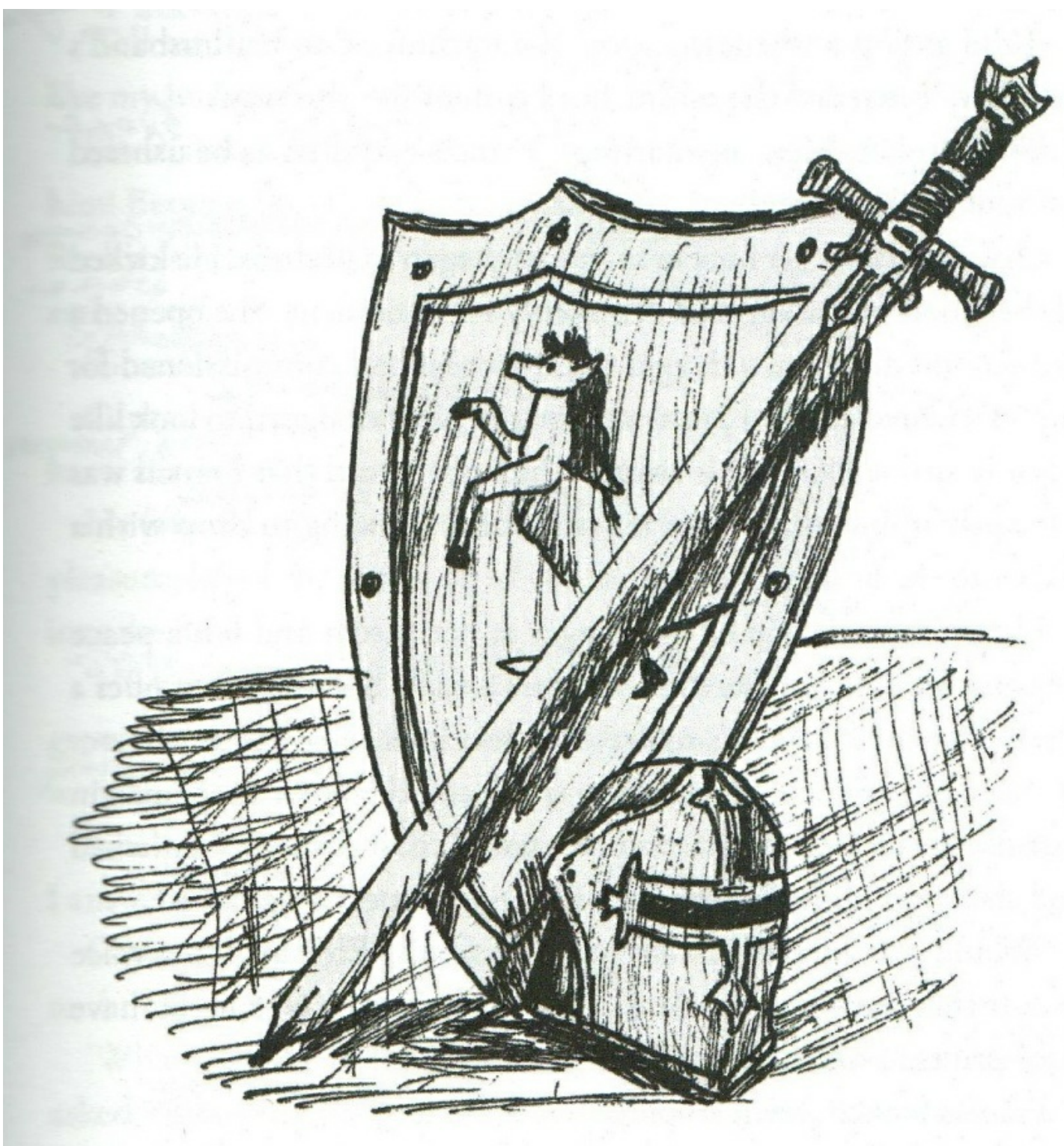
Френсис опустил глаза.

— О, это. Лошадь лягнула меня, когда пыталась убежать.

— В самом деле? — Хватка Элизы на кинжале стала жестче, она так сильно сжала его, что даже рука начала дрожать. — Если Лексен лягнул тебя, след от копыт должен быть перевернут, разве нет?

— Жар битвы, — неопределенно запротестовал Френсис. — Возможно, он и прошелся по мне. Память могла и пострадать под воздействием травмы...

— Повернись, дай мне полностью рассмотреть тебя, — повелительно приказала леди Элиза. — Есть ли хотя бы одна отметина от драконьих когтей? Хоть один ожог от драконьего пламени? Покажи мне!

Френсис потянулся за рубашкой.

— Теперь я твой муж, — сказал он со всей страстью, на какую был способен, — и ты должна относиться ко мне с уважением, или я накажу тебя, как пожелаю.

Элиза невесело рассмеялась, когда он сделал шаг вперед.

— Скажи мне, Френсис, — выплюнула она, — как случилось, что такой доблестный рыцарь, как мой муж, был убит, а такая хнычущая дворняга, как ты, выжил?

Лицо Френсиса искажилось от ярости, и он рывкнул в ответ:

— Потому что я убил его! Потому что он был высокомерным дураком, который заслуживал смерти за свой идиотизм, и если ты хочешь присоединиться к нему, тогда я помогу тебе!

— Стража! — прокричала Элиза.

Капитан Брион ворвался в дверь с такой силой, что сорвал нижнюю петлю.

Он обнаружил леди Хэмби, борющуюся с Френсисом, и с огромным удовольствием оторвал от нее оруженосца и швырнул его лицом об пол.

— Он убил Майкла, — всхлипнула Элиза, Френсис боролся, пытаюсь подняться. — Видишь, Лексен пытался защитить моего мужа. Раны оруженосца выдают его!

— Она сошла с ума от горя, — закричал Френсис. — Она несет чепуху. Я твой господин, и ты отпустишь меня!

Капитан Брион схватил Френсиса за горло и потащил к двери.

— Леди Хэмби, что вы хотите, чтобы я с ним сделал? — спросил Брион, крепче сжимая руку на горле Френсиса, чтобы мужчина не мог протестовать.

— Собери гостей, которые еще не разъехались, и достань веревку, — Леди Хэмби холодно улыбнулась и вытерла глаза. — У нас сегодня вечером будет повешение.

Леди Хэмби и капитан ее стражи отплыли со следующим приливом. Им не составило особого труда найти то место, где сэра Майкла убил оруженосец, утверждавший, что убил дракона. Остров был полон новостей о гибели чудовища.

Несколько людей робко поприветствовали их, когда они подошли ближе к тому месту, где лежало тело, и мальчик, с которым сэра Майкл говорил перед тем, как отправился на битву, храбро шагнул вперед.

— Мы все знали, что оруженосец не убивал дракона, моя госпожа, — почтительно произнес мальчик, когда вел их в лес. — Мы слышали, как бушевала битва на рассвете, а затем через пару часов оруженосец вошел в лес, и вышел оттуда меньше, чем через десять минут. Он сказал, что он убил дракона. Но я сказал маме: «Мама, ты также можешь сказать людям, что это ты убила дракона, и это будет правдивая история», вот что я ей сказал, моя госпожа.

— Мы близко? — спросила Элиза.

— Почти пришли, леди Хэмби, — произнес мальчик, когда они шли по протоптанной дорожке. — Мы не смогли перенести тело сэра Майкла и воздали ему почести по всем правилам, как могли, моя госпожа, поэтому мы воздвигли пирамиду из камней над ним, а люди приносили сюда камни и цветы.

— Почему вы не смогли перенести его? — спросила Элиза.

— Из-за белой лошади, леди Хэмби, — пояснил мальчик. — Он не давал его передвинуть, и хотя большую часть времени он кроток, как ягненок, но как только кто-нибудь пытается его увести, сразу превращается в демона.

— Лексен! — всхлипнула Элиза, когда выбежала на поляну и увидела жеребца мужа. Белый конь пронзительно заржал, узнав ее, и потрусил к ней, утыкаясь мордой в грудь. На его передней ноге была повязка, его освободили от доспехов и почистили, ожоги обработали. Люди вокруг с почтением и любопытством смотрели на жену своего спасителя.

— Я заботился о нем, — горделиво добавил мальчик с фермы, ласково поглаживая жеребца, — это малое, что я мог сделать. Он любит яблоки.

— О, да, конечно. Я благодарю тебя, — прошептала Элиза, обхватывая пальцами остатки гривы Лексена. — И я буду вечно тебе благодарна.

Пирамида из камней возвышалась выше человеческого роста, словно каждый человек,

приходящий засвидетельствовать свое почтение, добавлял камень к монументу, но даже камни едва можно было различить за завесой цветов, покрывавшей их. Элиза устала на останки дракона, ужасаясь их размеру, прежде чем опуститься на колени рядом с импровизированной гробницей мужа.

Серый день был долгим, но уже наступила ночь, и капитан стражи мягко положил руку на плечо Элизы.

— Давайте заберем Лексена домой, моя госпожа. Здесь для нас не осталось ничего, кроме горя.

— Оставить могилу моего мужа, Брион? — Элиза покачала головой и вытерла глаза. — Как я могу отправиться домой, если не смогу навещать место, где он похоронен?

Жители острова Джерси услышали разговор и выстроили каменную пирамиду настолько высокую, что холм из камней и земли покрыл не только сэра Майкла Хэмби, но и дракона, которого он убил ради них. Они назвали это место La Hougue Hamble (La Hougue Vie De Hamble — Ла-Хуг-Би. Hougue — с франц. курган). В ясный день леди Хэмби поднималась на самую высокую башню своего замка в Нормандии и смотрела на место, где сэр Майкл упокоился навсегда.

Курган стоит там и по сей день.

THE BLACK DOG OF BOULEY BAY

Черная собака из Боули Бэй

По ночам, когда черная собака бродила по холмам Боули Бэй, люди запирались в своих домах, закрывали ставни и запирали двери на засов. Те, кому удавалось увидеть черную собаку, описывали ее по-разному. Некоторые говорили, что она размером с быка,

гладкошерстная с плоскими, как у собаки, ушами и огромными желтыми, как золото, глазами. Другие клялись, что черная собака похожа на большого черного волка размером с медведя, с красными глазами, пылающими, словно адское пламя.

Многие настаивали на том, что появление легендарной черной собаки предвещает надвигающуюся бурю или смерть близкого человека, хотя другие утверждали, что она приводит заблудившихся путешественников в безопасное место. Кто-то предупреждал, что черная собака загоняет людей, и те падают со скал, или что она жестоко терзает людей. Другие же клялись, что черная собака защищает слабых от опасностей.

Вопрос — была ли черная собака злым духом или причудливым подарком природы — долго оставался темой для дебатов в этих краях. Скептики бормотали, что все это лишь слухи, распространяемые контрабандистами с целью держать людей подальше от этого района ночью. Но стоило только жутким завываниям вновь раздаться в заливе, как все, кто их слышал, тут же направлялись в ближайший дом или таверну «Черная собака», просто так, на всякий случай.

Стояла поздняя майская ночь, над холмом висел густой морской туман, когда местные жители услышали призрачный вой, эхом разносящийся по заливу, и поспешили снова запереться дома. И если бы этой ночью кто-нибудь хоть мельком увидел черную собаку, то, наверное, удивился бы, почему она такая неуклюжая. Они могли бы заметить, если бы решились присмотреться, что черная собака в этот вечер была размером с ростовую куклу, а ее большой пушистый хвост выглядел так, будто был сделан из перьев и прикреплен к телу. Черная собака двигалась медленной, неровной походкой, и в какой-то момент, когда ее задняя половина соскользнула и упала на мокрые листья, можно было расслышать, как она тихо выругалась.

Если бы хоть кто-то решился пойти по извилистой тропинке, которой следовала черная собака, вниз по крутому склону к берегу, он бы заметил, как она прошла по гальке и приблизилась к воде, а ее задняя часть в это время отделилась и твердо произнесла:

— Все, хватит, Пьер, мне надоело смотреть на твой зад. Я буду головой, когда пойдем обратно.

— Хмм! — промычал Пьер, — Ты хоть понимаешь, что будет, если нас поймут таможенники? Ради бога, Джон, не шуми.

Сняв с головы огромную черную собачью маску, Пьер вытер выступивший на лбу пот, он сунул руку в лохматый костюм и порылся во внутренних карманах, пока не нашел свою трубку. Он схватил ее большой фальшивой лапой и с трудом зажег.

— В любом случае, — добавил Пьер, пыхтя трубкой, — я вою лучше тебя, так что вполне логично, что я буду головой.

— Ну, ладно. Их еще не видно? — спросил Джон, глядя поверх волн.

— Разве в таком тумане разберешь. Они все равно всегда опаздывают.

Парочка старательно вглядывалась в туман, прислушиваясь, как тихие волны накатывают на каменистый берег, наконец мерцающее отражение на воде приняло форму фонаря на носу лодки, гребущей тихо к берегу.

— Повойте нам, ребята, — хихикнул один из матросов, выпрыгивая из лодки на отмель.

Галька хрустнула под ногами, когда он вытаскивал лодку на берег. Двое его товарищей выпрыгнули из лодки и быстро выгрузили свой небольшой груз: три бочонка бренди и бутылку лучшего джина.

— Добрый вечер, мерзкая шайка контрабандистов, — Джон пожал руку каждому из

улыбающихся мужчин, пока Пьер осматривал груз.

— Да я смотрю, вы тут уже приложились, — сказал Пьер, указывая на открытый бочонок, — сколько уже выпили?

— Всего лишь глоток, ну, пару глотков, — сказал один из матросов, беспечно махнув рукой и приготовившись столкнуть лодку обратно в воду. — Чтобы согреться.

— Ты же знаешь, что Мартин вычтет это из оплаты? — спросил Джон.

— Он всегда так делает, — проворчал один из мужчин, и под скрежет гальки и стук сапог они залезли в лодку и исчезли в тумане.

— Чертовы контрабандисты, — пробормотал Пьер им вслед.

— Три бочонка, — сказал Джон, с гримасой взвешивая один из них руками, — будет неудобно нести, особенно в одежде полу-собаки. — Может, стоит...

— Нет, — твердо сказал Пьер, — становимся собакой, Джон. Мы не можем позволить, чтобы нас поймали, а дома нужно быть до рассвета. Еще и на холм взбираться.

— Жуткий подъем, — со вздохом согласился Джон.

— Он крутой и не потерпит ошибок, — задумчиво сказал Пьер, попыхивая трубкой.

— Может, стоит подкрепиться, прежде чем двинемся дальше, — размышлял Джон. — Сделаем по глоточку?

— Не повредит, — согласился Пьер, и откуда-то из глубин лохматой груди достал маленькую помятую жестяную чашку и наполнил ее из бочонка.

А поскольку, как они решили, это была очень маленькая чашка, имело смысл наполнить не по разу и выпить содержимое с удовольствием, в конце концов, бутылка джина все же была снова надежно спрятана у Джона в штанах. Открытый бочонок они повесили на шею Пьера, словно он был сенбернардом, а запечатанные спрятали внутри собачьего костюма и начали медленно подниматься из бухты.

— А ты хорошо подготовился, Пьер, — заметил Джон, когда они медленно тащились на холм.

— Ты и половины всего не знаешь, Джон, — ответил Пьер, — у меня еще два пирога в сумке, на случай если проголодаемся.

— Наперед мыслишь! — восхищенно воскликнул Джон. — То-то мне показалось, что ты сегодня аппетитно пахнешь. С таким долгим и трудным восхождением, как этот, нам обязательно нужно будет немного подкрепиться.

Пьер внезапно остановился, и Джон по инерции врезался в него.

— Ты это слышал? — прошептал Пьер.

— В этом чертовом костюме почти ничего не слышно.

— Тише!

— В чем дело?

— Тише, Джон.

Джон замолчал, но спустя несколько мгновений все же не удержался и спросил:

— Но это же не может быть собака из Боули Бэй? А вдруг она подумает, что мы позволяем себе некоторые вольности, оделись тут таким образом и...

— Тише. Джон! Быстро в кусты.

Джон обнаружил, что Пьер тащит его в заросли утесника, и тихо выругался, прикрывая лицо от шипов. Впервые за все время он был рад, что на нем толстый костюм, защищавший от самых страшных царапин.

Высвободив голову из собачьего костюма, Джон смог различить звук тихих голосов,

доносившихся сквозь туман. Из-за плотной дымки они казались приглушенными. Миллионы крошечных капель воды мешали звукам, а свет лампы превращали в призрачное свечение.

— Это таможенники? — прошептал он.

— Успокойся, Джон, — тихо произнес Пьер.

Они лежали в темноте, прислушиваясь к приглушенным голосам. Люди находились достаточно далеко, чтобы можно было понять, сколько их, но достаточно близко, чтобы волосы на затылке от страха вставали дыбом. Постепенно свет исчез, и тихая болтовня сменилась тишиной, но Джон и Пьер выждали еще, пока не убедились, что мужчины ушли.

— Думаешь, они искали нас? — тихо спросил Пьер.

— Очень может быть, — негромко ответил Джон, — я рад, что мы выпили. А то я немного испугался, Пьер. Кажется, мою половину собаки придется постирать.

Пьер нервно засмеялся и выполз из кустов.

— Тогда пошли, — сказал он, поправляя костюм.

Они с трудом поднялись и двинулись в темноте под деревьями. Десять минут тяжелого подъема, и оба парня уже задыхались и решили отдохнуть.

— Давай выпьем еще по чашечке, Пьер, — восстанавливая дыхание, предложил Джон, — от пары глотков эта штука у тебя на шее легче не станет.

— Умная мысль, Джон, — согласился Пьер, и они выпили еще.

— Я тут подумал, что если мне попробовать снова попить, — произнес Джон, осушив маленькую чашку. — Я практиковался, думаю, у меня получится.

— Давай, — поддержал его Пьер, протягивая руку за чашкой. — Таможенники, наверное, уже далеко. Я пока достану пироги, и не буду смотреть на тебя, чтобы тебя зрители не пугали.

— Очень мило с твоей стороны, Пьер. — Джон прочистил горло со всей торжественностью оперного певца, глубоко вздохнул, наполнил легкие, поднял подбородок и испустил громкий призрачный вой, который эхом отозвался в густом тумане.

— О да, гораздо лучше, чем в прошлый раз, — заявил впечатленный Пьер. — Очень жутко, очень печально. Вот, промочи горло и откуси пирога.

— Спасибо, Пьер, — поблагодарил его Джон, немного смутившись, — но все же он не так хорош, как твой.

— Постарайся, чтобы вой был как можно ниже и глубже, — ответил Пьер, прежде чем откусить кусочек от своего пирога. — Тогда будет звучать так, словно вой действительно принадлежит очень большой собаке, — добавил он с набитым ртом.

Джон одобрительно кивнул и откусил кусочек пирога. Пьер быстро проглотил свою порцию.

— Мне позволишь? — спросил Пьер.

— Конечно! — и Джон вернул ему чашку. Пьер запил еду, прочистил горло и издал впечатляющий вой.

Звук разнесся по заливу, и Джон представил себе, как обитатели окрестных деревень прячут головы под одеяла или проверяют засовы на дверях. Таможенникам понадобится вся их храбрость, чтобы рискнуть и продолжить свои поиски, когда по округе бродит такая убедительная черная собака.

— Как громко, Пьер! Попробую-ка я еще раз, вдруг получится сделать лучше.

— Практика сделает свое дело, — Пьер похлопал его по плечу и встал. — Пойду отойду, выпущу лишнюю водичку, так сказать, — и с этими словами он отошел в тень, чтобы

облегчиться.

Джон снова завыл, но его попытка не могла сравниться ни по громкости, ни по глубине с воем Пьера, поэтому он закончил все свои усилия вздохом разочарования. Затем откусил кусочек пирога и наслаждался его вкусом.

Где-то неподалеку раздался еще один леденящий душу вой, такой первобытный и пугающий, что волосы на шее и руках у Джона встали дыбом.

— Это было великолепно, Пьер, — прошептал Джон с благоговейным трепетом. — Вот почему ты — мастер, а я всего лишь ученик. Вот почему ты главный. Вот почему...

— Это был не я! — ответил Пьер, стремительно появляясь из кустов с собачьей головой подмышкой и жутко быстро натягивая штаны. — Это был не я, Джон.

Джон медленно потянулся к открытому бочонку бренди.

Послышался треск веток, а затем сквозь туман они смогли разглядеть, что темнота впереди стала еще темнее. И тут от деревьев отделилась огромная тень.

Пьер замер. Маленький бочонок выпал из онемевших пальцев Джона и покатился вниз по склону, никем незамеченный он проливал на землю густой бренди и в конце концов уперся в дерево. Сырный пирог выпал из руки Джона, и он медленно попятился.

Черная собака появилась из тумана. Она вышла на поляну, завитки тумана закручивались у ее морды. Она была больше любой собаки, которую когда-либо доводилось видеть человеку. Крепко сложена, как большой волк, но с мягкими плоскими ушами ретривера. Джон вспомнил, что по рассказам у черного пса глаза должны быть цвета адского пламени или хотя бы серно-желтые, но насколько позволял судить бледный лунный свет, Джону они казались такими же черными, как и все остальное.

— Пьер, — тихо произнес Джон, — она смотрит прямо на меня, Пьер.

— Не беги, — прошипел Пьер сквозь стиснутые зубы.

Собака повернула массивную голову и уставилась на него, не мигая.

— Теперь она смотрит на тебя, Пьер, — прошептал Джон.

— Вижу, Джон, — мягко сказал Пьер, — я вполне ясно это вижу, спасибо.

— Может тебе снять собачью голову, — подсказал Джон, — чтобы она не приняла тебя за собаку и не решила драться.

Пьер медленно снял свою половину костюма, и она упала на землю к его ногам. Пьер поднял руки вверх, будто сдаваясь, краем глаза он заметил, что Джон слегка согнул колени и задвигался из стороны в сторону так, что его фальшивый хвост слабо вилял.

— Хорошая собачка, — хрипло произнес Джон. — Кто хороший песик?

Собака отвернулась от Пьера и медленно двинулась к Джону, бесшумно ступая огромными лапами, размером с обеденные тарелки.

Джон пискнул и попытался отступить, но обнаружил, что прижимается спиной к кусту утесника. Собака опустила голову, понюхала землю и с большим достоинством и деликатностью съела сырно-луковый пирог, который обронил Джон.

— Хорошая собачка, — прошептал Джон, когда зверь снова поднял голову, — кто хороший мальчик?

Черная собака издала низкое рычание.

— О, черт, — пробормотал Джон и тут же понял, что собака смотрит куда-то мимо него. Он полуобернулся и услышал тихие голоса, доносящиеся сквозь туман. Он настолько сосредоточился на черной собаке, что не заметил света приближающегося фонаря.

— Таможенники, — выдохнул Джон, — должно быть, услышали вой.

— Ну и встряли же мы, — пробормотал Джон. — Что нам делать, Пьер?

Один огромный прыжок, и черный пес исчез в тумане, оставив их одних. Там, где ее когти впивались в землю, остались глубокие борозды.

— Пошевеливайся! Сейчас же! — прошипел Пьер.

Они подхватили все и побежали так быстро, как только позволяли их поклажа и костюм.

Крики ужаса эхом разнеслись в ночи вместе с грозным рычанием и шумом людей, пробивающихся сквозь подлесок.

— Черная собака!

— Она настоящая!

— Бегите! Спасайте свои жизни!

Один крик, особенно похожий на девчачий, разнесся по холму, но никаких предсмертных криков или признаков того, что на людей кто-то напал, только отдельные крики паники эхом долетали до Джона и Пьера.

Джон пыхтел и раскраснелся, его хвост дико раскачивался, наконец парень остановился.

— Они ушли, Пьер. Помедленнее, пожалуйста, я не могу дышать.

Пьер с кряхтением рухнул на землю, тяжело дыша. Сунув руку за пазуху, он вытащил трубку, но отбросил ее как можно дальше от себя, прижав руку к груди и стиснув зубы, пытаясь наполнить пылающие легкие воздухом.

Джон лег на прохладную землю, пытаясь отдышаться, пока снова не смог говорить.

— Чертова собака спасла наши шкуры, Пьер.

— Так и было, Джон. Но кто сказал, что она не планировала их съесть прямо перед этим?

— Она съел мой пирог, Пьер.

— Вот тут не повезло, Джон. Это были отличные пироги. Я сам их испек.

— Ты в самом деле печешь прекрасные пироги, Пьер. Я всегда это говорил. Однажды, ты станешь прекрасным мужем для какой-нибудь женщины.

— У нее отличный вкус, у этой собаки.

— Хороший песик, — подтвердил Джон. — Я это понял в тот самый момент, когда она решила не убивать нас.

Пьер энергично кивнул:

— Прекрасное проявление солидарности. Мы, черные собаки, должны держаться

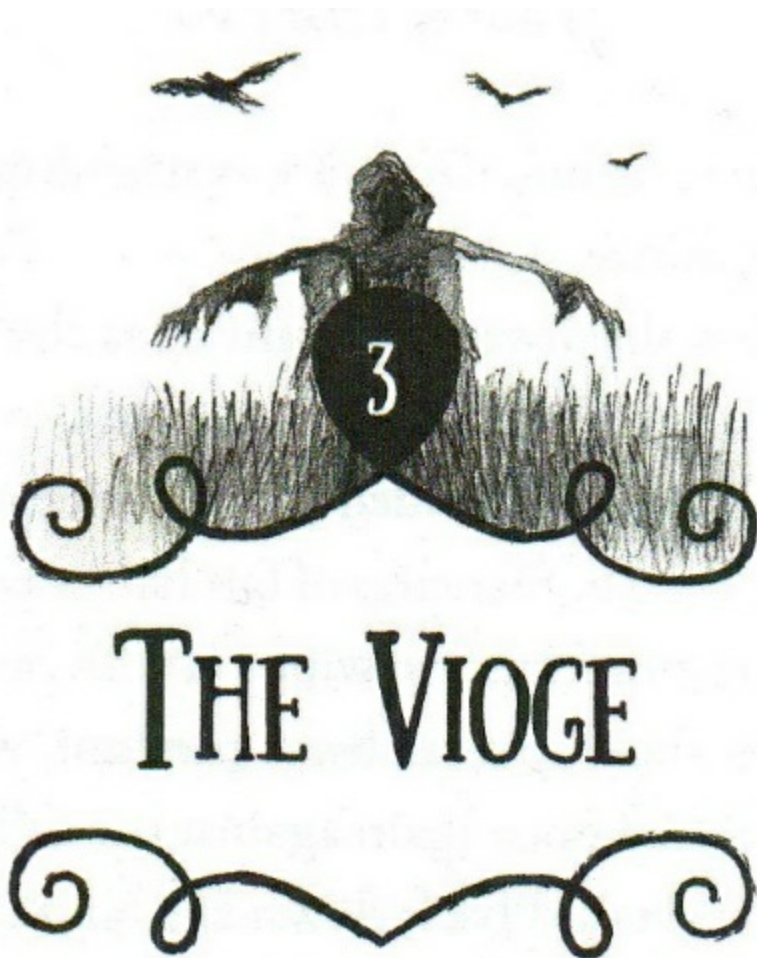
вместе. Кто бы мог подумать, Джон? Черная Собака из Боули Бэй! Сам я никогда не верил ни слову из этой легенды. И если бы не увидел собственными глазами, то и не поверил бы.

— А я всегда верил, Пьер, — твердо сказал Джон, — никогда не сомневался.

Двое парней лежали на земле в молчании, обдумывая недавнюю встречу, пока в конце концов Джон не поднялся.

— Вот что я тебе скажу, Пьер, что-то от всей этой беготни у меня совсем в горле пересохло.

— Да и я не прочь выпить, Джон, — сказал Пьер, доставая чашку. Они подняли тост за Черного Пса из Боули Бэй, и это был первый из многих.

Виож

Поднимаясь по крутому склону La Ruelle a la Viöge, Алиса размышляла о его другом, более распространенном названии — Crack Ankle Lane. Название было подходящим. «Скорее всего, — подумала Алиса, — тех людей, которые падали вниз по крутому склону и ломали кости, было намного больше, чем дотавившихся наверх, таких как она».

Узкая тропинка была крутой, словно лестница, с одной стороны простиралось поле с высокой травой, с другой, лесистый склон холма. Тропинка больше напоминала травянистую траншею высотой с человеческий рост, над головой переплетались ветви деревьев, и Алисе казалось, что она идет по крутому зеленому туннелю.

Будучи ребенком, она как-то раз попыталась сбежать с холма. Крутой склон не давал возможности остановиться, она продолжала бежать по инерции, размахивая руками, пока не

споткнулась и не упала лицом в грязь, неуклюже останавливаясь. Зимний лед и снег оставили ее растеряно сидеть на попе, но сейчас холод зимы казался ей сладким воспоминанием. Она брела вперед под палящими лучами летнего солнца, аккуратно переставляя ноги и стараясь игнорировать боль в мышцах.

Еще несколько шагов, и она остановилась на том же месте, где когда-то в детстве упала в грязь. Алиса влезла на насыпь на краю поля и позволила себе отдохнуть. С этой высоты ей хорошо были видны зеленые поля, сбегаящие по склонам холмов к огромным изгибам бухты Сент-Обин. Небесно-голубое море сверкало под ясным небом.

Это место всегда означало для нее половину ее непростого ежедневного подъема по холму от школы в долине Святого Петра. Она наслаждалась передышкой, улыбаясь великолепному виду и переводя дыхание. Ее коротко стриженные светлые волосы от пота прилипли к тыльной стороне шеи. Она вытерла его рукой, поправляя ожерелье так, чтобы крошечный серебряный кулон в виде сердца, который съехал в бок по цепочке, снова лег ей на ключицу.

С тихим вздохом она соскользнула с насыпи и посмотрела на узкий холм, который вел вверх, к дому ее родителей. Сидя и глядя на море, до дома быстрее она не доберется, да и дел по хозяйству было невпроворот. Алиса снова начала свое медленное восхождение.

Легкий ветерок охлаждал шею. Он принес с собой намек на мелодию. Она была почти знакома, как воспоминание о какой-то давно любимой песни, которую она никак не могла вспомнить. Девушка остановилась и закрыла глаза, стараясь расслышать. На мгновение песня повисла в воздухе, а затем пропала, словно унесенная переменчивым ветром.

Повернувшись, Алиса встала на цыпочки и оглядела поле. Но никого не увидела. Только вдалеке виднелось пугало, сгорбленное и грязное, его длинные руки были раскинуты, как сломанные крылья. Оно стояло на поле растущей пшеницы, словно оборванная статуя в колышущемся море зелени.

Источник этой странной музыки был неясен, и Алиса подумала, уж не померещилось ли ей. Ветер принес насыщенный кокосовый запах цветов утесника, и никаких звуков, кроме шепота травы и листьев. Даже птицы умолкли.

Устало пожав плечами, Алиса пошла дальше. Каждый шаг давался с трудом на этой самой крутой части холма. Она представила, как рухнет в постель, когда доберется до дома, чтобы вздремнуть после обеда. Эта мысль была так привлекательна, что она на мгновение закрыла голубые глаза и снова услышала странную мелодию. Она прислушалась, сердце в предвкушении замерло, и хотя от внезапной усталости ей пришлось сделать над собой усилие, она вновь подняла голову, чтобы посмотреть, откуда исходит музыка. Она поняла, что почти не продвинулась вверх по склону. В вот пугало уже было не так далеко, как раньше. Во всяком случае, оно казалось ближе.

Теперь мелодия была сильнее и прекраснее. Девушка замедлила шаг, и, чувствуя слабость, споткнулась. Возможно, все дело было в жаре. В конце концов она провела этот жаркий день в душном классе. Ей не удалось выпить даже стакана воды с самого обеда.

Ошеломленная, Алиса опустилась на колени, стараясь не упасть. Навязчивая колыбельная успокаивала, уносила все проблемы. Запах цветов становился все сильнее. Возможно, если она немного отдохнет, это ощущение пройдет, и, пока отдыхает, сможет слушать эту сладкую мелодию. Алиса лежала неподвижно, волна усталости захлестнула ее. Какая-то тень заслонила солнце, но Алиса этого уже не заметила. Ее глаза были закрыты.

Алиса очнулась от глубокого сна. Она лежала на спине, чувствуя приятное оцепенение и страстное желание снова погрузиться в этот сладкий бред, но что-то холодное и неприятное сжимало ей горло. Ощущение чего-то щекочущего и прохладного не покидало ее, будто ледяная вода капает ей на горло и стекает по обеим сторонам, собираясь в лужицу на тыльной стороне шеи. Она с трудом подняла тяжелую руку и провела ладонью по горлу. Пальцы начало покалывать, словно они коснулись льда. И тут она поняла — это было ее ожерелье, простое серебряное ожерелье, но теперь оно казалось живым, словно сотворенным из магии. Ей нужно снять его, и тогда она снова сможет заснуть.

Подняв голову, Алиса принялась возиться с застежкой, своими движениями напоминая пьяницу. Под ней что-то шевельнулось, будто она лежала на куче веток. Она явно была не в своей постели, но так сильно устала, что не обратила на это никакого внимания.

Алиса чувствовала себя почти так же, как тем утром, когда они с Салли Ле Местр допили отцовскую бутылку грушевого сидра. Она попыталась сесть, в голове вертелась только одна мысль: «Нужно снять ожерелье». Она заставила себя приоткрыть глаза, перед глазами все поплыло. Ее вес переместился, и импровизированная кровать сделала то же самое, Алиса снова повалилась назад, что-то больно ударило ее в спину. Резко открыв глаза, она поняла, что лежит на груде костей. Некоторые из них были древними: желтыми и хрупкими, почти превратившимися в пыль. Другие были свежими, на них еще сохранились хрящи. Какие-то принадлежали животным, но часть безошибочно были людскими. Линии и царапины на костях походили на следы когтей. Или зубов.

Задышавшись от ужаса, Алиса попыталась встать на ноги, но споткнулась, словно находясь под действием наркотика. Кости рассыпались, она споткнулась и упала в грязь, ее лицо оказалось на одном уровне с ухмыляющимся черепом. Приторный запах цветов, пропитавший ее одежду, смешался со сладковатым запахом гниющей плоти. И все же усталость не покидала ее. В голове постоянно вертелась нелепая мысль, что ей нужно просто лечь и немного отдохнуть, тогда сможет мыслить ясно и подумает об опасности, в которой оказалась. Ухмыляющийся череп издевался над ней, ужас боролся с неестественным дурманом. Алиса понимала, что если она позволит себе снова заснуть, то, возможно, никогда больше не проснется. Она отодвинулась от черепа и почувствовала, как ожерелье коснулось ее кожи, девушка с отчаянием схватилась за холодный металл. Она пыталась черпать из него силы, стараясь снова принять вертикальное положение.

Она находилась в какой-то темной пещере. Свет просачивался сквозь небольшую щель впереди, и его оказалось достаточно, чтобы можно было увидеть груды костей, покрывших весь пол мелкими кучками. Алису вырвало от одной лишь мысли о том, что она лежала в этой жуткой грязи.

— Что это за место? — прошептала она, потирая ожерелье между большим и

указательным пальцами и боясь, что без него она снова поддастся удерживающему ее бреду и станет просто еще одним скелетом.

Она подняла подвеску с сердечком и сунула ее в рот, возникло ощущение кусочка льда на языке. В голове у нее прояснилось, будто она только сейчас полностью проснулась. Освободив руки, она собралась с силами и с трудом поднялась на ноги, борясь с головокружением, которое накатывало волнами. Она подтянула одну ногу, затем другую, и заковывала к источнику света, стараясь не спотыкаться и вздрагивая каждый раз от звука, который издавали кости — от этой сухой какофонии под ее ногами. Она наклонилась вперед, ближе к земле, вытянула руки на случай падения. Она напряглась, силясь услышать еще какие-нибудь звуки, кроме тех, что издавала сама. Кто-то или что-то принесло ее сюда, в это логово древнего зла. Если он вернется, она должна быть готова. И с этой мыслью она потянулась к длинной кости, сухой и пожелтевшей от старости, толщиной с ее запястье. Возможно, это была кость ноги, кому она принадлежала человеку или зверю, девушка не имела понятия. Она схватила ее и взмахнула, чтобы почувствовать ее тяжесть и вес. Кость казалась достаточно твердой. И если ее похититель вернется, то окажется лицом к лицу с готовой к бою девушкой, а не с бессознательной жертвой.

Свет пробивался сквозь щель возле самой земли, так сильно вход был завешен густым плющом и покрыт ковром из крапивы. Алиса тихо выругалась, когда крапива принялась жалить ее ноги и руки, пока она пробиралась сквозь цепкую растительность к слепящему свету снаружи. Жгучий зуд, вызванный укусами крапивы, еще больше рассеял ее усталость.

— Где это я? — воскликнула Алиса, когда, шатаясь, вышла на открытое место, кулон с сердцем выскользнул из ее губ.

Она оказалась под пологом из деревьев, между огромными корнями дерева, которых почти не было видно снаружи. Поморгав, чтобы зрение стало ясным, Алиса, прищурившись, осмотрелась вокруг, увидела пролом в деревьях, двинулась к нему и вышла на яркий солнечный свет. Далеко внизу, где-то справа, сверкало голубое море. Впереди раскинулось зеленое поле молодой пшеницы. Посмотрев на склон холма, Алиса поняла, что находится всего лишь в двух шагах от того места, где проходила в последний раз. Но солнце было заметно ниже, а значит, она проспала в пещере с костями около четырех часов.

Впереди, за мерцающим полем пшеницы, была видна насыпь Crack Ankle Lane и дорога домой. Прижав костяное оружие к груди, Алиса быстро, как только была способна, начала пересекать поле. Она пробиралась сквозь зеленую пшеницу так, словно оказалась в кишасей акулами воде. Она шла вперед и старалась, чтобы лес всегда был слева от нее. Она внимательно следила за любым движением под деревьями, стараясь не представлять монстров, которые могли схватить ее за ноги под этим зеленым одеялом фермерского урожая.

Вдруг ее внимание привлекла фигура мужчины. Она резко вдохнула, собираясь позвать на помощь, но потом поняла, что это всего лишь пугало. Тощая фигура напомнила ей о трупах в пещере. Содрогнувшись, она поспешила прочь от него как можно быстрее. Пробираясь сквозь шелестящую пшеницу и спотыкаясь, она все больше приближалась к насыпи Crack Ankle Lane. Поле окаймляли кусты ежевики, и Алиса замедлила шаг, ища просвет, чтобы спуститься к тропинке внизу.

Ветер принес какой-то мягкий звук, и прежде чем она успела сообразить, она напряглась, чтобы расслышать его. Мелодия ударила ее, будто землю выбила из-под ног. Алиса почувствовала, что шатается от внезапно навалившегося изнеможения. Костяное

оружие оттягивало руки, и она уронила его, понимая, что не может бороться с такой тяжестью, очень устала.

Она опустилась на четвереньки, мелодия стала громче, ее легкие наполнил запах цветов утесника, богатый и опьяняющий аромат, в котором безошибочно угадывался запах разложения.

Стиснув зубы, Алиса с трудом продолжила двигаться вперед. Она ползла, как пьяная, уже не обращая внимания на кусты ежевики, за которые хваталась руками. Она была лишь рада шипам, что впивались в мягкую плоть ее пальцев и помогали бороться с наваждением, помогали оставаться в сознании.

Она оглянулась и заметила, что пугало оказалось ближе. И оно виднелось еще ближе, когда Алиса обернулась во второй раз. Боясь отвести от него взгляд, Алиса развернулась и попятилась спиной вперед, отползая от существа и наблюдая за черными впадинами его глаз в поисках признаков жизни. Пасть существа открылась, серая пасть трупа, и снова зазвучала прекрасная песня.

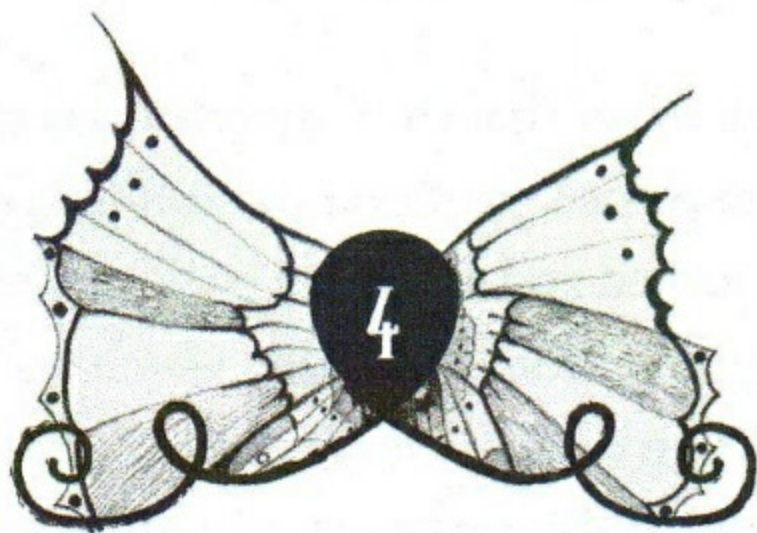
Алиса издала беззвучный вопль, пытаясь заглушить песню криком, и продолжила пробиваться назад. Ее руки схватили пустоту, и она, задыхаясь, проломилась через кусты ежевики, упала навзничь и скатилась вниз склону насыпи. Шипы хлестали ее по лицу и цеплялись за одежду, дергая в сторону, пока она кубарем катилась вниз и, наконец, остановилась. Какое-то мгновение она лежала ошеломленная, а потом с трудом поползла вперед. Она переставляла одну руку за другой двигаясь вверх по узкой дорожке, ободранные колени болели. Каждое соприкосновение с землей пронзало болью все тело, не давая уснуть. Она оглянулась назад и всхлипнула от ужаса, увидев пугало, стоящее на вершине насыпи. Его пустые глаза были устремлены на нее, когти сжались в предвкушении. Она с трудом продвигалась вперед, не отрывая от него глаз, и, когда он открыл свой рваный рот, чтобы снова запеть, она потянулась за своим ожерельем.

Но оно исчезло.

Алиса отчаянно вцепилась в горло. И в этот момент на солнце блеснуло серебряное сердечко, зацепившееся за куст ежевики. Оно медленно вращалось, сверкая, но было уже вне пределов досягаемости.

Песнь Виожа окутала ее, как теплое одеяло.

Когда Алиса положила голову на каменистую землю, то уже совсем забыла, для чего ей так нужно было держать глаза открытыми, и мягко скользнула в темноту.

SACRED GROUND

Священная земля

Он проснулся от стука в дверь. Здесь было два отчетливых звуковых ритма. Один был настойчивым стаккато — постукивание костяшками пальцев, а другой — вежливый и мягкий. Когда в голове у Тома Грондина прояснилось настолько, что он почувствовал, как к этой какофонии присоединилось тяжелое похмелье, то начал различать голоса.

— Мистер Грондин?

— Босс, вы здесь? Вы не спите?

Том взглянул на часы и недовольно хмыкнул. Его праздничный напиток прошлой ночью превратился в несколько праздничных бокалов, и после этого все было немного трудно вспомнить. Он с гримасой посмотрел на пустую бутылку кларета на столе.

— Я иду, черт побери! — прохрипел он, когда стук продолжился.

За день до этого он и его люди разбили площадку для строительства новой церкви в приходе Святого Брелада. Работа шла хорошо, и погода была хорошей. Он оставил указания людям продолжать работать без него, чтобы этим утром он мог немного отдохнуть. Он обнаружил, что часто нуждался в этом за эти дни.

— Ну и что же? — потребовал он ответа, с грохотом распахивая дверь и болезненно щурясь на солнце.

Его ждали Клемент Ле Век, немногословный французский архитектор, и Джеймс Джеймс был молод и новичок в команде. Рядом с элегантным французом он выглядел неряшливо.

— Что? — спросил Том уже не таким грубым тоном, пытаясь пригладить седую копну

волос. — Что случилось?

— Может быть, нам стоит спросить вас о том же? — спросил Клемент, приподняв бровь.

Двое мужчин несколько мгновений с любопытством смотрели на него, а затем обменялись взглядами.

— Он не знает, — сказал Джеймс.

— Чего я не знаю? — Том вздохнул, чувствуя, что его терпение начинает истощаться.

— Возможно, вам следует одеться, мистер Гронден, — спокойно сказал Клемент. — Вам нужно кое-что увидеть.

Том Грондин, тяжело вздыхая, вернулся в дом. Он плеснул себе в лицо водой, посмотрел в отражение своих налитых кровью голубых глаз, затем натянул вчерашнюю одежду и ботинки. Вскоре он присоединился к мужчинам в повозке, но ни Клемент, ни Джеймс не дали ему никакой информации о том, почему они считают, что его нужно отвезти обратно на стройку.

— Странно, босс, — сказал Джеймс, и взгляд его карих глаз стал серьезным. — Вы должны сами все увидеть.

Клемент Ле Век не сводил глаз с лошади, пока ехал.

Том сидел в кипящем раздражении, пока повозка подпрыгивала и грохотала по дороге. Он попытался представить себе, какой идиотизм могли придумать его работники за те несколько часов, что прошли от рассвета, и что могло потребовать присутствия надсмотрщика. Солнце светило так ярко, что он счел это короткое путешествие вполне сносным, только склонив голову и положив лицо на ладони. Чувство тошноты начало нарастать.

— Мы приехали, — сказал Джеймс, когда повозка с грохотом остановилась.

— И куда? — Том зевнул и оглядел своих двадцать человек, которые стояли или сидели тихо, выжидающе глядя на него.

— И где же этот участок? — потребовал он ответа.

Клемент уставился на него, а Джеймс пожал плечами и сказал:

— В том-то и дело, босс, что мы не знаем.

Том медленно вышел из повозки и направился к центру поросшей травой поляны. Здесь они еще накануне мерили шагами. Они ободрали дерн, вырыли траншеи и начали копать землю, закладывая камни фундамента. Вчера здесь стояло здание с грудями камней, готовое к строительству прекрасной новой церкви, которую спроектировал Климент Ле Век. Теперь здесь была только тихая поляна, точно такая же, как и несколько месяцев назад, когда ее выбрали местом для строительства церкви.

— И где же все? — спросил он у своих людей.

Волна пожатий плечами и поднятых ладоней приветствовала его вопрос.

— Это должно быть шутка? — подозрительно спросил он. — Я не в настроении для шуток.

Он продолжал свирепо смотреть на людей, но так как ни один из них не сломался и ни в чем не признался, то больше он ничего не мог сделать. Том раздраженно вздохнул.

— Да и вообще, как можно было ночью передвинуть все эти чертовы камни и оборудование? Вы уже осмотрелись вокруг? Это не может быть далеко, должно быть...

— Ха! Я знала, — Эффи Тостевин стояла на краю поляны, скрестив руки на груди, широко улыбаясь и удовлетворенно кивая.

— Что знала? — спросил Том, раздраженный тем, что его прервали.

— Я знала, что они не позволят вам здесь строить.

Эффи продолжала глубокомысленно кивать, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что все внимание сосредоточено на ней.

— Я так и знала. Я даже сказала об этом Мэри, я сказала: «Мэри, попомни мои слова они никогда не позволят им построить ее там», и она ответила: «Ну, и почему же, Эффи?» — и я сказала: «Ну, Мэри...»

Том прервал ее криком:

— Кто не позволит нам здесь строить? Неужели это работа Ла Ферака? Клянусь, я так быстро натравлю на него констебля...

— Ну, — сказала Эффи, глядя на него с высокомерным презрением, — уверена, что не знаю, о ком ты говоришь. И я сказала Мэри: «Мэри, это священная земля фейри, прямо там, где они решили построить эту церковь, и ты попомни мои слова, эти фейри ее не дадут поставить, нет, они никогда не позволят им строить там, ты попомни мои слова», — вот что я сказала. Вы можете спросить ее саму.

Она твердо кивнула и резко вдохнула, увидев Джеймса.

— Что бы сказала твоя старая бабушка, если бы узнала, что ты так неуважительно относишься к фейри, Джеймс Филль? — потребовала она ответа. — Она перевернется в могиле!

— Она не... я никогда этого не делал, — слабо запротестовал Джеймс. — Я не... какие фейри?

Эффи все еще в смятении качала головой, когда из-за деревьев раздался крик.

— Нашел! — Джон Ле Весконт рысцой выбежал на поляну, на лбу у него блестели капельки пота. — Я нашел все у рыбацкой часовни на дальнем берегу залива.

Том недоверчиво посмотрел на него:

— Но это же почти в миле отсюда! Как, во имя всего святого, кому-то удалось переместить такое количество камней и оборудования за одну ночь?

Джон пожал плечами:

— Понятия не имею, босс, но они это сделали. И что теперь?

— Ну что ж, — Том тяжело вздохнул, — я полагаю, мы пойдем и, черт возьми, снова все это принесем, не так ли?

Мужчины заворчали и зашаркали ногами, начиная двигаться.

— Если вам нужен мой совет, — сказала Тостевин, складывая руки на груди, — оставьте все как есть. Они не позволят вам строить здесь, как я уже сказала Мэри.

Только в сумерках удалось принести на место необходимое оборудование и камни. Эффи покинула стройплощадку, громко ворча и качая головой, примерно в обеденное время, и Том еще никогда в жизни не был так рад видеть чью-то спину.

— Мы должны забрать все остальное завтра, — сказал он. В голове у него стучало, и ему хотелось выпить: — Не могу допустить, чтобы люди бродили в темноте по всему побережью. Половина мальчиков может начать рыть фундамент утром, а остальные пойдут за тем, что осталось в часовне. По крайней мере, ни один из инструментов не был украден или поврежден, но клянусь, когда доберусь до того, кто это сделал...

— А как насчет сегодняшнего вечера? — спросил Джеймс.

— Насчет сегодняшнего вечера? — сказал Том, прежде чем понял, о чем спрашивает мальчик, и вздрогнул. — Ты думаешь, они будут проделывать одну и ту же шутку две ночи

подряд? Конечно же, нет.

Джеймс пожал плечами и посмотрел вниз на свои пыльные, порезанные руки:

— Ну, у меня определенно не было бы на это сил. Уверен, что все будет хорошо. Спокойной ночи, босс. Увидимся утром.

— Да, спокойной ночи, Джеймс.

Том оглянулся на груды камней, которые они вынесли из бухты. Когда он шел домой, мысль о том, что повторение этой шутки возможна, ускорила его шаги.

Он быстро приготовил себе обед, выпил пару бокалов вина, и постепенно на его лице появилось решительное выражение.

— Сделали из меня чертова дурака, ладно? — пробормотал он.

Взяв полупустую бутылку, он вышел из дома и направился обратно на стройку. Всю дорогу он мысленно репетировал речь, которую произнесет, когда люди Ла Ферака снова попытаются сдвинуть его камни. Он будет кричать, что несправедливо отказывать честному человеку в честном жалованье, а Ла Ферак будет умолять его не вызывать констебля. Эта мысль вызвала улыбку на лице Тома, и он был почти разочарован, когда, вернувшись на место раскопок, обнаружил все точно так же, как и оставил.

Тем не менее, он пробормотал:

— Лучше быть в безопасности, — и, устроившись у дерева на краю поляны, он медленно допил бутылку вина и заснул.

— Босс?

Том резко проснулся и поморщился от боли в спине.

— Вы видели, кто это был? — с надеждой спросил Джеймс.

— Я видел, кто что, — Том замолчал, оглядываясь по сторонам.

Место было чистым. Все до единого камни и орудия исчезли с того места, где они лежали прошлой ночью, и несколько его людей стояли вокруг и курили.

Клемент постучал носком ботинка по пустой винной бутылке, лежавшей рядом с ногой Тома, и многозначительно поднял брови.

— Тогда мы примем это за ответ «нет», — тихо произнес он.

Джеймс улыбнулся и пожал плечами:

— Что же нам теперь делать, босс?

Радостный вздох позади него заставил Тома неловко обернуться, а затем он застонал при виде Эффи Тостевин.

— Я так и знала, что ты не станешь обращать на меня внимания, — с удовольствием сказала она. — Это точно так же, как я сказала себе вчера вечером: «Чучело, они не обратят на тебя ни малейшего внимания. Ты подожди и увидишь, что завтра опять будет то же самое, и все они будут просто стоять вокруг кучками мужчин, думающих, что они знают лучше, чем женщина, но это не так», — она покачала головой и добавила в качестве пояснения: — Вы не знаете.

— Мужчины, — крикнул Том, не обращая на нее внимания, — начинайте таскать камни и инструменты обратно, как и вчера. Если люди Ла Ферака могут сдвинуть их дважды, то и мы тоже. Я вернусь позже.

Уходя, он слышал, как Тостевин пересказывает Мэри то, что она сказала по поводу строительной площадки, а также недовольное ворчание своих людей. Он был слишком утомлен и зол, чтобы обращать на это внимание. Добравшись до дома, он рухнул в постель.

Незадолго до наступления сумерек он вернулся на стройплощадку, чувствуя себя

отдохнувшим, но нуждаясь в выпивке. Многие из его людей уже ушли, и он не винил их за это. Куча найденного камня была меньше, чем накануне, и сложена более небрежно.

— Пора домой, джентльмены, — крикнул Том, с облегчением отметив, что Эффи нигде не видно.

Джеймс, явно измученный, вопросительно посмотрел на него.

— Я буду дежурить сегодня вечером, — сказал Том и добавил: — На этот раз как следует. Вчера вечером я их совсем не ждал, но на этот раз буду готов.

— Вы хотите, чтобы я остался, босс?

— Нет, сынок, тебе нужно отдохнуть. А теперь иди домой. Увидимся утром.

Когда его люди покинули стройплощадку, Том устроил грандиозное представление, оглядываясь по сторонам, а затем, словно довольный увиденным, сделал вид, что собирается уходить. Быстро пройдя по направлению к своему дому на случай, если кто-то наблюдает за ним из-за деревьев, он вскоре тихонько нырнул назад и огляделся. Осторожно забравшись на нижние ветви вяза, Том был уверен, что хорошо спрятался, но все же у него был отличный обзор местности. Ему было очень неудобно, так что шансов заснуть у него было очень мало. Используя гнев для подпитки энергии, он прислонился спиной к стволу дерева и стал ждать.

Часы тянулись бесконечно. По мере того как отдаленный звон церковных колоколов Святого Петра почти беззвучно разносился в ночи, Том все больше и больше убеждался, что его мучители не вернуться обратно. Пробило одиннадцать часов, и Том пошевелился, пытаясь унять боль в спине. Наверняка никто не успеет даже передвинуть инструменты и камни до того, как утром вернуться его люди. Но страх еще большего унижения, если он снова упустит виновников, заставил его стиснуть зубы и остаться на дереве. Ему отчаянно хотелось выпить. Сколько времени прошло с тех пор, как он провел вечер, не выпив хотя бы одной бутылки вина после еды? По крайней мере, несколько лет.

Он закрыл глаза и постарался как можно лучше отдохнуть, позволив мыслям блуждать. Размышляя о церкви, которую построит, он позволил ей принять форму в своем уме: заложить фундамент, воздвигнуть стены, увидеть ее такой, какой она будет после завершения строительства. Он играл со сложностями, с которыми столкнется, с областями, которые будут проблематичными и потребуют более умелых рук, чем у молодых людей. Он мягко улыбнулся. Это было бы прекрасное сооружение. Люди будут восхищаться им. Клемент Ле Век был художником, но Том Грондин был тем человеком, который мог сделать красивые картины этого художника прочными и бессмертными. Церковь простояла бы тысячи лет, если бы была построена правильно, и Том намеревался проследить, чтобы она была построена правильно, несмотря на все неудобства, которые ему пришлось пережить. Неважно, с какой ерундой ему придется мириться.

Вдалеке церковные колокола пробили полночь.

А потом они появились.

Сначала он увидел женщину. Белая Дама сияла так, словно лунный свет исходил от ее

бледной кожи и одежды. Она была высокой и стройной. Ее волосы ниспадали почти до колен и отливали мягким золотом солнечного света, а глаза были насыщенно-карими, как плодородная земля.

И когда она шла, воинство следовало за ней. Они были полны грации, их движения были бесшумны в неподвижном воздухе. Мужчины и женщины нежной лесной красоты, а также другие, более мелкие существа, сидящие тут и там. Странные звери двигались вместе с ними, и огромный черный пес размером с медведя вышел из тени и встал рядом с Белой Дамой, защищая ее.

На другой стороне поляны от деревьев отделились тени. Их вел красивый мужчина в темной одежде, с волосами цвета полуночи и жестоким ртом. Некоторые из этих теней двигались с тем же изяществом, что и их хозяин, но эти существа были скорее скрытны, чем грациозны. Некоторые из них, казалось, двигались перед глазами Тома. Другие были искривлены и деформированы таким образом, что у него кровь стыла в жилах. Низкорослые существа размером с детей ползали по земле или безумно танцевали. Кривые твари и чудовища ужасающего вида радовали его тем, что он не мог разглядеть их лучше в тени деревьев.

У Тома перехватило дыхание, когда они оказались лицом к лицу на другой стороне поляны, светлые и темные, как фигуры на шахматной доске.

— Лорд Регент, — поприветствовала женщина своего смуглого двойника.

Ее голос был подобен весеннему ветерку. Звук голоса Белой Дамы заставил Тома улыбнуться сквозь страхи. Был ли на свете еще один смертный человек, который мог бы сделать такое заявление?

— Итак, мы снова здесь, — сказал высокий мужчина Белой Даме. Его голос был густым, как сироп, но Том промерз до костей.

— Да, Лорд Регент. В чем дело? Может быть, вы устали от перемещения камней?

— Вообще-то да, — ответил Регент, — особенно когда есть более простые способы отговорить людей от глупостей. Несколько меньших из них не причинили бы этому острову ни малейшего вреда. Это место было священным еще до появления здесь людей, еще до того, как оно стало островом, как и все остальные. Сколько еще раз нам придется это делать, прежде чем эти идиоты оставят это место в покое?

— Столько раз, сколько потребуется, — ответила Белая Дама, — и если неблагодарный двор не желает участвовать в этом, то мой народ...

— Это место так же священно для нас, как и для вас, — перебил Регент. — Я просто хочу сказать, что за это нарушение закона должно быть назначено какое-то наказание...

— Я знаю о ваших аргументах, Регент, — ее голос внезапно зазвенел силой, и Том пригнулся, как будто ему нанесли удар.

Белая Дама шагнула вперед, и Том был удивлен, что Регент не отступил, когда она продолжила:

— Нет большего святотатства для этого места, чем пролить кровь на землю. Я этого не потерплю. Теперь, мы должны начать?

Регент пренебрежительно махнул рукой, и его темноволосое воинство направилось к камням, на которые люди Тома потратили целый день, возвращаясь с берега у рыбацкой часовни.

Белая Леди властно подняла палец, и элегантные члены ее компании присоединились к темным феями в их труде.

Том подумал, что Белая Дама и Регент могли бы просто смотреть друг на друга во время всей процедуры, но, в конце концов, Белая Дама разгладила свои юбки.

— Я вижу, что Принц и Принцесса устали от этого? — мягко заметила она.

Регент ухмыльнулся, внезапно став моложе и менее угрожающим.

— Ничто на этой земле не является священным для океанских детей Дахут, миледи, как только перспектива убийства людей была исключена, они вернулись к своим волкам.

— Однажды они могут вызвать тебя на поединок за трон невидимых, Лорд Регент, — предупредила Белая Дама.

Улыбка Регента стала почти неестественно широкой.

— Пусть попробуют, — сказал он, поправляя манжеты длинными белыми пальцами. — Думаю, что смогу справиться с Близнецами. Однако надеюсь, что, если дело дойдет до этого, я получу вашу поддержку, моя Госпожа?

Белая Дама слегка приподняла брови.

— Вы же знаете, что мне не подобает вмешиваться в дела неблагого двора, Лорд Регент.

— Конечно, нет, Ваше Величество.

Том подумал, что, возможно, Белая Дама слегка улыбнулась Регенту, но затем отвернулась, словно желая посмотреть на уменьшающуюся каменную гору.

Странная фигура с темной стороны двора пробралась к основанию груды камней. «Женщина», — подумал Том, и все же ее фигура, казалось, изменилась прямо у него на глазах. Он мог бы поклясться, что это была молодая и красивая девушка с блестящими каштановыми волосами, но затем лунный свет осветил грязное скрюченное существо, которое, казалось, было создано скорее из корней деревьев, чем из плоти. Пока Том смотрел, она просунула руки между камнями и, казалось, текла, словно вырастая у него на глазах. Она уменьшилась до размеров женщины и вытянулась в клубке лиан, извиваясь и обвиваясь среди скал, пока не стала почти невидимой среди камней. Остальные члены двора выжидающе отступили назад.

На мгновение все замерло, а затем гряда камней сдвинулась и начала катиться. Камни посыпались из кучи и понеслись прочь, как ненужный материал под резцом скульптора. Гуманоидная форма каменного голема, выше любого человека, вырвалась из-под обломков и зашагала с тяжелым хрустом и скрежетом камня о камень через поляну.

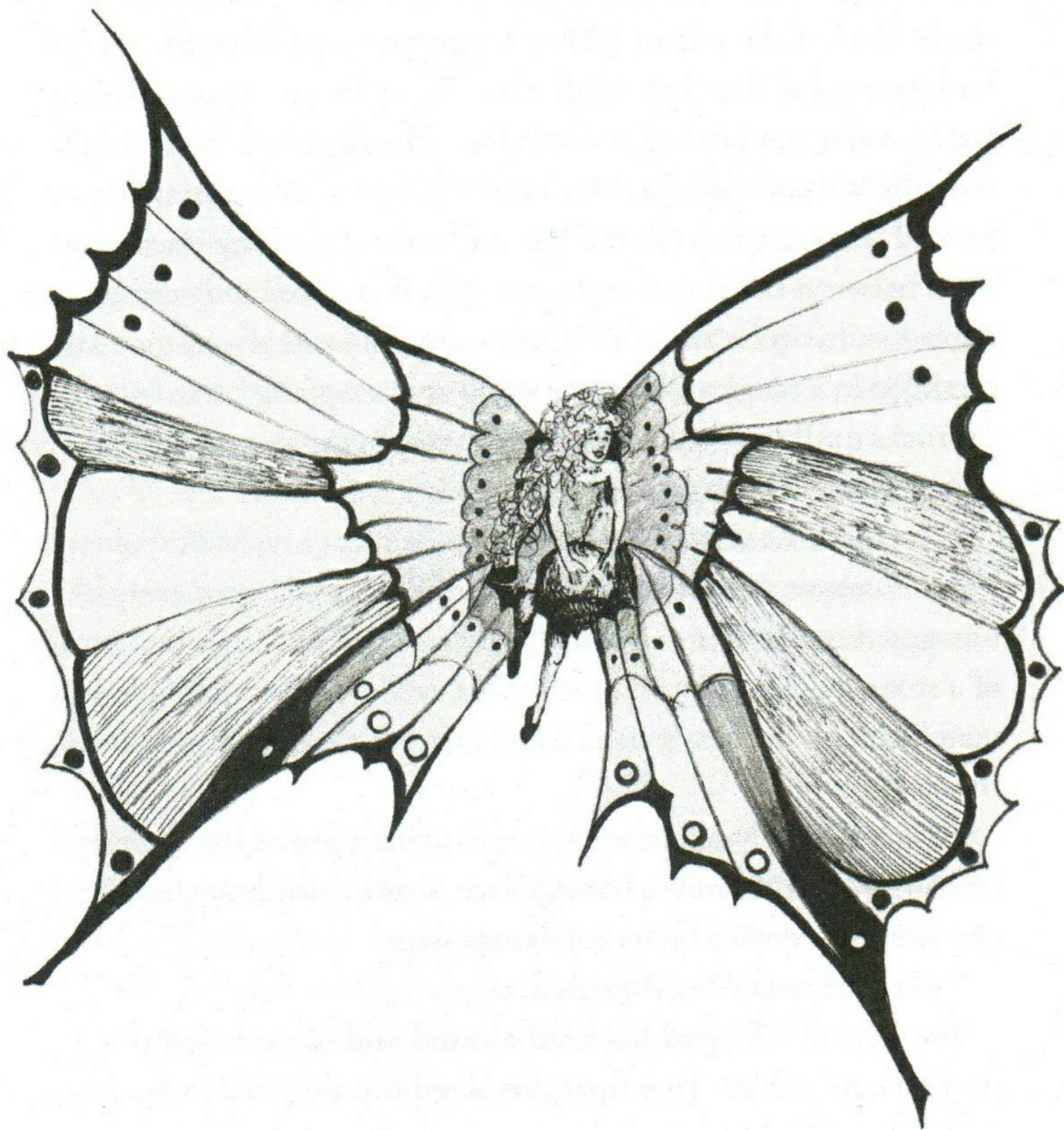
Том осознал, что у него отвисла челюсть, когда элементарное существо проходило мимо его укрытия, сотрясая ветви дерева при каждом громовом шаге.

— Боже милостивый, — прошептал он.

Регент резко повернул голову и, казалось, уставился прямо на него. Том замер, кровь застыла у него в жилах, а темные хищные глаза Регента смотрели прямо сквозь него. Он был уверен, что его видели. Затем Регент нахмурился, словно в замешательстве, и отвел взгляд, наблюдая, как темные и светлые фейри собрали последние камни и легко унесли их в сторону рыбацкой часовни.

— И мы закончили, — сказал Регент, когда они с Белой Дамой остались одни. — Пойдемте, моя Госпожа?

— Идите, Лорд Регент, — сказала она. — Я хочу остаться здесь на несколько минут одна.

Регент низко поклонился, почти насмешливо, и с улыбкой сказал:

— Без сомнения, я увижу вас завтра вечером в то же самое время?

— Нет, думаю, это будет последняя ночь, — сказала Белая Дама. — Прощайте, Регент.

Он приподнял темную бровь, но когда она не стала распространяться о своих подозрениях, пожал плечами.

— Тогда спокойной ночи, моя Госпожа. Вы знаете, где меня найти. Если захотите. Рад вас видеть, как всегда.

Белая Дама выглядела слегка озадаченной.

— Благодарю вас, Регент, — неуверенно произнесла она.

С неестественно белой улыбкой, сверкнувшей в лунном свете, Регент повернулся и

ушел. Когда он ушел, тени отступили.

Том втянул воздух в легкие, будто с его груди свалился тяжелый груз.

Белая Дама закрыла глаза и подняла ладони. Едва заметные изменения произошли вокруг нее, когда она прошептала слова, слишком тихие, чтобы Том мог их слышать. Трава колыхалась, будто ее шевелил сильный ветерок. Изуродованная земля вздымалась и расплющивалась, будто огромный голем никогда не проходил мимо и травинки никогда не давились. Волна энергии вырвалась наружу и прошла сквозь Тома, который внезапно почувствовал себя бодрым и живым, чего не было с тех пор, как он был молод. Боль в спине исчезла, и его конечности больше не были одеревеневшими. Жажда вина исчезла, будто ее никогда и не было.

— Теперь вы можете выйти, — мягко сказала Белая Дама.

Том стоял очень тихо, боясь дышать.

— Джентльмен на дереве, — терпеливо пояснила Белая Дама. — Нет смысла закрывать глаза. То, что вы меня не видите, еще не значит, что я не вижу вас.

Том сглотнул и осторожно спустился с веток на землю. Сделав несколько быстрых вдохов, он попытался собраться с духом и шагнул на ее свет.

— Моя госпожа, — неловко произнес он, опускаясь на одно колено.

— В этом нет необходимости, человек. Ты не обязан мне присягать.

Том неуверенно посмотрел на нее. Казалось глубоко непочтительным стоять на равных с Королевой фейри.

— Я бы предпочел остаться так, если вы не возражаете, Ваше Величество, — осторожно сказал он.

Она мягко рассмеялась. Это был самый приятный звук, который Том когда-либо слышал, и он улыбнулся ей.

— Встань же, человек. Назови мне свое имя, пожалуйста.

— Томас, моя Госпожа, — сказал Том, неуклюже поднимаясь на ноги. — Я смотритель... — он неопределенно махнул рукой в сторону поляны. — Я очень сожалею о тех неудобствах, которые мы вам причинили. Если бы я знал, то никогда бы не попытался строить здесь. Но я не поверил...

Он замолчал, когда Белая Дама удивленно изогнула бровь.

— Ты не верил, что мы существуем?

— Да, моя Госпожа, — признался Том, неловко переминаясь с ноги на ногу.

— Полагаю, что теперь ты чувствуешь себя несколько иначе.

— Да, моя Госпожа.

— Ты не можешь строить здесь свой храм, Томас. Мне нужно будет вернуться завтра вечером?

— Нет, Ваше Величество! Я позабочусь, чтобы вас больше не беспокоили. Как долго вы знали, что я здесь?

— Я чувствую жизнь каждого существа вокруг, от птиц в небе до насекомых в траве. Человек, прячущийся на дереве, не ускользнет от моего внимания, Томас.

— Но остальные этого не знали?

— Я заслонила тебя от их глаз. Я даже подумала, что это может осложнить вечер, если неблагой двор узнает о тебе.

— Да, — сказал Том, и дрожь пробежала у него по спине, — да, думаю, вы правы. Благодарю вас за это, моя Госпожа.

— Всегда пожалуйста.

— Почему это место священно для вас, Ваше Величество? В конце концов, здесь ничего нет.

Белая Дама улыбнулась.

— Там нет ничего, что ты можешь видеть. Но есть кое-что глубоко под землей, что когда-то было отмечено камнями; кое-что, что покоится. Поверь, когда я говорю, что было бы в лучших интересах вашей расы — оставить это нетронутым. Навечно.

— Да, моя Госпожа.

— Я рада, что мы пришли к согласию, Томас. А теперь я тебя покину.

— Да, моя Госпожа, — печально сказал Том, — полагаю, что больше не увижу вас.

Белая Дама добродушно улыбнулась.

— Думаю, что нет, Томас, — она поколебалась, а затем добавила: — Рядом с новым участком на побережье есть молодое дерево. Если его не тревожить, оно вырастет в создание великой силы и красоты на территории церкви. Ты проследишь, чтобы оно не пострадало, Томас?

— Я позабочусь об этом, моя Госпожа.

— Тогда, может быть, я приду и посмотрю на этот храм, когда он будет закончен.

Томас низко поклонился до земли, а затем увидел, как свет Белой Дамы медленно отступил в лес и скрылся из виду. Он подошел к старой рыбацкой часовне в конце залива и упер руки в бока. Прищурившись, он оглядел местность. Земля была ровной и плоской. Почва была хороша. Вскоре он заметил дерево, о котором говорила Белая Дама: молодое деревце, одиноко стоящее на том месте, которое должно было стать кладбищем. В обычное время он выкорчевал бы его не задумываясь, но сейчас он подошел к нему и осторожно коснулся листьев.

Он все еще сидел рядом с деревом с улыбкой на лице, глядя на красоту залива Святого Брелада, когда Джеймс и Клемент Ле Век прибыли на рассвете в повозке.

— Это хорошее место, — сказал он им, когда они подъехали, лошадь фыркнула и закатила глаза, как будто учуяла что-то тревожное.

— Вот это? Рядом с морем? — Клемент скорчил гримасу: — До деревни идти гораздо дальше.

— Людям будет полезно прогуляться, — Том встал и отряхнул брюки. — Кроме того, оказывается, что у нас действительно нет выбора.

— Вы видели, кто это сделал? Это были люди Ла Ферака? — спросил Джеймс.

— Нет, это были не люди Ла Ферака.

— Это были... — Джеймс покачал головой и ухмыльнулся. — Ну, это были не феири, так кто же это был?

— Этот саженец должен остаться, — твердо сказал Том. — Джеймс, проследи, чтобы все мужчины знали, что это дерево должно быть защищено во время строительства. Это очень важно.

— Но ведь оно так близко, — запротестовал Клемент. — Несомненно...

— Оно должно быть защищено, — твердо повторил Том. — Оно вырастет и станет красивым. Оно всегда будет рядом с церковью, и они будут дополнять друг друга, нечто созданное человеком и нечто созданное природой, существующее в гармонии.

— Вы что, опять напились? — Клемент поднял бровь.

— Нет, — ответил Том, бросив на него быстрый взгляд. — Нет, я больше не буду пить.

О боже, — добавил он, заметив идущую по пляжу Эффи Тостевин.

— Разве я вам не говорила? — прокричала она издалека. — Разве я не говорила?

— Да, и ты была совершенно права, Эффи, — крикнул он в ответ. — Теперь мы будем строить здесь.

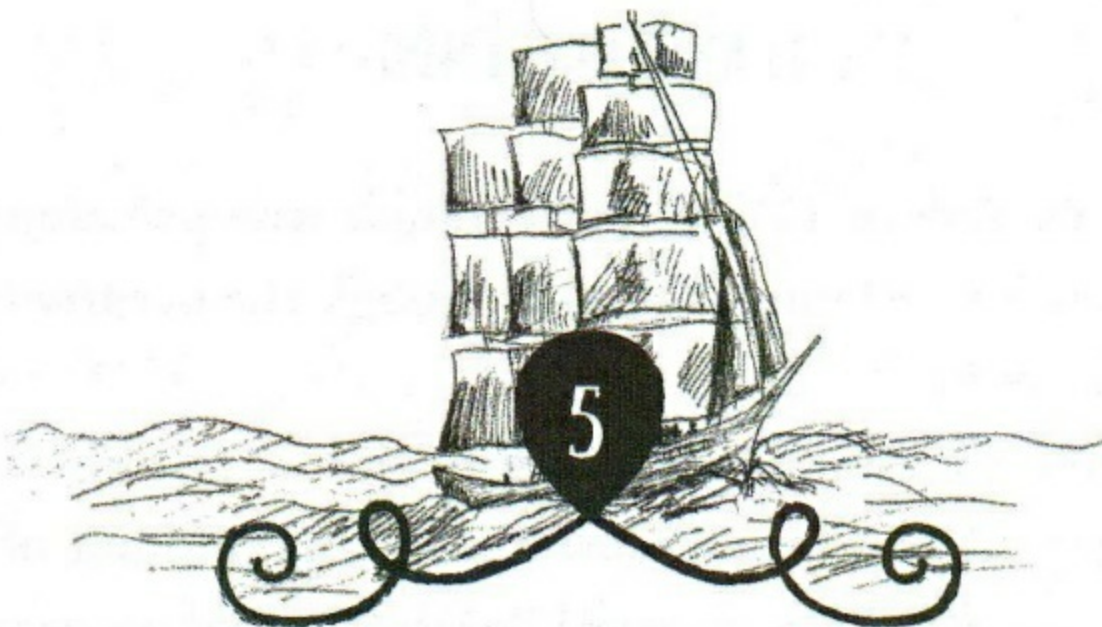
— Фейри? — закричала она.

Вздохнув и взглянув на Джеймса и Клементя Ле Век, Том пожал плечами и кивнул.

— Да, Эффи! — закричал он в ответ. — Фейри!

А потом еще тише, чтобы только Джеймс мог слышать, добавил:

— Если эта женщина простоит здесь больше пяти минут, дай ей в руки лопату и заставь копать, пока она не задохнется, или помоги мне, я закопаю ее в фундамент.

THE FIVE SPANISH SHIPS

Пять испанских кораблей

В древние времена, до того как поднялся океан, остров Джерси был больше и граничил на Западе с богатым лесом в приходе Сент-Оуэн. Деревья теснились вдоль берега и шевелились под дикими ветрами, дувшими с залива Мон-Сен-Мишель.

Однажды ночью случилось так, что предательский шторм поднялся, когда пять испанских кораблей пытались пересечь Ла-Манш. Испанские барки везли прекрасные вина и пряности, роскошные ткани и все богатство своих пассажиров.

Самый большой из кораблей, «Ворон», шел низко над водой, так тяжело было ему нести

окованные железом сундуки своего владельца. Капитан этого корабля впервые был благодарен весу, так как груз, который замедлял весь их круг, теперь немного защищал их от капризной ярости шторма.

Дикие ветры швыряли другие лодки, как игрушки, на мощные волны, которые грозили затопить или опрокинуть их. Они безнадежно падали. Все, что могли делать рулевые, это предотвратить столкновение лодок друг с другом. Их фонари ярко горели под проливным дождем, так что каждый мог видеть других и попытаться изменить курс, прежде чем они окажутся слишком близко.

Мачта одного из кораблей рухнула на палубу, начисто сорванная силой ветра. Фонари разбились, разбрызгивая масло по палубе, где полыхал огонь и ревел в такелаже, прежде чем волна погасила пламя. Хлопающие паруса и канаты были смыты за борт отступающей водой. Матросы кричали, когда клубок обернулся вокруг них, и их потащило в море, будто сам океан забросил на них сеть.

Капитан «Ворона» с мрачным лицом вцепился в штурвал. Он знал, что они сбились с курса и исчезли из поля зрения французского побережья, но ему и его соотечественникам ничего не оставалось делать, кроме как надеяться переждать шторм. Если здесь и можно было найти безопасную гавань, то она была скрыта безлунной ночью.

Когда он увидел вдали огни и факелы, то чуть не зарыдал от радости, увидев, как они начинают освещать линию берега, о существовании которого он даже не подозревал. Может быть, в конце концов, они найдут порт в этом шторме.

К пляшущим факелам присоединилось большое пламя костра на берегу. Перед его мерцающим пламенем он мог только различить фигуры людей, которые, казалось, странно танцевали в движущемся свете, когда манили к себе корабли. Их слова терялись на ветру и заглушались грохотом волн, но смысл был ясен: матросы должны вести корабли прямо к ним, чтобы найти спасение от шторма.

— Где мы? Что это за место? — закричал первый помощник, покачиваясь на вздымающейся палубе и цепляясь за штурвал рядом с капитаном.

— Ведь это не может быть Англия?

— Нет, — покачал головой капитан, — мы все еще слишком далеко на юге. На карте были изображены острова. Может быть, это один из них? Джерси был самым южным и самым крупным из них.

— Значит, мы спасены? Неужели они приведут нас к берегу?

— Мы спасены, Альваро. Видишь там, где огни колышутся высоко, над береговой линией? Должно быть, они зажгли фонари на других кораблях в гавани, чтобы показать нам дорогу!

Когда он отвернулся от штурвала, то увидел, что остальные пять кораблей из их флотилии тоже заметили огни и были заняты поднятием парусов. Даже барахтающийся барк, потерявший мачту, пытался выправиться.

— Как поживают наши пассажиры?

— Маленькая девочка боится, но отец успокаивает ее. Он сказал ей, что земля совсем рядом.

— Как он узнал?

Первый помощник встретил удивленный взгляд капитана и вздрогнул.

— Да кто ж его знает?

Тот улыбнулся:

— Ты ведь боишься его, Альваро?

Альваро неуверенно рассмеялся:

— А вы?

— Уже нет, — твердо сказал капитан.

Он совершенно отчетливо помнил, как поначалу разделял трепет своего первого помощника по отношению к их пассажиру, сеньору Пьетре, этот человек производил внушительное впечатление: на голову выше остальных, с богатой темной кожей и тонкими костями египтянина. Черные глаза купца, казалось, смотрели сквозь капитана при их первой встрече, и старый моряк обнаружил, что предлагает гораздо более щедрую цену за проезд на север, чем когда-либо намеревался. В Пьетре была какая-то сила, несмотря на его вежливые манеры и элегантную осанку, нечто такое, с чем капитан никогда раньше не сталкивался. Поначалу все это казалось почти зловещим.

Впрочем, дочь сеньора Пьетры — совсем другое дело. Девочке шел тринадцатый год, она была поразительно красива, с длинными локонами цвета черного дерева и широкой улыбкой, которая редко сходила с ее лица. В первый же день, когда они отплыли от берега, девочка появилась у локтя капитана и осторожно положила палец на штурвал.

— Здравствуйте, сеньор Капитан. Пожалуйста, научи меня управлять кораблем, — попросила она без тени смущения.

— А зачем тебе знать, как управлять кораблем, юная Нероли? — капитан рассмеялся, взъерошив ее темные кудри.

— Мой отец говорит, что все знания имеют ценность, — быстро ответила Нероли. — Кроме того, я и сама когда-нибудь хотела бы стать моряком.

Капитан уже собирался объяснить девушке, насколько это маловероятно, но вместо этого он решил отойти в сторону и показать девочке, куда положить руки на штурвал.

— Вы совершенно правы, юная Мисс, — сказал он с легким поклоном. — Уверен, что из вас получится прекрасный моряк. Думаю, вы станете капитаном еще до того, как вам исполнится двадцать лет.

Тогда он случайно поймал взгляд сеньора Пьетры, и его внушительный пассажир улыбнулся и кивнул в знак благодарности.

— Однако моя собственная дочь никогда не должна узнать об этом, — добавил капитан.

Пьетра рассмеялся, и в этот момент они стали друзьями. Пошатываясь от сильного ветра, первый помощник отошел от капитана, чтобы рявкнуть матросам приказы. Завывание шторма лишило его дара речи, но матросы хорошо знали свой корабль и почти инстинктивно подняли паруса.

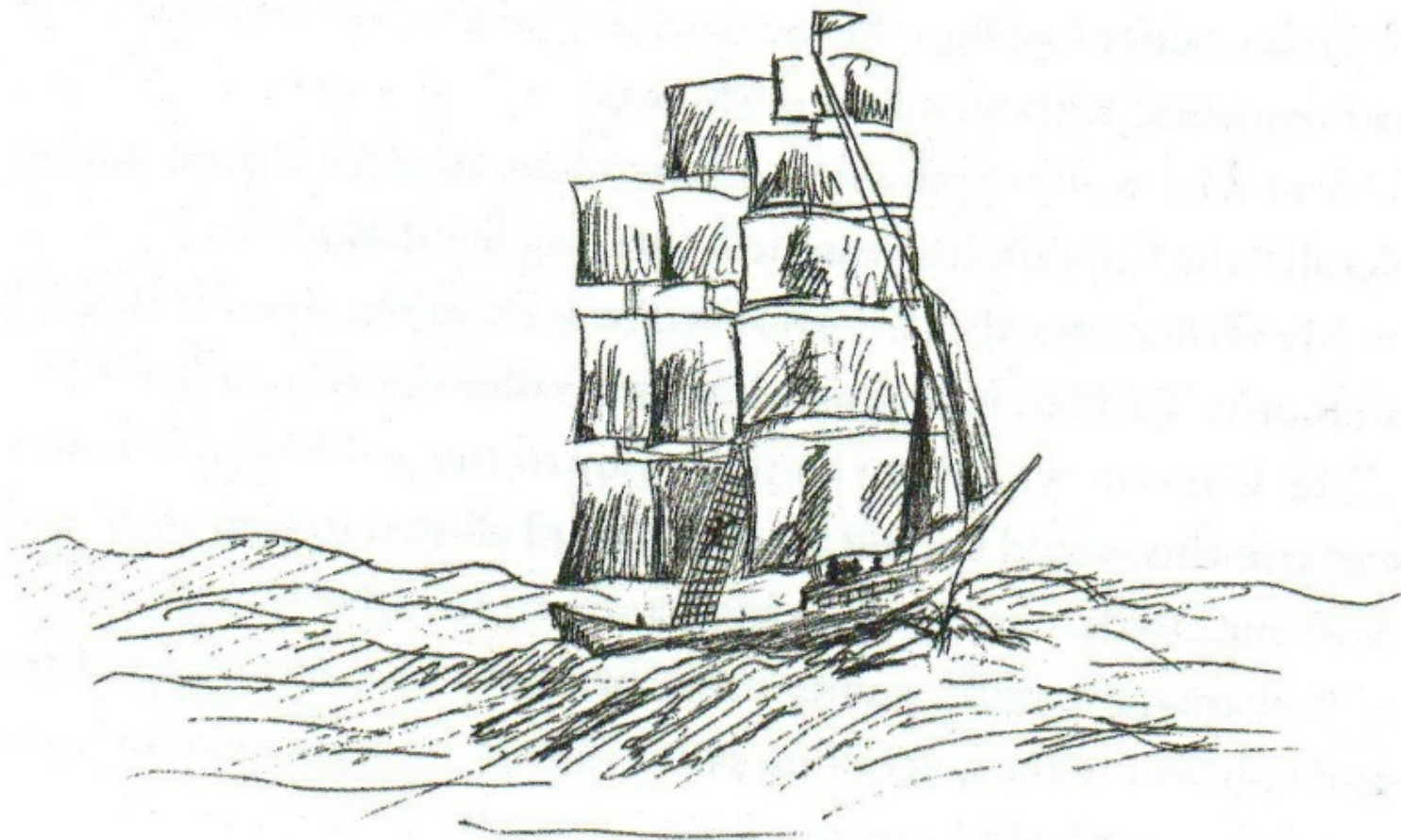
Вглядываясь сквозь проливной дождь, капитан заметил такую же активность на других кораблях и позволил себе надеяться, что скоро все они будут в безопасности. Три неповрежденных корабля уже пришли в движение и приближались к берегу. Его собственный утяжеленный барк был медленнее и более громоздким, так что он последует за ними, чтобы не замедлить их курс.

— Что происходит?

Капитан подпрыгнул, когда рядом с ним появился его высокий пассажир-торговец.

— Сеньор Пьетра! Вы будете в большей безопасности под палубой с вашей дочерью, сэр.

Темные глаза пассажира смотрели сквозь ночь, не мигая от резкого ветра.

— Она напугана, капитан. Что я могу ей сказать?

Капитан указал на берег.

— Вот видите, сеньор Пьетра? Где горят огни над костром? Думаю, жители этого острова показывают нам огни на снастях своих кораблей, пытаюсь направить нас в гавань, чтобы мы могли найти путь в безопасное место, пока шторм не пройдет.

Пьетра кивнул, и его черные глаза встретились с глазами капитана.

— Я приведу сюда Нероли, чтобы она могла их увидеть. Она не привыкла ни к океану, ни к замкнутым пространствам. Она — дитя земли, камня и пустыни. Свет успокоит ее, когда она увидит, как близка к тому, чтобы снова встать на твердую почву под ногами. Значит, мы в безопасности? Вы можете провести нас в гавань, несмотря на этот шторм?

— Думаю, что да, сэр. Хотя мы будем последними в порту.

— Хорошо, — кивнул Пьетра, — ведь на других кораблях есть еще люди, не так ли?

— Да, сеньор Пьетра, и мы больше и медленнее, потому что у нас более тяжелый груз.

Темные глаза Пьетры не дрогнули, когда он сказал капитану:

— Моя дочь — это все, что имеет для меня значение, капитан. Она более ценна, чем все сокровища земли. Если вам нужно облегчить наш груз, пусть ваши люди сбросят золото за борт.

Капитан разинул рот и тут же пришел в себя. Он подозревал, что их груз был слишком тяжел, чтобы быть чем-то еще, но услышав подтверждение, был потрясен. Королевский выкуп в его скромном трюме.

— Уверен, что в этом нет необходимости, сеньор, — сумел сказать он, — я могу

провести вас туда, невзирая на лишний вес. Если наш вес даст нам больше устойчивости, я сделаю все, что в моих силах, чтобы доставить маленькую Нероли в целости и сохранности на берег. Даю слово.

Пьетра крепко сжал плечо капитана своими сильными пальцами и кивнул. Затем он повернулся и пошел обратно через волны, омывающие палубу, к каюте, которую делил со своим ребенком.

Отвернувшись от пассажира, капитан заметил, что поврежденный барк отчаянно сопротивляется. Он с мрачным выражением лица наблюдал, как корабль со сломанной мачтой накренился на большую волну и медленно перевернулся. Он начал тонуть под натиском этого ужаса бурлящей воды, и когда его огни погасли, матросы, изо всех сил пытающиеся плыть, растворились в темноте. Оставалось только четыре корабля, но они набирали скорость, когда волны с силой гнали их к берегу.

Первый из кораблей уже почти достиг танцующих огней, когда сквозь шум ветра послышался треск удара. На мгновение капитану показалось, что это гром, но затем он увидел, что головной корабль накренился и опрокинулся.

— Что случилось? — спросил Пьетра, снова оказавшись рядом с ним, на этот раз с дочерью на руках.

Глаза Нероли были полны дикого страха, и она прижималась к отцу.

— «Красное небо» ударился о скалу, — в ужасе сказал капитан, указывая на головной корабль, который накренился набок. — Но как это может быть?

«Красное небо» взметнулся вверх, его киль поднялся в воздух, когда накатывающие волны заставили подняться высоко на невидимые скалы под поверхностью воды, а затем движение океана снова оторвало лодку, выпотрошив ее нос к корме.

Крики матросов звенели в ночи, когда безжалостный прилив загнал еще один корабль на скрытый риф, сокрушив нос силой удара. Матросы были выброшены за борт и с такелажа.

— Помоги нам Бог, это ловушка, — прошептал капитан. А потом он взревел: — Держаться! Всем держаться! Нас ведут прямо на скалы!

Когда его люди бросились выполнять приказы, он беспомощно наблюдал, как третий корабль у берега пытается сбавить скорость, а его собственный капитан выкрикивает приказы, когда тоже понял, что здесь нет безопасной гавани. Корабль дернулся и накренился вбок, когда острые концы рифа внизу врезались в киль. Он застрял, бьющиеся волны начали раскачивать барку, ударяясь о корпус, царапая.

Лодка безжалостно упиралась в камень, разрывая нижнюю часть, будто каменные зубы жевали бревна. Корабль позади них, не имея возможности замедлить ход или повернуть, врезался в них, раздавив лодку и ее людей и пронзив собственный корпус на берегу, они почти сразу же начали тонуть, моряки бросились в безжалостное море, чтобы их не утащило вместе с судном, но они были жестоко выброшены на скалы и затоплены горными волнами.

— Вредители! — капитан сплюнул и снова уставился на пляшущие огоньки. Теперь он мог различить фонари, поднятые на шестах, чтобы имитировать огни в снастях лодок в гавани.

— Зачем им это делать? — в ужасе спросил сеньор Пьетра.

— Они тянут нас на скалы, чтобы уничтожить корабли, чтобы забрать наш груз, когда мы будем уничтожены.

Глухой удар и скребущий звук под ними превратили кровь капитана в лед, когда скрытые под волнами камни ласкали борт корабля. Это было похоже на то, будто какой-то

огромный зверь испытывал свои когти на их корпусе.

— Сделай же что-нибудь, отец! — закричала Нероли, ее глаза были дикими, как у пойманного зверя.

— Я не властен ни над водой, ни над воздухом, дитя мое. — Я не могу справиться ни с волнами, ни с ветром, — сказала Пьетра, крепче прижимая ее к себе.

Торговец в отчаянии посмотрел на капитана, который старался не выдать своего ужаса. Он твердо держал руки на штурвале, пока его люди чистили паруса и тянули канаты с безупречной эффективностью, которая все еще не могла сравниться с сильным ветром и мощным напором прилива. Они упали с вершины одной большой волны и ударились о скалу, не так сильно, чтобы расколоть корпус, но с достаточной силой, чтобы сбросить одного из матросов с такелажа.

Капитан стиснул зубы, поворачивая штурвал в сторону от этого рифа, держа их ровно, не зная, направляет ли он их прямо в другую скрытую ловушку.

Нероли всхлипнула, когда легкий толчок отбросил их на правый борт. Капитан судорожно сглотнул, во рту у него пересохло от страха, и, пока первый помощник выкрикивал приказы, руки его легко лежали на штурвале. Корабль и команда находились в идеальном симбиозе, плывя вслепую, когда их заставляли все ближе подходить к берегу, медленно, но недостаточно медленно, чтобы защитить их, если волны прижмут к скалам.

— Слева камни, — тихо сказал Пьетра.

Капитан направился прочь от пятна воды, которое казалось ему не более опасным, чем любое другое.

— Вы видели, как они вынырнули на поверхность? — спросил он, наконец.

— Я чувствую их под водой, — сказала Пьетра.

Глаза торговца были закрыты. Его лицо сосредоточенно сморщилось.

— Здесь повсюду разбросаны камни. Я должен был это предчувствовать, но из-за грозы мы должны повернуть назад! Там нет безопасного пути к берегу, и даже если бы и был, эти люди, скорее всего, убьют нас, когда мы достигнем его.

— Прилив не позволит нам повернуть назад, — признался ему капитан, и когда он снова встретился взглядом с купцом, то не смог скрыть своего отчаяния.

Теперь они могли различить очертания кораблекрушений; люди острова, казалось, почти шли по воде, когда переходили от скалы к скале у берега, подходя ближе, чтобы увидеть этот последний корабль, разорванный на части о скалы.

Огромная волна обрушилась на палубу, и Нероли вскрикнула.

Чем ближе они подходили к видимым скалам и к ревущей белизне бурунов, тем сильнее вздымались и опадали волны, заставляя лодку подчиняться качке и рысканию ревущего океана. Попытки капитана управлять судном становились все более тщетными, он изо всех сил старался удержать волны позади себя, чтобы они не разбились о борт лодки и не опрокинули их. Затем прилив отступил, и волна подняла их высоко вверх, когда он начал прорываться в белую воду. Они были пойманы прибоем, и с огромной скоростью разбивающаяся волна гнала их, как карету, запряженную белыми лошадьми. Потеряв контроль, они с ревом рванули вперед, а затем с огромной силой ударились о камни. Капитан ахнул, почувствовав, как его ребра треснули о штурвал. Его люди были сброшены на палубу, как тряпичные куклы, но торговец каким-то чудом удержался на ногах, будто был вживлен в нос корабля.

Передняя часть утяжеленной барки торчала высоко из воды под неестественным углом.

На какое-то мгновение капитану показалось, что сила волн унесет «Ворона» далеко вперед, но затем они вклинились между остриями двух скал, и корабль начал медленно разваливаться на части, бревна трещали под его тяжестью.

Корма начала отрываться позади них, Торговец двинулся вперед, на нос, прижав дочь к груди одной сильной рукой. Он перегнулся как можно ниже через борт корабля и провел пальцами по камням, о которые они разбились, странная дрожь пробежала по бревнам корабля, и даже когда барка продолжала разрываться надвое, ее корма крепко держалась между камнями.

Даже когда вокруг них опускались мачты, грохочущие волны не могли сдвинуть нос корабля с того места, где он застрял.

Разбойники ползли по скалам, которые были достаточно высоки, чтобы защитить их от бушующего моря. Как пауки в паутине, они двигались вперед, опасаясь своей неведомой добычи.

С могучим треском задняя часть судна полностью оторвалась от передней, вываливая груз в голодную пасть океана, разбитые сундуки каскадом сыпали золотом, когда скользили в белую воду.

У капитана мелькнула странная мысль, что кончики пальцев торговца каким-то образом привязали их к камням, когда в ночи раздался голос Пьетры:

— Жители этого острова, умоляю вас, возьмите мою дочь. Спасите ее! Она дороже для меня и для всего мира, чем любое состояние, которое вы могли бы украсть с этих кораблей.

Разбойники не отвечали, ухмыляясь и шевелясь, как голодные собаки, когда медленно приближались.

— Люди этого острова, — снова позвал купец, и капитан удивился тому, что его голос перекрывает шторм и ревущие волны, — если вы спасете мою дочь, я охотно отдам вам все, что у меня есть, и даже больше: несметное состояние и невероятную власть. Она — последняя из нашего рода, самая последняя из Земных Певцов. Заключите со мной эту сделку, прошу вас.

— Мы все равно получим все, что принадлежит тебе, дурак, как только твой корабль пойдет ко дну, — крикнул в ответ один из мужчин. Его соотечественники захихикали, но затем треск бревен заглушил их смех и крики, когда лодка начала скользить назад в волны.

Громкий голос Пьетры прогремел над всеми, когда он в последний раз крикнул разрушителям:

— Я умолял вас и торговался с вами. А теперь я заклинаю вас: спасите мою дочь, или я разорву ваши жизни в пух и прах! Через год, начиная с этого дня, я покажу вам свою месть. А теперь проявите милосердие к моему ребенку и к себе. Возьми мою дочь или потеряете все.

— Просто возьмите ее! — капитан услышал, как эти слова сорвались с его собственных губ, когда бревна под его ногами начали расходиться: — Что вы за чудовища? Просто спасите ребенка!

Но разбойники не ответили, и его голос затерялся в шуме ветра. Последний из испанских кораблей, «Ворон», разлетелся под ними на куски. Когда он соскользнул с зубчатого рифа, торговец с бессловесным ревом ненависти ударил кулаком по скале и отвернулся от разбойников. Он закрыл глаза Нероли и крепко прижал ее к себе, когда бушующее море поглотило корабль целиком и швырнуло их на скалы навстречу своей гибели.

Прилив отступил, и на следующее утро стало видно целое состояние в золоте. Там были сырые самородки, взятые прямо из сердца далекой страны. Куски драгоценного металла были окружены необычной галькой, которую разбойники игнорировали, когда рыскали по пляжу во время прилива, не узнавая драгоценные камни в их сырой и необработанной форме, и не в состоянии отличить их от обычных камней пляжа. Они безразлично относились к телам утонувших моряков, лишь иногда проверяя карманы или срывая цепь с горла трупа.

Грабители смеялись и праздновали, дрались и воровали друг у друга, а потом торговали, пили и позволяли своим фермам и средствам к существованию разоряться, совершенно ленивые в своем неизмеримом богатстве. Они построили свои дома на виду у моря, на богатой и плодородной земле Сент-Оуэн, и жили, как короли без совести, наслаждаясь богатством и роскошью, которые они купили ценой жизней, потерянных на пяти испанских кораблях.

Шли месяцы, и те, кто слышал проклятие торговца, вскоре забыли о нем. В конце концов, какое возмездие может обрушиться на живых человек, чей труп давно уже выбросило на берег?

Настал день, когда они отпраздновали годовщину своей счастливой судьбы в доме некоего Пьера Соважа, основателя их плана и предводителя группы, благодаря которому они так много приобрели.

Несколько нервных смешков и насмешливых комментариев — вот и все, что вызвало воспоминание о проклятии торговца, а дорогой алкоголь лился рекой. Их разговор был громким и хриплым, но даже сквозь него неумолимо пробивался собачий лай, и Соваж крикнул одному из своих спутников:

— Боже мой, Арман! Может, ты пойдешь и заткнешь свою чертову тупую шавку? У меня от нее голова разболелась.

— Ты уверен, что это не дешевое вино, которое ты нам даешь, вызывает у тебя головную боль, Соваж? Мы все знаем, что ты держишь хорошие вещи под замком, скряга ты этакий, — огрызнулся Арман, вставая.

— Как будто ты хоть что-то смыслишь в вине! — крикнул ему вдогонку Соваж.

Когда Арман вышел из комнаты, дом сотрясла странная дрожь, как будто его медленно тащили по каменистой земле.

Тихо хлопали двери и ставни. Затем в кухне раздался грохот падающих кастрюль, от которого несколько человек заметно подпрыгнули, и Соваж увидел, как бренди в его бокале задрожало, а затем расплескалось по ободку, липкое и золотистое. Он неуверенно ухватился свободной рукой за край стола и поднял глаза вверх, когда со стропил над ним посыпалась пыль.

Сотрясение земли прекратилось так же внезапно, как и началось, и когда мужчины нервно переглянулись, кто-то позади Соважа заметил:

— Ну, если это была месть торговца, то он мог бы просто помять одну из твоих кастрюль, Соваж.

В наступившей тишине собака Армана еще громче залаяла — пронзительный скулящий протест, который еще сильнее действовал Соважу на нервы теперь, когда его товарищи

замолчали.

Выбитый из колеи, он вскочил на ноги и закричал, направляясь к двери:

— Заткни это глупое создание, Арман!

Раздался пронзительный визг, когда Арман пнул собаку ногой, но она не переставала лаять, и когда Соваж подошел к ней, он увидел, что она визжит у двери. Он оттолкнул Армана в сторону и развязал веревку, удерживавшую ошейник собаки. Он дал ей такой пинок, что она с воем исчезла в ночи.

— Ради Бога, Соваж! — запротестовал Арман: — Мне может потребоваться несколько часов, чтобы найти ее сейчас.

— Она вернется, когда будет готова, — огрызнулся Соваж. — Вернись в дом, а то жара спадет.

— Соваж!

— Я не виноват, что твоя собака идиотка.

— Нет, забудь о ней, смотри!

Пьер Соваж посмотрел в ту сторону, куда показывал Арман, и раздраженно пожал плечами:

— Что?

— Посмотри на это.

— Посмотри на что, Арман? Я вообще ничего не вижу. Пляж совершенно пуст.

— А где же море?

Соваж уставился на него, как на идиота.

— Сейчас отлив, Арман. Насколько ты пьян?

— Да, — нахмурился Арман, — отлив уже начался, но этого не должно быть.

— Ну, это, очевидно, не так, потому что его там нет. Да что с тобой такое? Заходи, ты такой же тупой, как и твоя чертова собака.

— Я не вижу моря, Соваж. Я никогда раньше не видел его так далеко.

— Да кому какое дело, Арман? Ты же больше не рыбак, какая разница?

Пьер повернулся, чтобы вернуться в дом, но сильная рука Армана удержала его.

— Соваж...

— Что еще?

— А это что такое?

Соваж раздраженно фыркнул и, прищурившись, посмотрел на горизонт:

— Я ни черта не вижу.

И все же в голосе Армана было что-то такое, что заставило его взглянуть в темноту, раздраженно прищурившись.

Но он ничего не видел. Затем погасла низкая звезда, а затем еще одна, когда линия тени медленно поднялась на горизонте.

— Что это? — медленно прошептал Соваж.

Они стояли и, молча, смотрели, как темнота поднимается перед ними подобно савану, их брови были нахмурены в ужасе, а разум затуманен алкоголем. Поднялся ветерок, принес с собой запах океана и звук, похожий на отдаленный гром.

И только когда огромная волна начала превращаться в белых лошадей, двое мужчин, наконец, поняли, что это такое.

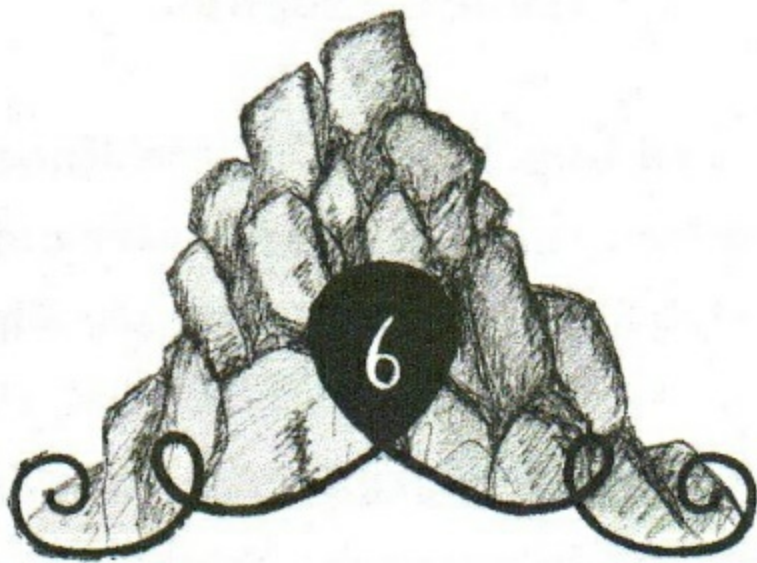
— Беги, — прошептал Соваж, и они обернулись, бокалы выпали из их рук и разбились вдребезги, когда цунами обрушилось на остров.

Стена темной воды обрушилась на землю, как кулак. Дома и жизни были разбиты вдребезги с разрушительной яростью, которая вырвала деревья с корнем и сровняла с землей строения. Вздываясь и кипя, море рвало сушу, смешивая ее с солью и водой океанского дна. Затем, схватившись, как огромный коготь, бурлящая вода отступила, увлекая за собой все следы разбойников и не оставляя после себя ничего, кроме опустошения.

Когда забрезжил рассвет, жители Дальнего побережья, наконец, пришли посмотреть, что же такое буйное неистовство океана произвело на остров. Они пришли в ужас, увидев, что земля так исказилась; акры леса и плодородной земли были поглощены морем. Только большой песчаный залив остался под краем более высокой земли, которая была нетронутой. С этой возвышенной точки они смотрели вниз на пустырь.

Медленно кружили вороны, некоторые осторожно садились на предательские скалы к югу от залива, где год назад потерпел крушение последний из пяти испанских кораблей.

Сам океан снова был спокоен, и только собачий лай нарушал тишину. Солнце поднялось в ясном небе над землей, которая навсегда останется бесплодной и покрытой песчаными дюнами.

WITCHES' ROCK

Скала ведьм

Из всех девушек, живущих в рыбацкой деревушке Ле-Хок, была Мадлен, которая считалась самой красивой. Это мнение, однако, как правило, выдвигалось мужчинами деревни. Женщины спешили заметить, что Мадлен, пожалуй, слишком высока для девушки, и ее блестящие черные волосы были немного суровы против бледной кожи. Ее карие глаза были слишком темными, они указывали на это, поскольку все знали, что голубые глаза предпочтительнее. Она была слишком сообразительна и самоуверенна, чтобы считаться по-настоящему женственной. Слишком высокие скулы делали ее похожей на иностранку. Она слишком тихо смеялась, и ее улыбка была слишком широкой. Она была книжницей и говорила о вещах, которые они не могли понять.

Мадлен, заключили они, на самом деле не была чем-то особенным, и было трагической загадкой, почему Хьюберт — высокий, красивый, очаровательный Хьюберт — оказался так неловко влюблен в нее.

С детства Хьюберта завораживали истории о привидениях и сказки о волшебстве фейри, которые были распространены по всему острову. По вечерам, когда Мадлен была занята, уткнувшись носом в книгу или за шитьем, Хьюберт отправлялся на поиски сверхъестественных существ, описанных в легендах.

— Веселись, Хью, — пробормотала Мадлен, когда подняла книгу и поудобнее устроилась в своем кресле.

— Знаешь, Мадлен, — сказал Хьюберт, наклоняясь, чтобы поцеловать ее. — Если хочешь, чтобы я остался, мы могли бы свернуться калачиком и...

— Не раньше свадьбы, Хьюберт, — сказала Мадлен, поворачивая страницу. — Ты же знаешь, что занавески у каждой старой тетки в деревне будут дергаться, когда они будут смотреть, пока ты не уйдешь отсюда вечером.

— Мы поженимся через две недели! Кого волнует, что они думают? — Весело спросил Хьюберт, и его ярко-голубые глаза блеснули, когда она намеренно проигнорировала его.

Хьюберт крепко поцеловал ее в лоб, и она, покраснев, отмахнулась рукой, когда он унесся прочь, как назойливая муха.

— Спокойной ночи, Мадлен, — ласково сказал он. — Я люблю тебя.

— Да, дорогой, я знаю, — она нахмурилась, глядя на страницу, словно прикованная к ней, но не сумела скрыть улыбку.

Хьюберт смеялся, когда дверь за ним закрылась.

Мадлен оторвалась от книги.

— Я тоже тебя люблю, — тихо сказала она.

Вечер был ясный, и пока Хьюберт шел, он размышлял о различных легендах и баснях, которые он искал во многих местах острова.

Он побывал в знаменитом доме-призраке Сент-Обена, где, как поговаривали, в определенные ночи раздавались крики множества мужчин и женщин, убитых там. И все же призраки хранили молчание во время визитов Хьюберта.

Он бродил по холмам бухты Боули в надежде увидеть ее или когда-нибудь услышать, знаменитого гигантского черного пса, который, по слухам, бродил по лесам, но каким-то образом тот оставался неуловимым, несмотря на то, что предположительно был размером с быка.

Напрасно он искал блуждающие огоньки, похожие на Беленги, существ, которые скрывали великое сокровище в болотах Сент-Лоуренса и приводили неосторожных путешественников к смерти, чтобы защитить его. Хьюберт ничего не получил от своей собственной охоты за сокровищами, кроме мокрых сапог.

Он посетил дольмены в надежде, что будет одним из немногих, кто увидит Белую Даму, Королеву Фейри, которая иногда показывалась людям, но он не был одним из немногих счастливыхчиков. Призрачная свадебная процессия по дороге к мельничному пруду так и не материализовалась в любую из ночей, которую он искал ее. Никаких оборотней, русалок или сирен на его пути, никаких танцующих гоблинов у камней менгира, никаких кривых фейри, никаких призрачных лошадей или невидимых зверей, пугало или духов-хранителей, никаких демонов-бесов, дьяволов, гарпий, домовых или подменшей.

В детстве Хьюберт даже ходил на поиски фейри, которые, по слухам, искупались в бассейне Венеры под Сорел-Пойнт, хотя и не рассказывал Мадлен об этом конкретном приключении. Бассейн Венеры также имел более старое название и более темную легенду, но история была настолько древняя, что она почти затерялась во времени, как часто бывает с самыми мрачными легендами, которые лучше забыть.

Короче говоря, ничто не заставляло Хьюберта думать, что на сорока пяти квадратных милях Джерси таится столько волшебства и тайн, к которым его готовило детство.

Именно в этот вечер, под полной Луной, шаги Хьюберта привели его на юг вдоль

побережья, к знаменитой скале ведьм, или Рокбергу, как ее называли с древних времен. До деревни было всего две мили ходьбы, так что он уже много раз бывал там в надежде увидеть какую-нибудь отвратительную ведьму в союзе с дьяволом. До сих пор он находил только уединение возле выступающего из ландшафта утеса, и этот вечер ничем не отличался.

Скала находилась всего в двух шагах от берега и была высечена природой в изысканной красоте. Она была больше рыбацкого домика Хьюберта и сложена из неровного гранита персикового цвета.

При дневном свете этот цвет стоял теплым, великолепным контрастом с окружающей его зеленой поляной. Хьюберт со вздохом прислонился спиной к скале и стал смотреть на море, наблюдая, как Лунный свет пляшет на волнах.

— Черные собаки и белые дамы, — проворчал Хьюберт, — полная ерунда.

Легенда, окружающая скалу ведьм, была очень старой. Ходили слухи, что в штормовые дни рыбацкие лодки, возвращающиеся в порт, были вызваны со скалы ведьмами. Ведьмы угрожали им, говорили, что если рыбаки не бросят им тринадцатую рыбу из своего улова, они поднимут бурю и разнесут рыбацкие лодки о камни. Люди, которые откажутся, потеряют свой корабль, и некоторые из них и жизнь из-за бури. Но однажды требовательным ведьмам бросил вызов капитан рыболовецкого судна. Он вытащил из своей сети морскую звезду и отрезал ей одну из пяти рук, прежде чем бросить к их ногам этот импровизированный символ Святого Креста. Ведьмы закричали и исчезли, и буря сразу же утихла.

В последний раз, когда Хьюберт посетил Ведьмин Утес, он рассказал Мадлен о легенде.

— Бедная Морская звезда, — спокойно заметила она. — Морские звезды на самом деле даже не рыбы, знаешь ли. Кроме того, должны быть и более простые способы сделать крест. Почему рыбаки просто не взяли с собой один из них?

— У меня есть распятие, — заметил Хьюберт, дотрагиваясь до крошечного золотого крестика, который он всегда носил на шее, — так что можешь не беспокоиться.

— Уверена, что не нужно, — заверила его Мадлен с кривой улыбкой.

— Никогда не знаешь, — сказал Хьюберт, слегка защищаясь, — я могу убежать, если однажды наткнушь на что-то сверхъестественное. Однажды слышал собачий вой в Боули-Бей.

— Не сомневаюсь, что ты слышал собачий вой, Хью, — сказала Мадлен. — Я просто думаю, что вряд ли это была гигантская призрачная гончая, пришедшая, чтобы возвестить бурю.

— Знаю, — ухмыльнулся Хьюберт, — это больше похоже на дворняжку из таверны.

— Не обращай внимания, дорогой, — рассмеялась Мадлен, быстро обнимая его. — Дай время. Магические вещи всегда с большей вероятностью происходят во время полнолуния.

— Ты действительно так думаешь?

— Не совсем, милый. Возьми пальто, ладно?

— Ты могла бы пойти со мной, знаешь ли, — заметил он, когда она провожала его из ее дома и встала над ним на ступеньках.

— Когда мы поженимся, — твердо сказала она ему.

— Разве ты не доверяешь мне? — спросил он ее, приподняв одну бровь.

— Возможно, я сама себе не доверяю, — рассмеялась она и, прежде чем он сумел сформулировать ответ, она быстро закрыла дверь.

Это воспоминание вызвало улыбку на его лице, и улыбка все еще играла на его губах, когда он заснул на прохладном камне.

Он был разбужен и дезориентирован мягким светом и взрывом женского смеха. Он чувствовал себя растерянным, как будто был пьян.

Его руки слегка онемели.

— Мадлен? — спросил он, садясь и проводя рукой по глазам.

Была еще ночь. Свечение, казалось, исходило от огромной скалы, и в ласковом свете четыре прелестные женщины кружились и плясали с грацией балерин, их смех был сладок, как журчание свежих источников. Песня, которую они пели, была навязчивой, наполненной одновременно грустью и восторгом.

Хьюберту казалось, что он знает всех местных молодых людей, но женщины были ему незнакомы. Он бы наверняка заметил, если бы видел кого-нибудь из них раньше. Они были одарены эфирной красотой. Одна, одетая во все зеленое, с густыми каштановыми кудрями, загорелой кожей и глубокими карими глазами. Другая, в нежном голубом платье, у нее были распущенные волосы, серебристо белые как волны, и глаза... зеленые, как морские глубины. У девушки, одетой во все красное, были волосы цвета пламени и глаза мягкого, дымчато-серого цвета, тлеющие в тумане, от них Хьюберт зарделся.

Но самая красивая из них, по крайней мере, на взгляд Хьюберта, была с золотыми кудрями и васильковыми глазами, она была одета в прозрачное белое платье, которое едва скрывало стройные изгибы ее тела, когда она танцевала.

Внезапно неприятно почувствовав себя вуайеристом, Хьюберт прочистил горло и крикнул дружелюбно:

— Приветствую.

Он поднялся с того места, где отдыхал, чтобы его было легко заметить, если они не увидели его, спотыкающегося, когда он вставал.

Их улыбки и смех свидетельствовали о том, что они были в восторге от него, пока они танцевали.

— Тебе снились сладкие сны, красавчик?

— Мы тебя разбудили?

— Что привело тебя к нашей скале в такую прекрасную ночь?

— Как тебя зовут?

Их шквал вопросов и прикосновение пальцев к его руке, каждая пыталась привлечь его внимание, заставили его неловко рассмеяться.

— Меня зовут Хьюберт, я искал ведьм и прилег отдохнуть, ожидая. Глупо с моей стороны, я полагаю, но я всегда интересовался магией, и я, кажется, никогда не найду ничего такого. Я рад, что вы меня разбудили. Я — рыбак, так что мне нужно быть готовым к плаванию с прилив утром.

— Только не завтра, нет! — серьезно сказала девушка с серебристыми волосами.

— Не отплывай завтра, — согласилась золотоволосая девушка, и ее голос был мягким и сильным. — Будет сильная буря. Держись подальше от моря. — Они обменялись взглядами и кивнули в знак согласия.

— Как скажете, — с улыбкой ответил Хьюберт. Он был уверен, что погода обещала быть хорошей, но у него не было ни малейшего желания спорить с ними.

— О да, мы так и говорим, — засмеялись они, и девушка с серебристыми волосами повернулась и затанцевала. — Волны будут высокими, как холмы, и неосторожных моряков будут гнать на скалы. Завтра держись подальше от океана, милый Хьюберт.

— Ветер поднимется и завоюет, сам воздух будет достаточной силой, чтобы сбить с ног

человека, — его золотоволосая любимица улыбнулась ему в глаза. — Это будет великолепно.

Она казалась такой счастливой, что он не мог не рассмеяться вместе с ней.

— Как тебя зовут? — спросил он ее, пока другие женщины танцевали и кружились, их одежда поднималась с грацией, как паутинка на ветру, водоворотом красок и звуков.

— Как меня зовут? — Девушка нахмурилась, как будто ей потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. — Меня зовут Сьюки Годейн, — задумчиво произнесла она. Тень, казалось, набежала на ее лицо на мгновение.

— Это самое милое имя, которое я когда-либо слышал, — сказал Хьюберт, а потом покачал головой, чтобы прояснить мысли, — Или, может быть, второе по сладости. Я женюсь через две недели, — добавил он.

Этот факт, который был так восхитителен для него несколько часов назад, теперь казался чем-то вроде неудобного раздражения.

— Женат? — Разочарование Сьюки было восхитительным зрелищем. — Но Хьюберт, я только нашла тебя.

Она прижалась к его груди и умоляюще посмотрела ему в глаза.

Казалось, он все еще спал и не мог до конца прийти в себя, сфокусировать взгляд на ней. Казалось, она светится изнутри. Чем дольше он смотрел на нее, тем более великолепной она становилась. Это было как будто, вглядываясь в нее, он понимал, что каждая ее черта была воплощением женского совершенства. Остальные девушки казались теперь почти нереальными по сравнению с ней, и они танцевали и кружились на небольшом расстоянии.

— Мадлен расстроилась бы, если бы увидела, что я с тобой разговариваю... — Хьюберт снова покачал головой пытаясь представить себе лицо Мадлен: — Я дал обещание. Она бы, наверное... — Он слегка нахмурился. Думать было трудно, как будто его разум был наполнен сладким сиропом.

— Может, она даже отложит на минутку свою чертову книгу. Мне пора идти, Сьюки. Я люблю ее, и она любит меня. Ну, я думаю, что любит. Я должен идти.

Он отошел от нее, изо всех сил стараясь не споткнуться и не упасть.

— Она не может любить тебя так, как я, Хьюберт, — голос Сьюки звучал как-то странно, почти песней, поднимающейся и опускающейся вместе с другими женщинами. — Скажи, что ты будешь думать обо мне, — умоляла она, и ее голос звучал как симфония в его ушах, и он знал, что ни в чем не сможет ей отказать.

— Скажи, что ты придешь ко мне завтра в полночь. Я подарю тебе что-нибудь поистине волшебное, что докажет, что я достойна твоей любви. Дай мне шанс. Скажи, что я так много значу для тебя, Хьюберт. Я прошу тебя о двух вещах в обмен на мою любовь. Обещай мне, что ты придешь, и пообещай, что не отплывешь завтра.

— Обещаю, — прошептал Хьюберт и, пока еще мог, обернулся и зашагал прочь неуверенными шагами.

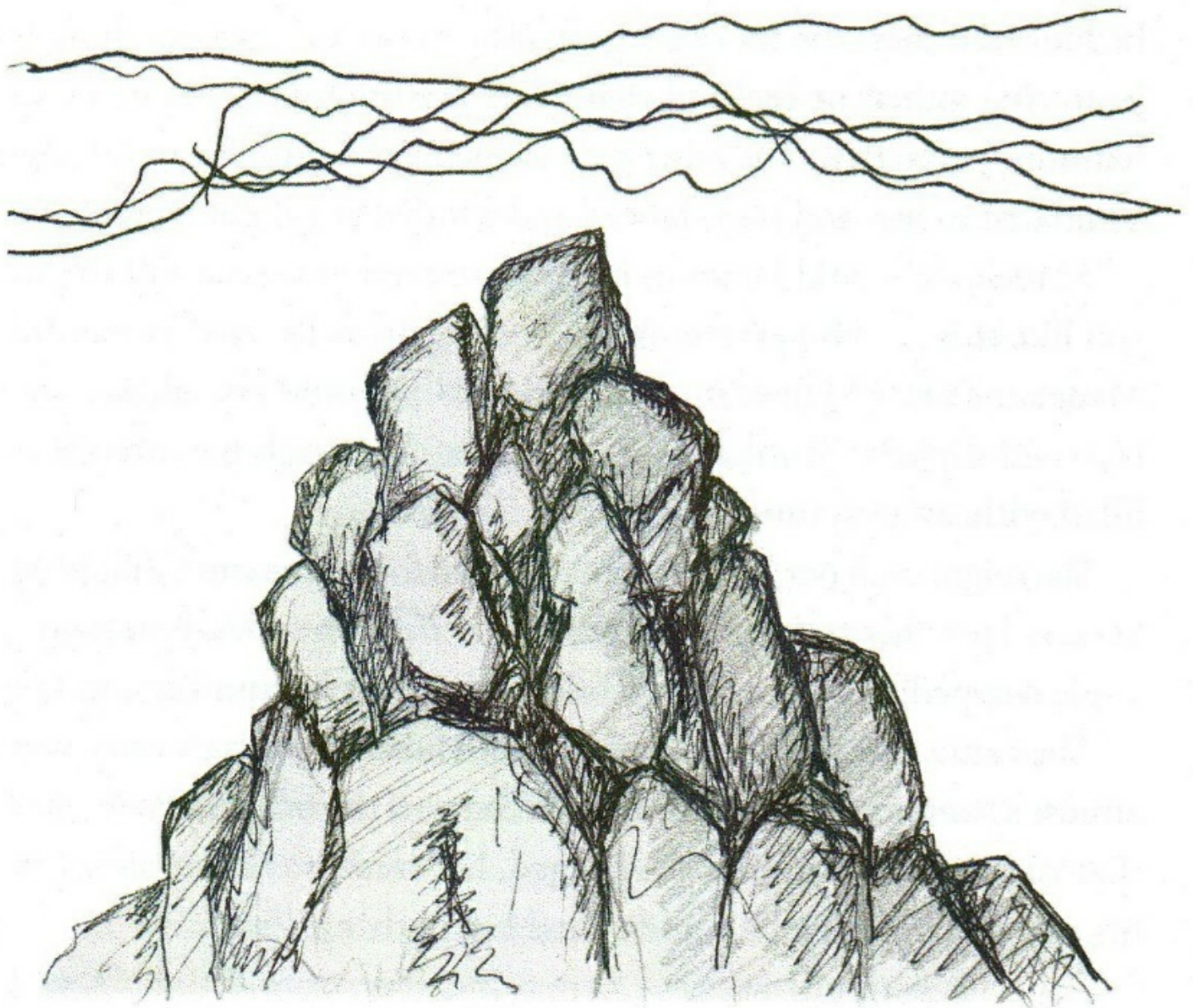
— Держись подальше от моря во время отлива! — крикнула она вслед ему, ее голос был приказом.

Он проснулся, чувствуя себя разбитым и сбитым с толку. На его руках было четыре неглубоких пореза, но он не помнил, как поранился. Возможно, он наткнулся на куст утесника по дороге домой. Он мало что помнил о своем обратном путешествии, преследуемый образом девушки с золотыми волосами, танцующими перед его глазами, и звуком ее мягкого голоса, эхом отдающегося в ушах.

Солнечный свет струился в его окно, и взгляд на часы заставил выругаться и натянуть

одежду. Пальцы были неловкими и онемевшими. Он чувствовал себя странно, и ему пришлось прислониться к стене, чтобы натянуть сапоги.

Он уже почти вышел за дверь, когда вспомнил о своем обещании Сьюки. Небо было голубым, усеянным небольшими облачками, неспешно плывущими на легком ветру. Идеальный день для выхода в море. Однако обещание есть обещание, и Хьюберт со вздохом снова скинул сапоги и улыбнулся. Он посмеется над ее предсказанием бури, когда увидит ее этой ночью. Может, они и красивы, но танцующие женщины не знают погоды, как рыбаки, рожденные и выросшие. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз отрывался от работы на целый день? Он трудился каждый свободный час, чтобы найти деньги на свадьбу. Мадлен осиротела и жила на грани нищеты в крошечном захудалом коттедже, принадлежавшем ее отцу. Она бралась за мелкую починку, держала несколько кур и продавала яйца. Затем мысли о Мадлен выскользнули из его головы, как блуждающая ртуть. Хьюберту было интересно, как и где живет Сьюки.

Он погрузился в сонные грезы о Сьюки и ее спутницах, когда его разбудил резкий стук в дверь. Четыре быстрых удара. Мадлен.

Легкое чувство беспокойства шевельнулось в нем. Он сделал что-нибудь не так прошлой

ночью? Что-нибудь достойное вины? Эта мысль наполнила его раздражением, и он нахмурился, когда, спотыкаясь, подошел к ней и открыл дверь. Как может что-то, связанное с Сьюки Годейн, быть неправильным?

Мадлен с облегчением улыбнулась, глядя ему в глаза.

— О Хью, ты здесь! Когда я увидел твою лодку в гавани, то подумала, что с тобой, возможно, что-то случилось прошлой ночью. Ты в порядке? Ты ужасно выглядишь, — добавила она, скорчив гримасу. — Тебе что-нибудь нужно, любовь моя?

— Нет, спасибо, Мадлен. Я просто. Простой ночью у меня было небольшое приключение, и я не знаю, почему, но...

— Что случилось с твоими руками, Хью? Ты весь порезан, и она наклонилась в сторону и нахмурилась, глядя на его голову: — У тебя не хватает куса волос. На самом деле несколько кусков. Чем ты занимался?

— Что? О, я не знаю, — Хьюберт почесал волосы. — Может быть, я упал по дороге домой прошлой ночью. Я был в замешательстве.

— В замешательстве? Хьюберт, что с тобой? У тебя странные глаза. Ты ведь не пьян, Хью?

— Нет, я не пьян, — возмутился Хьюберт, — Это первое, что приходит утром.

— Хьюберт, уже за полдень! Все остальные рыбаки уже несколько часов как ушли. Какое приключение у тебя было?

— Ну, я пошел к скале, и там не было ведьм, но вместо них там были эти девушки, Мадлен... — Хьюберт медленно скользнул спиной вниз по дверному косяку и сел на ступеньку.

— Девушки, Хьюберт? — Лицо Мадлен было непроницаемым.

— Четыре дамы танцевали. Видела бы ты их! Они были похожи на ангелов, и пение, Мадлен, было невероятным. Это не было похоже ни на что, что я когда-либо слышал, это было навязчиво, это... — Он неопределенно помахал руками.

— Волшебно? — осторожно предположила Мадлен.

— Да, волшебно... они были так прекрасны... самые красивые девушки, которых я когда-либо видел...

Хьюберт смотрел куда-то вдаль, а перед его затуманенным взором плясали образы женщин. Его глаза начали закрываться.

Правая бровь Мадлен медленно изогнулась, пока ее лицо не превратилось в маску более спокойного, гневного вопроса.

— Самые красивые? — спросила она с опасным спокойствием.

— Одна из них, — пробормотал Хьюберт, — Ты не можешь себе представить, какая она была великолепная...

— Уверена, что не могу, — холодно сказала Мадлен, — и ты говорил с этими женщинами, не так ли?

— Да, конечно. Я заснул, но когда проснулся и увидел, как они танцуют в свете скал, я окликнул их, и мы заговорили. Ну, я говорил в основном со Сьюки Годейн, полагаю...

— Сьюки? — Лицо Мадлен превратилось в маску ужаса.

— Да, а что? Ты ее знаешь? — нетерпеливо спросил Хьюберт.

— Нет, это просто самое нелепое имя, которое я когда-либо слышала, — Мадлен задыхнулась от смеха, а затем взяла себя в руки. — У тебя не было порезов на руках и волос, когда ты проснулся прошлой ночью, Хьюберт?

— Господи, я не могу вспомнить! Какое это имеет значение?

Мадлен взяла себя в руки и заправила волосы за уши, когда поднявшийся ветер начал обдуть ее лицо.

— Ты узнал этих женщин, Хью? Ты когда-нибудь видел этих удивительно красивых женщин с их волшебным пением и танцами до вчерашнего вечера?

— Нет, ни одну из них.

В этот момент Мадлен протянула руку, чтобы проверить температуру его лба, и он раздраженно отпрянул.

— Я не болен, — проворчал он.

— Нет, не болен, дорогой, — мягко сказала Мадлен. — Ну, тогда, Хью, я думаю, будет лучше, если в будущем ты будешь держаться подальше от Скалы Ведьм. Ты сделаешь это для меня, любовь моя? Ты обещаешь?

— Что? Нет, Мадлен! Я возвращаюсь сегодня вечером. Я пообещал Сьюки, что так и сделаю. Я должен встретиться с ней не позже полуночи.

Рот Мадлен удивленно шевельнулся, но на мгновение из него не вырвалось ни слова. Затем она громко сказала:

— Ты сошел с ума, Хьюберт? Ты не можешь туда вернуться! Эти женщины — ведьмы!

— Что? — Хьюберт посмотрел на нее, как на идиотку: — Не говори глупостей!

— Волшебное пение? Танцы вокруг Скалы Ведьм? Ты, без крови и волос, сидишь здесь в оцепенении, полусонный посреди дня! Ты выглядишь как наполовину остриженная овца и только что сказала своей невесте, что встретил самых красивых женщин, которых когда-либо видел! Ты что, с ума сошел, Хьюберт? Встреча в полночь? Ну нет, — саркастически заметила она, — Это совсем не звучит жутко или зло. Сегодня ты не вернешься на этот дурацкий камень. Я запрещаю тебе!

— Не будь смешной, Мадлен, — Хьюберт протянул руку, чтобы поймать первые капли дождя, которые начали падать, когда облака сомкнулись. — Эти женщины были ближе к богиням, чем к ведьмам. Кроме того, я дал обещание! Я намерен держать его. И вообще, кто ты такая, чтобы мне что-то запрещать?

— Я твоя жена! Или буду, если ты выйдешь из этого ступора и подстрижешься. Ты тоже давал мне обещания, Хьюберт. Что из этого?

— Я не знаю, Мадлен, — сказал Хьюберт, его голубые глаза были черными и рассеянными, — тебе было бы все равно, если бы я их нарушил? Не могла бы ты перестать читать достаточно долго, чтобы заметить это? По крайней мере, я знаю, что Сьюки любит меня. Когда дело касается тебя, я никогда не знаю, о чем ты думаешь. Иногда мне кажется, что ты была бы так же счастлива и без меня.

У Мадлен от удивления отвисла челюсть.

— Я согласилась выйти за тебя замуж, Хьюберт, — сказала она, и на ее бледных скулах проступили два ярких пятна, — Разве это не указывает на определенную степень привязанности?

— Привязанности? — Хьюберт рассмеялся: — Это то, что ты предлагаешь мне, Мадлен? Привязанность? Сьюки страстно любит меня!

— Неужели, Хьюберт? — прорычала Мадлен. — И что же могло случиться прошлой ночью, что заставило тебя так подумать?

— Она так сказала!

— Боже милостивый, какой же ты дурак!

— Может быть, я дурак! — крикнул Хьюберт, вскакивая на ноги. — В конце концов, я планировал жениться на женщине, которая может предложить мне только любовь, которая едва позволяет мне прикасаться к ней и которая предпочитает проводить время, уткнувшись носом в книгу или вязание носков, чем со своим чертовым женихом! Теперь, когда я знаю, что такое настоящая любовь, мне интересно, заботишься ли ты вообще обо мне!

Мадлен сделала неуверенный шаг назад и сложила руки на груди, дождь теперь шел непрерывно, тяжелые капли пропитали ее платье и прилипли к волосам. С побережья зловеще прогрехотал гром, и Хьюберт вдруг посмотрел на море со странной легкой улыбкой.

— Это несправедливо, Хьюберт, — хрипло сказала Мадлен, — ты же знаешь, что я не это имела в виду. Ты же знаешь, какие сплетни ходят в этой деревне. Я должна защищать себя от скандала. У меня никого нет, кроме тебя, а теперь ты... — Ее красные губы скривились, как будто она собиралась заплакать, но затем она яростно покачала головой.

Решительно расправив платье, она посмотрела ему в глаза.

— Ну, нет смысла разговаривать с тобой, когда ты в таком состоянии. Ты явно околдован или заколдован, так что я думаю...

— Верь в это, если тебе от этого легче, Мадлен, — холодно сказал Хьюберт. — Сьюки сказала, что будет гроза. Похоже, она не только красива, но и мудра. Тебе лучше пойти домой, ты промокнешь.

Он вернулся в дом и закрыл за собой дверь.

Под проливным дождем Мадлен вернулась в свой дом. Ветер поднимался и трепал ее волосы цвета воронова крыла по лицу и глазам.

Ей было трудно дышать из-за стеснения в груди. Было ли это колдовством? Или Хьюберт просто нашел кого-то, кого предпочел? Слезы смешались с дождем на ее щеках, и она нетерпеливо вытерла влагу. Ветер бил ее, заставляя спотыкаться. В нарастающей буре послышался странный звук, песня на ветру, и на мгновение Мадлен удивилась, как буря поднялась так быстро. Люди в море будут вытаскивать свои сети так быстро, как только смогут. По крайней мере, Хьюберт был в безопасности дома. Во всяком случае, пока.

Она отперла входную дверь, ключ дрожал в ее руках, а слезы застилали ей глаза. Ее скромный коттедж скрипел от надвигающейся бури, и ветер свистел в пустом камине. Взяв себя в руки, Мадлен опустилась на стул за маленьким кухонным столом и очень долго просто сидела. Ее одежда была влажной, а зубы покусывали нижнюю губу, когда буря снаружи набирала силу. Дождь барабанил по ее окну, как сердитые пальцы.

Она играла с переплетом последней книги, которую одолжила у одной из пожилых дам в деревне. Это был третий том готического романа Энн Рэдклифф, опубликованный всего несколько лет назад. Мадлен находила его довольно ужасным, но все же она наслаждалась им безмерно. Она знала, что сейчас не сможет сосредоточиться на этом. Встреча с Хьюбертом взволновала и напугала ее.

Наконец она поняла, что сгущающаяся темнота снаружи — это не только тяжелые дождевые тучи. День клонился к вечеру, а она сидела и волновалась. Она пошевелилась и моргнула, затем, приняв решение, встала и направилась обратно к двери.

Мадлен помедлила на пороге, прислушиваясь к завываниям ветра, наблюдая, как дождь барабанил по земле. Затем она тихо выругалась и, быстро и решительно шагая, направилась к приходской церкви Святого Климента.

К тому времени, как она добралась туда, она промокла насквозь, а когда открыла дверь церкви, ветер подхватил ее и с силой ударил о стену внутри, заставив преподобного Бромли

Ле Кутера заметно подпрыгнуть.

— Преподобный, сэр, — позвала Мадлен, шагнув к нему, — что вы знаете о колдовстве? Я уверена, что слышала, как вы упоминали об этом в нескольких своих проповедях.

— Ах, Мадлен, — преподобный Ле Кутер пригладил волосы и взял себя в руки, — а я-то думал, ты не обращаешь внимания. Ты всегда вяжешь, разве нет?

— Дьявол создает работу для праздных рук, Преподобный, — сказала Мадлен с извиняющейся улыбкой, глядя ему в глаза с высоты своего роста. — Если женщина думает, что ее жених может быть заколдован, что она может с этим поделаться?

— Простите, Мадлен?

— Это Хьюберт. Я думаю, он заколдован. Либо это, либо он внезапно стал ужасным, жестоким и... Я пытаюсь дать ему преимущество в сомнениях.

Преподобный тихо усмехнулся:

— О, Мадлен, что бы ни происходило, я уверен, что он просто разыгрывает тебя. Ты же знаешь, что он любит всю эту мистическую чепуху. Он всегда спрашивает меня о ведьмах, демонах и тому подобных вещах.

— Нет, преподобный Ле Кутер, — Мадлен сделала паузу, чтобы отжать волосы, и капли воды упали на соседние, медленно стекающие с ее промокшей одежды, — Я бы не вышла в этом, если бы Хьюберт играл в игру. Прошлой ночью он видел, как женщины поют и танцуют на Скале Ведьм, а теперь он ошеломлен и у него порезы на руках. Он говорит так, будто может отменить нашу свадьбу из-за какой-то девушки, которую он там встретил, по имени Сьюки Годейн, и будь я проклята...

— Сьюки Годейн? — голос преподобного был резким.

— Да, так он ее называл. Вы знаете это имя?

— Это не то, что я, вероятно, забуду в этой жизни, но...

— Пожалуйста, скажите мне, кто она, если вы знаете, Преподобный.

Бромли Ле Кутер обхватил Библию руками и прижал ее к груди почти бессознательно, как ребенок обнимает плюшевого мишку.

— Не может быть, чтобы он встретил ту же девушку, о которой я знаю. Сьюки Годейн была убита. На скалах у гавани во время сильного шторма. Это было, когда я был еще мальчишкой. Она была... обижена так, как мужчины иногда обижают женщин. Деревня была в шоке. Мне очень жаль, Мадлен. Возможно, о таких вещах не следует говорить. Или, может быть, их никогда не следует забывать. Я был слишком молод, чтобы хорошо ее помнить, но говорят, она была милой девочкой, очень тихой и доброй. Может быть, эта женщина использует кого-нибудь из своих родственников?

Мадлен закусила губу и задрожала от холода и ужаса.

— Они нашли того, кто это сделал? — тихо спросила она. — Его наказали? Его повесили?

Преподобный медленно покачал головой:

— Нет, но... в последующие недели четверо мужчин также были найдены мертвыми. Молодые люди с побережья, и у них были... Ну, это не то, что следует говорить молодой леди вашего...

— Преподобный, сэр, пожалуйста! Я не ребенок. Расскажите мне.

— Они были, ну, они были изуродованы, Мадлен. Вырезанные снова и снова одни и те же слова: «Меня зовут Сьюки Годейн».

— Боже милостивый, — Мадлен в ужасе уставилась на него. — О Преподобный,

пожалуйста, придумайте что-нибудь, что я могла бы использовать, чтобы избавить Хьюберта от этого заклинания, прежде чем его убьют!

— Это не может быть она, Мадлен, этого просто не может...

— Ну, давайте не будем рисковать на всякий случай, — твердо сказала Мадлен. — А теперь, если они духи или ведьмы, что мне нужно? Святая вода? Священное Писание? Вам нужно совершить экзорцизм?

Преподобный Ле Кутер подошел к стене церкви, снял с крюка большой крест, размером примерно с его предплечье, и вернулся к ней с ним.

— Если бы вы могли просто заставить Хьюберта держать этот крест...

— Не думаю, что это сработает, Преподобный. Хьюберт уже носит маленький золотой крестик на ожерелье, которое подарила ему мать. Он был в нем, когда я видела его раньше. Он никогда его не снимает.

— Ах... да! Но этот крест серебряный. Серебро, как известно, является анафемой для сверхъестественных существ.

— Значит, дело в серебре, а не в кресте? — кивнула Мадлен, а затем медленно заговорила: — Значит, вы хотите сказать, что этот святой крест не более полезен в этом деле, чем серебряная чайная ложка, которую моя бабушка подарила мне на мой четвертый день рождения? Я могла бы использовать ложку для борьбы с силами зла?

Преподобный выглядел немного смущенным и пожал плечами:

— Ну, моя мать всегда говорила, что в общении со сверхъестественным нужно использовать холодную сталь и серебро. Символ нашего Господа, конечно, не может причинить никакого вреда. Хочешь, я поеду с тобой к нему домой? — предложил он.

— Зачем, Преподобный?

— Может быть, помолиться за него?

— О, Преподобный! Вы можете сделать это здесь, не промокнув до нитки. Кроме того, — Мадлен подняла глаза к небу, прислушиваясь к завыванию ветра, — Я думаю, что некоторые из ваших прихожан будут искать вас очень скоро. Все мужчины оказались в ловушке в море, и их семьи будут искать у вас утешения, если они не вернуться в ближайшее время. Но я возьму крест, Преподобный, если вы не возражаете. Похоже, это имеет хороший вес, если мне нужно вырубить Хьюберта, чтобы заставить его остаться дома.

— Он пятнадцатого века, Мадлен, — осторожно сказал Бромли Ле Кутер, — Очень ценный и...

— Хьюберт тоже ценен, Преподобный, сэр. Не волнуйтесь, я не потеряю его и верну Вам, как только смогу. Большое вам спасибо за ваше руководство и за то, что доверили мне это.

Мадлен взяла украшенный крест в свои изящные руки и взмахнула им, как будто это была крикетная бита.

— Мило, — пробормотала она и вышла из церкви обратно в бушующий шторм, чтобы поспешить в деревню.

Однако ее стук в дверь Хьюберта был напрасным. Он уже ушел.

Ветер завывал, голосом ярости и мести, но двери в деревне были открыты, а жены и матери смотрели на море с выражением ужаса на лицах.

Волосы Мадлен хлестали ее по лицу, ослепляя, когда она дрожала в шторме.

— Кто-нибудь видел Хьюберта? — крикнула она женщинам, сгрудившимся в дверных проемах и под карнизами.

Их лица были бледными под загаром, и они отрицательно покачали головами.

— Он не в море, Мадлен. Он пошел гулять по берегу, — крикнула миссис Ле Сотер, пытаясь ее успокоить.

— Черт побери, — резко сказала Мадлен, и на глазах у нее выступили слезы.

Она уже собиралась уходить, но тут ее разумная натура заявила о себе. Вместо этого она вернулась в свой маленький коттедж. Она быстро переделалась в сухую, легкую одежду и завязала волосы на затылке. Она накинула клеенку, чтобы защититься от дождя, и скинула маленькие промокшие туфли в пользу толстых носков и крепких ботинок. Она с мрачной улыбкой посмотрела на себя в маленькое зеркальце. Что касается борьбы за сердце Хьюберта, то она определенно выглядела не лучшим образом. Но практичность всегда была в ее натуре больше, чем тщеславие. Она быстро нашла свою драгоценную серебряную чайную ложечку и сунула ее в карман. Снова схватив серебряный крест, она уверенным шагом вернулась в бурю. А затем, поскольку паника, поднимавшаяся в ее груди, больше не поддавалась подавлению, она побежала.

Ветер и дождь яростно били ее, пока она быстро шла вдоль берега, ревя в ушах и ослепляя глаза. Она могла пройти всего в нескольких футах от Хьюберта или врезаться прямо в него, настолько ограниченным было ее зрение.

В течение двух долгих миль она боролась с силой шторма, ветер тащил ее одежду, а дождь пробирался по ее шее и в ботинки, пока свет угасал до фиолетового заката рваных облаков. Тьма ползла по земле позади нее.

Когда она увидела впереди мягкое свечение, на мгновение ей показалось, что это закат. Затем, оказавшись в эпицентре бури, где ветер внезапно стих, а дождь пошел тише, она увидела Скалу Ведьм. Она была светящейся и теплой, с мягким светом и отражающим сиянием ревущего огня. Она схватилась за тяжелый крест в своих руках и остановилась как вкопанная.

Хьюберт сидел с отсутствующей улыбкой на лице, когда говорил, слишком тихо, чтобы Мадлен могла расслышать слова, но с каждым выдохом казалось, что вместе с его дыханием появляется какой-то свет. Существо, которое стояло перед ним, как белый призрак, казалось, втягивало его из его легких в свои.

Мадлен моргнула и попыталась сосредоточиться на женщине, но ее глаза как будто могли только начать понимать один аспект существа, прежде чем они увидели начало другого. Ведьма была великолепной красавицей в очаровании своей силы, созданием света и воздуха, но каким-то образом в проблесках и моментах у нее было лицо мертвой женщины, окровавленное и в синяках.

Рядом двигались другие фигуры. Мадлен ахнула, когда поняла, что пламя танцующего костра искривилось в форме женщины в красном. Ее кожа, казалось, кипела и покрывалась волдырями, затем безупречно разглаживалась в бесконечном цикле, когда она выглядела сначала обожженной, а затем великолепной. Рядом, на корточках, вне досягаемости этой элементарной красоты, стояла фигура, которая сначала казалась девушкой с оливковой кожей, а затем перед глазами Мадлен превратилась в женщину, сотканную из высохших корней, когда она текла по земле со зловещим ползанием плюща. Женщина, одетая в голубое, плыла, как безупречный труп, ее белые волосы шевелились и плыли, как будто их двигали волны в глубинах океана. Из всех них Мадлен находила это элементарное создание воды самым красивым и самым очаровательным. Несмотря на желание добраться до Хьюберта, Мадлен с трудом могла отвести от нее взгляд. Она начала понимать силу чар,

околдовавших Хьюберта.

— Хьюберт! — голос Мадлен дрогнул от паники, когда она заставила себя подойти к этим странным призракам.

— Мадлен? — Голос Хьюберта был усталым и слегка раздраженным, когда он повернулся к ней: — Что ты здесь делаешь?

— Я пришла, чтобы забрать тебя домой, Хьюберт, ты должен уйти со мной. Здесь небезопасно.

Ведьмы улыбнулись и начали тихо смеяться.

— Не говори глупостей, Мадлен, — раздраженно сказал Хьюберт, — это Сьюки. Они не ведьмы, посмотри на них. Как такие милые и красивые женщины могут быть опасны?

— Мы — создания природы, — прошептал плавающий труп в синем, как будто она знала, что глаза Мадлен все время возвращаются к ней. — Огонь, земля, ветер и океан. Разве вы не хотите быть нашими друзьями? Мы можем дать вам попутные ветры и спокойные моря, деньги и власть в обмен на так мало... Несколько капель крови, дыхание из твоих легких. ... Тебе ничего не нужно...

— Благодарю вас, мадам, — сказала Мадлен с дрожащим реверансом, — но я думаю, что мы могли бы просто пойти домой, если вам все равно.

— Мадлен, не будь такой грубой, — пробормотал Хьюберт, снова обратив свою зачарованную улыбку к стоящему перед ним призраку, — Тебе не нужно это распятие. Я и не подозревал, что ты насколько религиозна.

— Ты совершенно прав, Хью, — сказала Мадлен с натянутым вызовом, подходя к нему, — с моей стороны было очень глупо приносить его. Ты не поддержишь его для меня? Оно немного тяжелое, и Преподобный Ле Кутер говорит, что оно очень ценное. Он такой хороший человек, я бы не хотела его подводить.

Хьюберт протянул руку и нетерпеливо взял у нее крест. В ту же секунду, как крест покинул хватку Мадлен, ее глаза увидели именно то, что видел Хьюберт. Четыре великолепные женщины, их ноги на земле, их добрые глаза и теплые улыбки. Женщина в белом слегка нахмурилась, когда Хьюберт внезапно охнул и отшатнулся от нее, вскочил на ноги рядом с Мадлен и встал перед ней, защищая ее, сжимая крест, как оружие.

— Серебро? — со вздохом спросила Сьюки Годейн.

— Это мое, — мягко сказала женщина в синем, делая шаг вперед и нетерпеливо отмахиваясь от Сьюки. Она была великолепна. Ее голос ласкал, а глаза завораживали, когда она говорила.

— Ты потеряла своих родителей в море, не так ли, Мадлен? Иногда ты смотришь в окно и удивляешься... Это займет у тебя тоже один день? Возьмет ли оно мужчину, которого ты любишь? Ты же знаешь, там, внизу, было бы так спокойно, в прохладе и в глубине. Я могла бы взять тебя с собой в объятия океана, и ты могла бы...

Мадлен сунула руку в карман и схватила серебряную ложку. Чарующий шепот, который так искушал ее, снова стал просто голосом.

— Хьюберт, — печально обратился к нему призрак Сьюки Годейн, — ты больше не любишь меня? Ты, кто так любит ветер в своих парусах и на своей коже?

— Боюсь, он уже занят, — твердо сказала Мадлен. — Я знаю, что с тобой случилось. Сьюки, и мне очень жаль, но я не понимаю, как ты стала такой.

— Я умерла насильственной смертью, — произнесла Сьюки, ее фигура трепалась и развевалась, как шелк на сильном ветру. — В тот момент, когда я проходила мимо, что-то

прокралось из бури. Вещь природы и ярости... а потом я стала... чем-то большим.

— Меня утопил мой любовник, — плавающий труп в синем опустил голову и сделал сальто с медленной грацией, как будто она поворачивалась под водой. — Этот дурак никогда не должен был возвращаться в море. Я ждала его в волнах.

— Меня убил мой муж и похоронил под корнями дерева, — прошептала женщина в зеленом, ползущая вперед. — У него не было времени жениться на своей возлюбленной, как он планировал сделать после моей смерти. Я втощила его в землю и задушила своими корнями.

— Сожгли! — рыжеволосая откинула голову назад и расхохоталась во весь голос. — Сожжена как ведьма моими жестокими, лживыми братьями. Какая великолепная ирония! Невинная сгорела... Потом я стала ведьмой... — Она повернулась, прошептала и сжала пылающий кулак, — Потом они все сгорели.

— Понятно, — сказала Мадлен деловито, ее голос дрожал, — тогда я уверена, что они все это заслужили, и мне жаль вас всех. Но мой Хьюберт — хороший человек, и он и мухи не обидит... Ну, — допустила Мадлен, — может быть, рыбу. Много рыбы, но он, конечно, никогда не причинит вреда женщине. Он не монстр. Он добрый и честный... Иногда немного медлительный, — резко сказала она, бросив на него взгляд, который заставил его поморщиться, — но он порядочный человек. Сколько порядочных людей вы пытались убить в эту бурю сегодня вечером? Сколько хороших людей вы убили за эти годы?

— Никогда не бывает достаточно... Всегда мало, — пробормотала Сьюки. — Ветер начнет завывать, паруса рвутся.

— Пожар в снастях.

— Волны, чтобы загнать их на скалы.

— Деревянные корпуса расколются, деревянные мачты сгниют.

Их голоса сливались, сливались и сливались в песне бури.

Хьюберт медленно вводил Мадлен, держа перед собой крест.

— Возьми крест, Мадлен, — сказал он: — Пожалуйста, мне нужно, чтобы ты была в безопасности.

— Все в порядке, Хью, у меня есть ложка, — она подняла ее, чтобы он увидел, и он уставился на нее в замешательстве.

— Будут и другие времена, другие бури. У нас есть все время в мире, — Сьюки улыбнулась улыбкой трупа.

— Прощайте, милые дети. Если вы когда-нибудь захотите присоединиться к нам...

Водяная ведьма с тоской посмотрела в глаза Мадлен, и она почувствовала, как глубоко внутри у нее что-то болит.

— Благодарю вас. Мы будем знать, где вас найти, — вежливо сказала Мадлен.

Взяв Хьюберта за руку, она быстро вышла из круга света и вернулась в бушующую бурю. Дождь хлестал ее по лицу, как пощечина, которая вывела ее из храброго спокойствия, и внезапно она задрожала и побежала, Хьюберт легко поспевал за ней.

— Почему они не убили меня? — спросил он. — Почему они не отпустили меня в шторм и не попытались убить вместе с остальными?

— Что ж, ты очень мил. — Мадлен споткнулась, и он поймал ее. — В любом случае, я подозреваю, что с их ненавистью к мужчинам, которые предадут женщин, если бы ты поколебался в своей верности мне, они ждали, чтобы разорвать тебя на куски. Возможно, я ошибаюсь.

— Шторм немного утихает. Как ты думаешь, они слушали тебя, когда ты говорила о том, что деревенские жители — это люди?

— Нет, я думаю, они использовали то, что забирали у тебя, чтобы усилить свою магию, и теперь она исчезла. Как ты себя чувствуешь?

— Как будто я могу съесть лошадь и проспять неделю. У меня ужасно болит голова, но в остальном все не так уж плохо.

Шторм немного утих, когда они возвращались вдоль побережья в деревню. К тому времени, когда они подошли к двери Мадлен, ветер перешел в скорбный вой. Они оба промокли до нитки, но дождь больше не слепил.

— Тогда я должен дать тебе обсохнуть, — сказал Хьюберт, крепко сжимая ее руки, — я оставлю тебя, чтобы ты немного...

— Чепуха, — твердо прервала его Мадлен, — я не выпущу тебя из виду. Сегодня ты можешь спать в моем кресле, но помоги мне, Хьюберт, если ты хотя бы упомянешь Сьюки Годейн или скажешь, что она красива, я ударю тебя этим огромным крестом.

— Нет, нет, конечно, нет, — сказал Хьюберт, съежившись от смущения, когда Мадлен открыла дверь, и они, спотыкаясь, вошли из-за шторма. — Если бы мне только дали полотенце и одеяло, я обещаю, что сразу же засну.

Однако в ту ночь сон не застал ни одного из них. Они прислушивались к шепоту и стону ветра, а затем успокаивались. До рассвета они тихо беседовали о магии и тайнах.

Мадлен удивила Хьюберта, когда готовила завтрак, разразившись сильными слезами и дико рыдая у него на груди в течение нескольких минут, прежде чем прочистить горло, громко высморкаться и затем сказать:

— Ну, это было неловко.

— Мне так жаль, Мадлен, любовь моя, — сказал Хьюберт, притягивая ее обратно в свои объятия, — Я обещаю, что больше никогда не буду искать магию.

В его голосе звучала такая печаль, что Мадлен фыркнула.

— О, Хью, ты был бы несчастен без своих приключений, и ты это знаешь. Особенно теперь, когда ты знаешь, что они не просто пустая трата времени. Однако, я думаю, в будущем мне лучше ходить с тобой, — она неуверенно рассмеялась, — У меня есть ложка, ты же знаешь.

— Я чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы ты защитила меня, — сказал он с насмешливой торжественностью.

— Да, и всякий раз, когда это окажется погоней за дикими гусями, мы сможем найти другие способы скоротать время.

Хьюберт нежно поцеловал ее, и она замахала на него руками, покраснев:

— Отойди от меня, ужасный человек, мой завтрак начинает гореть.

Хьюберт усмехнулся и осторожно заправил ей волосы за ухо.

— Веди себя прилично, иначе ты вообще не получишь никакого завтрака! — воскликнула Мадлен. — Иди и сядь. Ты рассказывал мне историю до того, как я впала в истерику. Что это было? Расскажи мне об этой легенде о заливе Бонн-Нюи, пока я не умерла от смущения.

Хьюберт сел, смеясь:

— Сказку о Келпи? Да, конечно. На чем я остановился?

И, начав разливать чай, Хьюберт рассказал Мадлен легенду о Водяной Лошади.

THE WATER HORSE

Водяная лошадь

Блуждающий ветерок поднялся и взъерошил темные кудри Анны-Марии, разметав их по лицу, когда она в одиночестве шла вдоль моря. Волны разбивались о каменистый берег и сверкали в бледном лунном свете. Она чувствовала вкус морских брызг на губах и повернула лицо к океану, теряя себя в ритме волн, когда думала о Уильяме.

До того, как Уильям уехал на войну, они с Анной-Марией должны были прогуливаться здесь вместе по изгибу залива *Vonne Nuit*, разговаривая о том, как они поженятся, и о доме, который они построят вместе. Они говорили о том, чтобы посадить фруктовый сад, чтобы Уильям мог делать и продавать сидр. Анна-Мария пекла бы яблочные пироги и сбивала бы черное масло, чтобы продавать его в деревне Сент-Джон.

В ночь перед отъездом Уильям надел кольцо из серебра ей на палец, потому что он не мог позволить себе золото, и умолял ее подождать его. Теперь, когда Анна-Мария не могла заснуть из-за беспокойства, что Уильям может быть убит в бою, она гуляла по заливу в темноте. Иногда она просто стояла и смотрела на океан в слабой надежде увидеть его корабль, направляющийся домой, на горизонте.

Некоторые другие девушки, чьи мужья или возлюбленные ушли на войну, иногда бросали камни в воду, потому что каждый раз, когда камень скользил по поверхности, они говорили, что будут считать это еще одним месяцем ожидания возвращения своих возлюбленных с битвы. Анна-Мария часто с удивлением наблюдала, как девочки, которых она знала, как экспертов по прыжкам с камней, делали ленивые, нерешительные броски, которые лишь раз или два касались воды, прежде чем погрузиться под воду. Хотя сама она не была суеверной или причудливой, в этот конкретный вечер Анна-Мария начала лениво

перебрасывать камешки по толстой воде между поднимающимися волнами, думая о Уильяме, который был так далеко.

— Как скоро ты вернешься ко мне, мой Уильям? — прошептала она.

Она двинула запястьем и послала камень скользнуть, но он исчез под поверхностью без малейшей ряби. Анна-Мария моргнула и откинула со лба растрепанные ветром волосы. Прежде чем она успела нагнуться, чтобы поднять еще один камушек, бледная рука, сжимавшая брошенный ею камень, всплыла на поверхность воды. Затем из-под волн поднялся мужчина, похожий на Уильяма, с его темных волос и обнаженных плеч стекала вода. Анна-Мария подавила крик тревоги. Был ли это ее Уильям? Или это был его призрак, пришедший сообщить ей о его смерти?

Она шагнула ближе к мелководью, не обращая внимания на то, что холодная вода ласкала ее лодыжки и впитывалась в платье. Каждая деталь мокрых черт Уильяма была в точности такой, какой она ее запомнила. Хотя глаза... Глаза Уильяма были ярко-голубыми, как летнее небо. Глаза этого человека были черны, как глубины океана.

— Уильям? — прошептала она, ее голос дрожал от неуверенности, когда она ступила в волны. — Уилл, это ты? Ты в порядке?

Она вошла глубже, протянула к нему руку, и его пальцы сомкнулись на ее запястье с такой же холодной хваткой, как ледяные волны, которые разбивались вокруг них.

— Будь моей невестой, — прошипело создание, и Анна-Мария попыталась отстраниться от этого существа, которое так походило на ее жениха. Пальцы, впившиеся в ее запястье, превратились в когти, бледная кожа покрылась чешуей, и Анна-Мария вскрикнула от ужаса, увидев, как любимое лицо Уильяма исказилось и превратилось в лицо демона. Ее тащили все дальше от берега, ее ноги скользили по камням и песку. Демон, который был так похож на Уильяма, оскалил клыки в рычании, когда она боролась с ним. При всей своей силе Анна-Мария не могла освободиться от его хватки, и, несмотря на все ее усилия, она не могла вырваться от него. Волны доходили ей до груди, и вода брызгала ей в глаза. В отчаянии она попыталась свободной рукой оторвать когти от правого запястья. Когда серебряное кольцо на ее левом безымянном пальце коснулось холодной плоти существа, демон взревел, как будто его обожгли, и отпустил ее.

Анна-Мария с трудом пробиралась сквозь бурлящий прибой, ее длинные юбки волочились по воде и удерживали ее, как будто руки вцепились в подол. Она выбежала из воды и побежала вверх по пляжу, не смея оглянуться. Она бежала, пока ее ноги не коснулись темной земли холма, ведущего к ее дому. Она не могла отдышаться, и ее ноги дрожали. Добравшись до своего дома, она захлопнула и заперла за собой дверь, ослабев от усталости и страха, сбросила одежду и, дрожа, забралась под одеяло.

Когда Анна-Мария проснулась в бледном свете рассвета, она задалась вопросом, в дымке пробуждения, не было ли это ужасным кошмаром. Затем она заметила свою промокшую и покрытую песком одежду на полу, где бросила ее накануне вечером.

Смущенная и напуганная, Анна-Мария никому не рассказала о ночном событии, обеспокоенная тем, что они подумают, что она сошла с ума от душевной боли за Уильяма. Однако она больше не возвращалась на берег залива Bonne Nuit. Вместо этого она прочитала все, что смогла найти о темных демонах и феях моря. Хотя она не была уверена, с каким монстром столкнулась, она узнала, что прикосновение серебра и омелы были проклятием для таких существ и защищали людей от зла. Она покрутила серебряное кольцо на пальце и прошептала Уильяму слова благодарности за дар любви, который спас ей жизнь.

Уильям вернулся с войны похudevшим и бледным, но все еще очень любимым мужчиной. Ободренная его обществом и успокоенная его обещаниями обеспечить ее безопасность, Анна-Мария снова прогуливалась со своим возлюбленным по берегу залива Bonne Nuit, ее страхи растворялись в солнечном свете и тепле руки Уильяма в ее руке. Ее беспокойство развеял звук его смеха, но она все еще часто думала о его темном двойнике и отказывалась купаться в море даже в самые жаркие дни.

Уильям рассказал об ужасах и героизме, которые он видел.

Он оплакивал погибших в бою товарищей, а также своего благородного коня Каспиана, павшего под ним во время боя.

— Жалованье солдата достаточно скудно, но если я смогу купить лошадь и вернуться, чтобы снова сражаться, я заработаю достаточно, чтобы мы могли пожениться, когда я вернусь, — сказал ей Уильям. — Хотя я бы отдал свою правую руку, чтобы вернуть свою собственную лошадь.

Анна-Мария невесело усмехнулась:

— Достаточно мальчиков возвращаются домой с отсутствующими конечностями, чтобы ты не желал избавиться от своих, Уилл. Я обожала Каспиана, но я бы предпочла, чтобы ты сохранил обе свои руки, любовь моя.

Уильям отправился в соседние приходы в поисках новой лошади, но нашел по цене только ломовых лошадей и кляч. Каждый день, проведенный с Анной-Марией, был для него радостью, поэтому он не искал нового скакуна с таким рвением, как мог бы. Не одна лодка отплыла без него, пока он оправдывался и позволял дням проходить мимо.

Затем однажды вечером, возвращаясь в свой коттедж из дома Анны-Марии, он наткнулся на лошадь, подобно которой никогда раньше не видел. Под деревом спокойно стоял белоснежный жеребец с глазами черными, как океанские глубины, более крупный и мощный, чем любая лошадь, которую Уильям когда-либо встречал. Конь двигался с элегантностью и имел гриву и хвост, которые развевались на ветру, бледные, как морская пена. Уильям заманил прекрасное создание к себе домой, и оно охотно последовало за ним в конюшню. На следующий день он навел справки о том, кому не хватало такого животного, но так как никто не заявлял о своих правах на жеребца и не слышал ни слова о том, что он принадлежит другому, Уильям решил оставить его себе. Он рассудил, что за его нового скакуна следует благодарить либо удачу, либо какого-то молчаливого благодетеля.

Следующая лодка должна была отплыть в конце дня. Уильям принялся за работу, полируя и подготавливая свое седло и уздечку, чтобы быть готовым к отъезду с наступлением прилива.

— Лучше бы ты никогда не находил зверя, — вздохнула Анна-Мария, — тогда тебе пришлось бы остаться со мной хотя бы еще на несколько дней. Что, если ты никогда не вернешься? Что, если это существо из моих кошмаров снова придет за мной?

Уильям обнял ее и поцеловал в лоб.

— Чем скорее я уйду, тем скорее смогу заработать достаточно, чтобы вернуться к тебе навсегда. Тогда мы сможем пожениться, и тебе больше никогда не придется бояться.

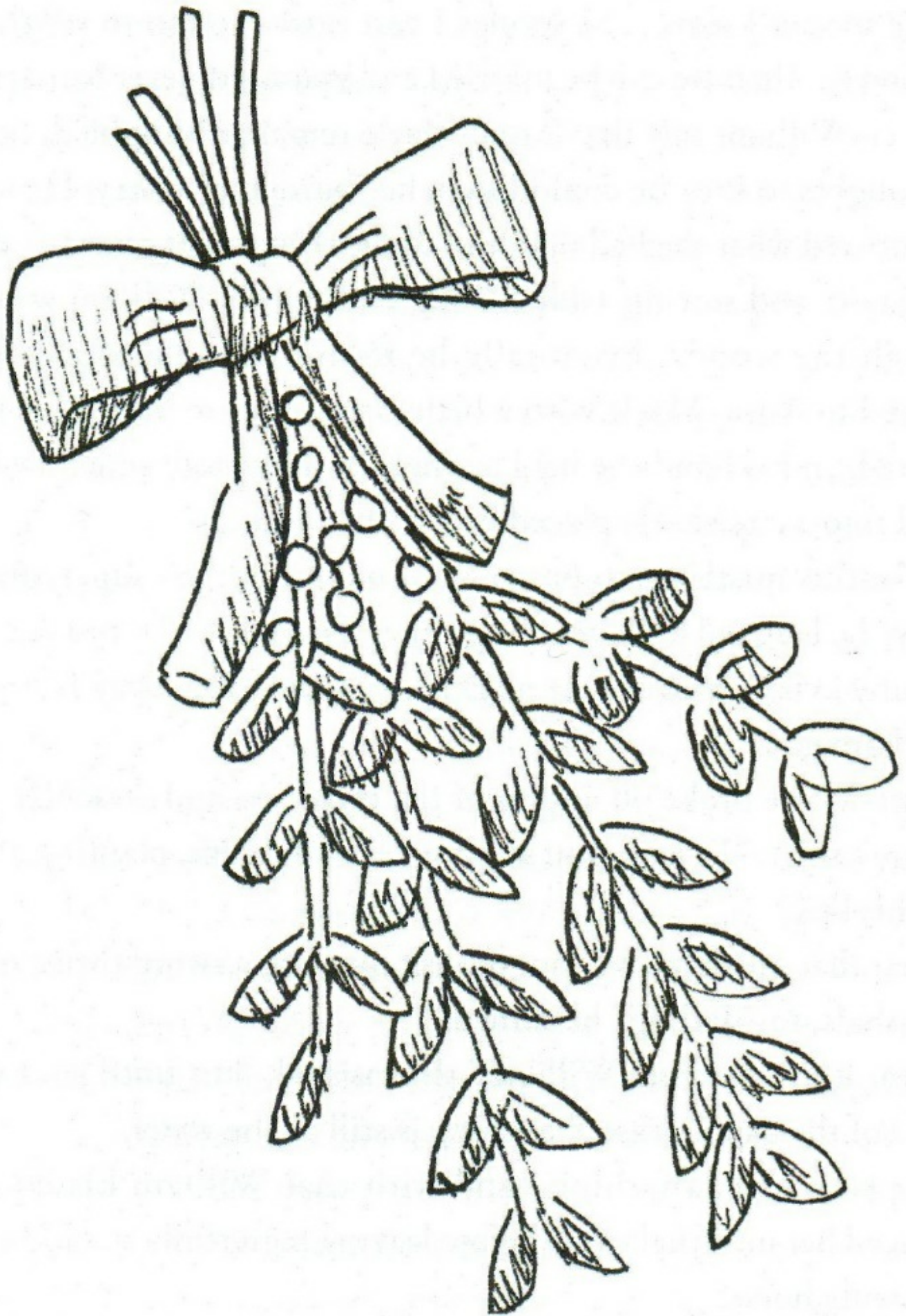
Когда Уильям увидел, что Анна-Мария по-прежнему встревожена, он стал думать о том, как мог бы облегчить ее бремя беспокойства. Вскоре он вспомнил, что она рассказывала ему о вещах, которые защищают от злой магии, и, отложив тряпку и полироль, Уильям пошел через лес. В конце концов он нашел то, что искал, и вернулся к Анне-Марии, имея немного свободного времени до отплытия корабля. В руках он держал пучок омелы, который он связал в венок. Он надел его ей на голову.

— Прими эту омелу, чтобы успокоиться, моя суеверная красавица, — рассмеялся он, поправляя ее темные кудри. — Чтобы защитить тебя от любых злых существ, которые могут попытаться украсть тебя у меня, пока меня не будет.

Анна-Мария отломил веточку омелы и прикрепила ее к рубашке Уильяма:

— Чтобы ты тоже был в безопасности, — сказала она ему, целуя его в губы.

— Я боюсь, что омела не защитит меня от удара мечом или древка стрелы, моя дорогая, — улыбнулся он.

— Тогда надень ее для меня, Уильям, — настаивала она, — только до тех пор, пока твой корабль не выйдет из бухты. На случай, если эта штука все еще в воде.

— Для тебя, любимая, все, что угодно, — и с этими словами Уильям поцеловал и обнял ее в последний раз, прежде чем с сожалением уйти, чтобы оседлать своего большого белого коня.

Анна-Мария побежала вперед к пляжу, чтобы помахать рукой, вставая подальше от берега. Уильям вскочил на огромного белого жеребца и поскакал на нем вниз по склону к кораблю, где собрались другие ожидающие солдаты и их дамы. Когда копыта лошади коснулись песка и Уильям галопом поскакал к своим товарищам, жеребец внезапно изменил курс и прибавил скорость. Независимо от того, как Уильям натягивал поводья или проклинал животное, оно не обращало на него внимания, его огромные копыта взбивали песок и море, когда оно скакало в волнах и бросалось глубоко в воду. Все глубже и глубже они погружались в море, грива и хвост смешивались с пеной волн, позволяя им разбиваться о голову коня, будто ему не нужен был воздух. Вода поднялась Уильяму до груди, и он стиснул зубы, натягивая поводья и тщетно пытаясь повернуть голову плывущей лошади. Конь повернулся один раз и щелкнул на него, показав острые белые клыки, и Уильям наконец понял, что это существо не было земным жеребцом. Ему удалось высвободить ноги из стремян и освободиться от демонического существа. Повернув к берегу, он изо всех сил выплыл, гребя так быстро и уверенно, как может только сын рыбака. Существо бросилось и схватило его за рубашку своими острыми зубами, затащив Уильяма под воду и встряхнув его, как волк добычу.

Уильям почувствовал, как воздух стремительно покинул его легкие, и понял, что начал тонуть. Он подумал об Анне-Марии, стоявшей на берегу, и о том, как он смеялся над ее страхами перед чудовищами в океане, и во внезапной вспышке он вспомнил ее подарок — омелу. Последним отчаянным усилием Уильям схватил омелу, которую Анна-Мария приколотла к его одежде, и засунул ее в рот лошади, мимо ее клыков и глубоко в горло.

Белый жеребец попятился и издал звук, подобного которому Уильям никогда не слышал, когда освободился. Он боролся, чтобы плыть по воде, хватая ртом воздух, пытаясь увернуться от бьющих копыт брыкающегося существа. Форма существа корчилась и извивалась, белая шкура расплывалась до бледной плоти, и на мгновение Уильям уставился в свое собственное лицо, затем плоть исказилась в чешуйчатую демоническую форму. Оно задрожало, напряглось и выросло, а затем со звуком, похожим на треск ломающихся костей, превратилось в бесформенный камень.

Солдаты с берега оттащили Уильяма в безопасное место, когда он, пошатываясь, пробирался сквозь разбивающиеся волны, и Анна-Мария бросилась в его объятия.

— Разве ты не узнаешь Водяную Лошадь, когда видишь ее, мальчик? — спросил старый солдат, осматривая раны Уильяма: — Ты ехал на келпи, солдат. Он бы стащил тебя вниз и сожрал. Весь этот залив кишит ими. О чем ты только думал?

— Я никогда не слышал о таком чудовище, — Уильям кашлянул, затем неуверенно рассмеялся, погладил Анну-Марию по волосам и, прижав ее к себе, сказал: — Прости, что я когда-либо сомневался в тебе, любимая.

В конце концов Уильям отправился на войну без лошади, но благополучно вернулся к Анне-Марию, заработав достаточно денег, чтобы жениться. Они вместе построили дом на берегу моря, и из их окна была видна скала в заливе, которая когда-то была Водяной Лошадью, угрожавшей им обоим. Местные жители назвали его Шеваль-Рок, и он виден даже во время самых высоких приливов, хотя в своем искривленном состоянии он не имеет никакого сходства с келпи, в честь которого назван.

В то время как Анну-Марию и Уильяма больше никогда не беспокоили существа из-под волн, они позаботились о том, чтобы вырастить омелу среди деревьев своего сада, и после этого решили прогуливаться вечером вместе в лесу, а не вдоль берега.

Дыра Дьявола

Корабль «Ла Жозефина» представлял собой большой красно-белый катер с нелепой фигурой дьявола на носу. Он был изящен и создан для скорости. Аарон Неделек мог себе представить, с какой грацией он рассекал океан.

Сын владельца, у которого было невероятное имя Констант Петибон, нервничал от волнения, когда Неделек рассматривал корабль. Это была красота, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы скрыть волнение на своем лице. Быть капитаном такого корабля было мечтой каждого моряка.

— Не слишком потрепанный, — небрежно сказал Неделек, — у твоего отца хороший глаз, и за такую цену было бы безумием не взглянуть на него. Ты хорошо сделал, что позвал меня.

— Это не новый корабль.

Капитан Неделек, обернувшись посмотреть, кто это сказал, увидел долговязого моряка с рыжими волосами, склонившегося рядом с ними у поручней. Мужчина указал подбородком на Ла Жозефину, а затем повернулся к ним.

— Эту штуку выбросило на берег несколько месяцев назад, корабль-призрак, на борту ни души. Тогда это был «Арден», из Ливерпуля. Не то чтобы это было мое дело, но менять название корабля — плохая примета. Кстати, меня самого зовут Теллер.

Они пожали друг другу руки.

— Ну, я не особенно суеверен, Теллер, — заметил капитан Неделек. — Сейчас 1851 год. Люди должны верить только тому, что могут видеть собственными глазами, а я еще никогда не видел призрака. Меня зовут Аарон Неделек, — добавил он, когда они пожали друг другу руки.

— Что случилось с командой? — спросил Константин Петибон, широко раскрыв глаза от юношеского восхищения.

Рыжеволосый моряк пожал плечами:

— По-моему, это чумной корабль. Или, может быть, рыботорговый, который получил по заслугам. Тем не менее, они сделали это с удовольствием, и свежий слой краски сотворит чудеса.

Аарон Неделек фыркнул от смеха:

— Через сколько времени после того, как мы уйдем, ты планируешь сам сделать предложение, Теллер?

— О, только не я, капитан. У меня есть собственное судно, Канареечный Сапфир. Он сладкий, как сон.

Капитан Неделек ухмыльнулся:

— А, так вы продаете свою лодку, не так ли?

— Даже ради вечной молодости, мой друг. Все, что я говорю, это то, что вы не можете назначить цену за хорошую лодку, и что там... — снова он указал подбородком на Ла Жозефину: — Это не хорошая лодка. Ходили слухи, что судостроителя спросили, почему он вырезал дьявола для носовой фигуры. Знаете, что он сказал?

— Скажите.

— Он сказал, что не вырезал дьявола.

Неделек насмешливо фыркнул:

— Ну, возможно, эта Джозефина, кем бы она ни была, была просто очень некрасивой девушкой.

Теллер сжал губы без улыбки и повернулся, чтобы уйти.

— Этот корабль проклят, капитан, — бросил он через плечо. — Проклят в создании. Проклят во время плавания.

— За ту цену, по которой он продается, эта чертова штука может загореться, и я все равно ее куплю.

— Ваш выбор, Неделек. Только не говорите, что я вас не предупреждал, — мужчина поднял руку на прощание. — Удачи вам обоим.

На лице Константа Петибона отразилось удивление. Он едва дождался, пока капитан «Канареечного Сапфира» выйдет за пределы слышимости, прежде чем открыл рот, чтобы заговорить.

— Он разыгрывает тебя, сынок, — перебил Аарон Неделек, — я не знаю, какова его точка зрения, но ты можешь быть уверен, что она у него есть, просто подумай, парень; насколько проклятым может быть корабль, который уже не лежит в кусках на дне океана? Он красавец, Петибон. Твоему отцу повезло, что он нашел его.

Капитан улыбнулся, оглядываясь на катер. Он ходил по этой палубе и заставлял Ла Жозефину летать под его прикосновениями.

На топоре была кровь.

Было что-то в том, как он боролся с рулем, будто дикая лошадь, рвущаяся к поводьям, чтобы схватиться за голову, что делало его похожей на живое существо. Капитан Неделек

осмотрел каждый дюйм, от носа до кормы, и «Ла Жозефина» была безупречна. Однако рыжеволосый матрос в доках был прав в одном — «Ла Жозефина» не была новым кораблем. Два дня после выхода из порта, и ее краска начала облезать, как у молодого моряка после солнечного ожога. Красная и белая краска отслаивалась, открывая темное дерево, зеленую отделку и край старого названия под новым, «Арден», как назвал ее суеверный моряк. Прописная буква «А» в старом названии становилась видимой, Неделек вынужден был признать, что в этой небывлице, в конце концов, может быть доля правды. Нос дьявола терял свою нарисованную улыбку, когда мрачный, вырезанный лик деревянного лица под ним медленно раскрывался. Неделек подумал, что рогатая фигура на носу выглядит для этого лучше. Капитан решил, что в следующий раз, когда «Ла Жозефина» окажется в доке, с носовой фигуры следует содрать остальную краску.

Молодой Петибон показал себя отличным моряком, и капитана Неделека устраивало, что на борту есть еще один образованный человек. Светлые волосы парня выгорели на солнце, а его голубые глаза сияли на загорелом лице. Они играли в карты при свечах, когда солнце опускалось за горизонт, не ради денег, просто чтобы чем-то занять руки во время разговора. Иногда к ним присоединялся мрачный и суровый первый помощник Гордон, но чаще это были только капитан и сын владельца.

Констант был хорошим слушателем и обладал прекрасным сочетанием остроумия и удивления, что часто вызывало улыбку на лице Неделека. Задумчивое молчание мальчика однажды ночью после долгого дня в порту Саутгемптона, наконец, заставило капитана вздохнуть и сказать:

— Выкладывай, Петибон, ради Бога, что бы это ни было.

Петибон сложил карты и, нахмурившись, откинулся на спинку стула.

— Ничего страшного, капитан, у меня просто проблемы со сном, мне все время снятся эти сны.

— Плохие сны, Петибон? Или ты просто слишком долго был вдали от своей возлюбленной?

Петибон улыбнулся и приподнял брови:

— День — это слишком долго, чтобы быть вдали от Нанетт, но нет, дело не в этом. Мне снились кошмары. Все время. Каждую ночь мне снится, что я заблудился в лесу и не могу вспомнить, как я туда попал. Полагаю, вы считаете меня глупым?

— Вовсе нет, — осторожно сказал Капитан, — значит, тебе просто снится, что ты заблудился, не так ли?

Петибон положил свои карты на стол и выразительно пошевелил руками, когда заговорил.

— Прошлой ночью мне приснилось, что я был в лесу в сумерках. Я выглянул в сгущающуюся темноту и увидел, как что-то движется между деревьями. Нечто, не похожее ни на человека, ни на зверя. Я чувствовал, что он злится, и мне было страшно, так страшно, что это разбудило меня. Я говорю как ребенок, не так ли??

Неделек ободряюще покачал головой, хотя холодная волна страха пробежала по его шее сзади и покрыла руки мурашками. Ему самому снился тот же сон. Кошмарная фигура, которую он не мог разглядеть в тени. Что-то старое. Что-то злое. Он проснулся смертельно напуганным, чего не испытывал с тех пор, как был маленьким мальчиком,

— Это не глупо, Петибон, — твердо сказал он, — это твой первый выход в море на такой срок. Это такая перемена в твоей жизни, ты обязательно будешь время от времени

мечтать о земле, мне самому снились странные сны. Они пройдут, я уверен.

На топоре была кровь.

Ветер стих в первый же день их отъезда из Шербура. Их груз рапсового масла для ламп был не скоропортящимся, и единственной настоящей проблемой капитана Неделека было то, что он ненавидел отставать от графика. День или два, проведенные в залитом солнцем море в не по сезону теплом октябре, были бы желанной передышкой для его матросов, ныряющих и плавающих с кормы. Но это потребовало бы денег из кармана его работодателя, если бы так продолжалось.

Море было как стекло. Там, где на него падал свет, он отражался безупречно, как зеркало. Там, где оно не отражало небо над Неделеком, он мог заглянуть в неподвижную глубину, как будто там вообще не было воды, и у него закружилась голова, когда разум предупредил о падении с большой высоты в темные и бездонные зеленые глубины внизу. Солнце палило с неослабевающей силой, и в конце концов даже Неделек пожертвовал своим достоинством и совершил бесхитростное погружение в холодное море, чтобы немного отдохнуть от палящего зноя. Констант Петибон два дня смотрел на это с глубоким страданием, прежде чем признался, что не умеет плавать.

— Боже милостивый, парень, — воскликнул Неделек, — это небезопасно и не цивилизованно для человека в море. Тебе просто придется учиться прямо сейчас.

Гордон привязал веревку к перилам, чтобы Петибону было за что зацепиться, находясь в воде, и он зацепился. Гордон стоял, качая головой в глубоком неодобрении по поводу усилий мальчика, пока Неделек не схватил Петибона за грудь, как смущенного ребенка, и не сумел выманить из него неуклюжий собачий гребок. Как только Петибон понял, что не утонет, как камень, он с восторженным энтузиазмом принялся плавать. Он часто не забирался обратно на борт, пока его пальцы не начинали неметь, а губы не синели от океанского холода.

Капитан Неделек был рад видеть, как он развивает уверенные, сильные гребки руками. Он привязался к мальчику, и мысль о том, что Петибон теперь может выжить, если его когда-нибудь унесет в море штормом или несчастным случаем, заставила его успокоиться и не казаться пустой тратой времени.

Однако ветер не усилился, и Неделек обнаружил, что на третий день расхаживает по кораблю, как зверь в клетке. Мужчинам было скучно, и они были склонны слишком много пить по вечерам. Когда приходил сон, он приносил кошмары о блуждании в лесу, когда что-то наблюдало, и был запах. Знания Неделека о кораблестроении и плотницком деле были в лучшем случае туманными, но он начал думать, что, возможно, в древесине корабля было что-то странное. Краска отслаивалась от корпуса, как змея, сбрасывающая кожу, и зернистость под ней была необычной. «Это дуб», подумал он, но намного темнее, чем любой дуб, который он видел раньше.

— Зеленый лес? — предположил Констант Петибон с таким же отсутствием знаний, когда капитан поднял вопрос о затыжном запахе за их вечерней карточной игрой. — Может быть, его не оставили как следует высохнуть? Я сам чувствую его влажный запах. Пахнет, как в лесу.

— Он не протекает. Полагаю, это самое важное.

— Похоже на гниющие листья и горячую землю или древесный сок.

Капитан кивнул. Он и сам думал о том же. Чтобы занять людей, он приказал им вычистить каждый дюйм корабля. Морской воздух заставил красно-белую краску смыться

так же быстро, как золотой лист под ножом нищего. Голое дерево было испещрено странной, заплесневелой, зеленой плесенью, которая, казалось, росла каждый день. Петибон привязал себя к бушприту над носовой фигурой корабля и работал с осторожностью и решимостью, чтобы содрать краску с дьявольского туловища и лица без повреждения древесины под ними. Краска облупилась с искаженных черт, как отмирающая кожа с прокаженного трупа.

— Красивый дьявол, не правда ли? — ухмыльнулся Неделек с носа.

Гордон, стоявший рядом с ним, приподнял одну темную бровь и посмотрел на рогатого дьявола с сильной неприязнью.

— Красивый — это одно слово для него, — засмеялся Петибон, — я бы сам пришел в ужас. Он определенно не похож ни на одну Джозефину, которую я когда-либо встречал.

— Это так, — согласился капитан, — и он заставил всех называть мою чертову лодку «он», а не «она», что раздражает. Джозефина! Если бы у меня была такая женщина, я бы никогда больше не вернулся на берег.

— Но ведь это мужской корабль, не так ли? — Петибон осторожно поскреб краску вокруг глаз дьявола. Он мельком увидел выражение лица Капитана и рассмеялся: — Я не знаю, просто кажется мужским, Арден... это лес из Сна в летнюю ночь?

— Я никогда не был большим поклонником театра, — заметил Гордон, откидывая темные волосы с глаз.

— Вот это сюрприз, — капитан Неделек подмигнул Петибону. — Возможно, он был назван в честь Арденского леса в Англии, если древесина оттуда. Хотя во Франции тоже есть Арденский лес. Почему тебе так любопытно?

— Не знаю, — Петибон махнул рукой, — я слишком много времени провел на солнце. Честно говоря, меня немного подташнивает.

— Петибон, у тебя горят плечи. Почему бы тебе не пойти поплавать, — предложил капитан, — Этот рогатый ублюдок никуда не денется, и, по-видимому, — он прищурился на небо: — Мы тоже. У тебя больше нет книг, не так ли, парень? Мне чертовски скучно.

На топоре была кровь.

Болезнь, вероятно, началась из-за того, что еда испортилась. Петибон упал первым. Затем люди, чьи желудки не могли вывернуться из-за бушующих штормов, обнаружили, что стонут, как дети, хватаются за поручни и бьют досуха. Даже стойкий Гордон лег на свою койку, его загорелое лицо было бледнее, чем капитан Неделек когда-либо видел раньше.

Мясо испортилось за ночь, хотя корабельный повар клялся, что это было лучшее, что можно было купить за деньги в Шербуре.

— Во всем есть гниль, — жаловался мужчина, — даже в соленой свинине. Вода тоже становится застойной.

— Так вскипятите ее, — рявкнул Капитан, — прежде чем нас всех вырвет до смерти.

Неделек, ослабевший от тошноты, подошел к носу. Он надеялся на свежий воздух, но по-прежнему не было и намека на ветерок. С океана поднимался туман, сгущаясь в жару и сырость и сковывая приторную вонь корабля, пока она не стала почти невыносимой. Туман превратился в медленно танцующих призраков, а широкий океан — в белое облако, которое заключило Арден в клаустрофобические объятия.

Констант сидел на бушприте над носовой фигурой, как будто ехал верхом на лошади, наклоняясь, чтобы взглянуть в лицо дьяволу. Он худел от болезни, а его лицо было бледным и вялым.

— Думаю, что иногда он движется. Его выражение лица, — сказал Констант, — но никогда, когда я смотрю прямо на него.

— У тебя жар, Петибон, — твердо сказал капитан Неделек. — А теперь слезай, пока не свалился и не утонул. Это всего лишь иллюзия, парень. Это движение океана.

— Никакого движения нет, — вздохнул Петибон, — мы не двигались уже несколько дней. С таким же успехом мы можем быть похоронены в земле. И все же лодка иногда скрипит, как будто внутри что-то пытается выбраться.

— Корабли скрипят, Петибон, вот что они делают. Знаешь, сынок, мужчины часто сходят с ума, когда их успокаивают, но обычно это занимает больше трех недель, а не три дня. Не будь дураком. Спускайся оттуда, пока я сам не бросил тебя в море.

Констант Петибон посмотрел вниз, а затем со вздохом вернулся на палубу.

— Теперь я даже не вижу воды. Как будто мы парим в облаках.

— Выпей воды и ложись спать, Петибон.

— Когда я спускаюсь под палубу, мне кажется, что меня хоронят заживо. Возможно, нам следует попытаться доплыть до суши вплавь, капитан.

— Иди спать, Петибон!

— Да, капитан. Извините, капитан.

Болезненные шаги Петибона, приглушенные туманом, затихли вдали. Смотреть было не на что, кроме белого тумана впереди и дьявола Ардена. Фигура на носу теперь выглядела по-другому, когда вся краска облупилась. Он был из темного дерева и зеленой плесени и больше походил на лесного сатира, чем на обитателя ада. Резьба напомнила капитану Неделеку

картину, которую он когда-то видел, изображающую лесного бога Пана. Однако это существо с оленьими рогами и мрачным лицом не походило на человека, который играет на свирели или танцует в лунном свете.

У Неделека болела голова, а кожа была горячей и в то же время холодной. Оставив без присмотра заштилевший корабль со свернутыми парусами, капитан направился в свою каюту, чтобы попытаться уснуть, зная, даже когда он положил голову, какие сны придут, когда он закроет глаза.

Лихорадочные сны были яркими, сильными и наполненными красками, они искажали время, и Неделек не был уверен, прошли ли часы, дни или просто минуты. Казалось, что места в его сне больше не были его собственными кошмарами, а воспоминаниями о чем-то другом, о чем-то, шевелящемся в обшивке корабля. Это отравляло воздух неизбежной истиной: знанием того, что в лесу есть места, очень древние места, куда людям просто не следует ходить. Это был вопрос уважения. Это был вопрос самосохранения.

Неделек мечтал о месте, где деревья были древними и знающими. О поляне, где древнее дерево было в симбиозе с чем-то более древним, чем человеческая раса, и гораздо более могущественным. Существо, которое спало в темных глубинах леса, и его лучше было бы оставить нетронутым в его тысячелетнем покое.

Однако люди больше не верили в такие вещи. Старые боги были забыты, и леса становились все меньше и меньше. Промышленность требовала топлива для своих костров, а верфи требовали древесины для своих корпусов. Места, которые должны были навсегда остаться в лесной тишине, теперь отзывались эхом от звона топора.

На топоре была кровь.

Крики разбудили его в темноте. Сердце бешено колотилось в груди, а тело дрожало от шока и лихорадки. Насколько ему должно быть жарко, чтобы чувствовать мягкий, липкий воздух, такой холодный на своей коже? Такая лихорадка может разрушить мозг человека, Неделек видел, как это случалось с моряками раньше. Его зрение было размытым пятном цветов и теней. Вокруг него двигались злобные фигуры, но не неуклюжая походка матросов-инвалидов, а хищная грация чего-то, преследующего добычу.

Он дико, но слабо размахивал кулаками, но был связан только пустой темнотой. Его кожа горела, и он понял, что не может доверять своим чувствам. И все же он чувствовал это так сильно; ползучая злоба была на его корабле, присутствие, которое было нечеловеческим и полным ненависти.

Крики прекратились и сменились хриплым, сиплым стоном, звуком настоящего ужаса. Это превратило желудок Неделека в холодную воду. Неужели всем морякам снятся одни и те же мрачные сны?

Послышался шепот, как будто вода, плескавшаяся о корпус, говорила о глубокой печали на языке, которого он не мог понять. Он заставил себя встать. Его каюта завертелась. Стены были покороблены, а настил неровный. Он пошатнулся и закрыл глаза, почувствовав, как палуба обрушилась на него, когда он упал, такая же твердая и толстая, как всегда.

«Не могу доверять своим глазам», — прошептал он про себя.

Нащупывая дорогу в темноте, он выполз из каюты на палубу. Он взгляделся в туман и темноту. Он наблюдал, как она искажается у него на глазах, превращаясь в деревья, которые росли и скручивались в неприступный лес.

— Не настоящий, — пробормотал он.

Скрип и треск дерева привлекли его внимание, когда фигура на носу поднялась и

медленно повернулась к нему. Мрачное лицо искажилось от презрения.

— Это проклятый корабль, не так ли, капитан? — присел на корточки Константин Петибон, прислонившись к перилам. — Как сказал тот человек. Мы — чумной корабль, и мы прокляты, и мы умрем здесь. Это дьявол, капитан, он убивает нас. Мы должны доплыть до него.

— Ты утонешь, Константин. Посмотри на себя, ты даже стоять не можешь!

— Я не могу оставаться здесь с этой штукой. Он продолжает смотреть на меня. Он продолжает нашептывать мне, капитан.

Неделек пошатнулся, как пьяный, и схватил молодого человека за плечо.

— Я могу это исправить, парень. Ты возвращаешься на свою койку. Мне нужно кое-что найти.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы найти, хотя площадь под палубой была довольно небольшой. Капитану Неделеку показалось, что он блуждает по лесу извилистых тропинок, которые простирались перед ним. Как и прежде, он закрыл глаза и ощупью пробрался вдоль бревен корпуса, но теперь ему показалось, что он чувствует под пальцами густую грязь, и ему пришлось карабкаться по корням. Наконец он нашел топор там, где и предполагал его найти. Ручка была успокаивающе твердой и тяжелой в его руке. Однажды он использовал этот топор, чтобы прорубить сломанную мачту на шхуне в разгар шторма. Он знал его вес и баланс, как фехтовальщик, знал свой меч.

Дикое животное набросилось на него из тени, хрипло крича, царапая и кусая его. Он боролся с ним, отбивал его слабыми руками, пока не смог поднять топор над головой. Диким существом был Гордон, его первый помощник обезумел от лихорадки. Этот человек был за гранью разумного. Капитан Неделек ударил его тупой стороной топора, раз, другой, и Гордон со стоном затих.

Неделек задыхался от паники, затем двинулся так быстро, как только мог, волоча за собой топор. Его вес ударил по бревнам, когда он поднялся обратно на палубу. Капитан упал на колени, ступив в туман.

Дьявол стоял перед ним, высокий и устрашающий. Холодный свет луны обрамлял существо серебром. Его глаза были полны печали и гнева, когда он смотрел на него сверху вниз.

— Вы, люди, и ваши топоры, — его шепот был звуком нарастающей бури в листьях деревьев. Деревянная фигура дьявола заскрипела, когда двинулась к нему: — Вы можете разрушать, но не можете убить то, что не может умереть.

Неделек в ужасе разинул рот, когда Существо шагнуло вперед, его раздвоенные копыта заскрежетали по палубе, когда он наклонился над ним. Его рога опустились, как у оленя, когда он со скрипом выдохнул и снова заговорил.

— Вы похожи на поденок со своими короткими жизнями. Вы не можете видеть большее целое. Вы сеете только семена смерти, и вы пожнете свое собственное разрушение. Но недостаточно скоро. Вы отрываете бьющееся сердце от мира. Вы душите ее горящим дымом ее собственных деревьев. Вы поработаете и убиваете диких существ ее земель и пожираете пепел мертвых, как пожиратели падали, Вы — раса гибели. Вы размножаетесь и распространяетесь, как гнойное разложение. У вас нет уважения, — Воздух с шипением вырывался из деревянных легких, когда он приближался, и его дыхание было заразой, которая гнила на корабле, когда он дышал и шептал, — Вас должно оторвать, как мертвое дерево во время шторма. Вы должны сгнить в опавших листьях времени. Вы должны

умереть. Вы все должны умереть.

Собрав все оставшиеся силы, капитан Неделек схватил топор и, встав, взмахнул им вверх. Он почувствовал твердый контакт, и горячая влага брызнула ему на лицо. Раздался один единственный потрясенный выдох. С закрытыми глазами Неделек размахивал топором, пока его ноги не заскользили в скользкой крови. Он в изнеможении упал на колени. Волна головокружения накрыла его, и он, задыхаясь, упал, уткнувшись лицом в гнилое дерево палубы, и потерял сознание.

Он проснулся от волнения океана, когда палуба поднялась и опустилась под ним. Его глаза медленно сфокусировались на том, что лежало перед ним.

На топоре была кровь.

На его руках была кровь.

На палубе была кровь, и она растеклась лужицей вокруг изуродованного трупа, который лежал перед ним. Худое, бледное тело Константа Петибона было неестественно искривлено. Его изможденные черты застыли в ужасе и были забрызганы кровью. Неделек долго смотрел, ничего не понимая, прежде чем слезы начали затуманивать его зрение от осознания того, что он убил мальчика.

Намерение возвращалось медленно, но настойчиво, потому что это было все, что осталось у Неделека. Эта идея пустила корни в его сознании и теперь росла, заполняя все его мысли. Поднявшись на колени, капитан поднял топор и вытер кровь Петибона с рукояти. Он, пошатываясь, поднялся на ноги и подошел к фигуре на носу, ожидая, что она повернется и заговорит с ним, как это было прошлой ночью. Даже когда Неделек начал размахивать топором, фигура оставалась неподвижной. Капитан был слаб, и при каждом ударе сверкающего топора в него вонзалась только маленькая щепка. Он плохо целился, задыхался, руки болели, но он не дрогнул.

Подул легкий ветерок, не делая ничего, чтобы рассеять липкий туман, но охлаждая пот, который промочил капитана и заставил его дрожать. Палуба мягко покачивалась у него под ногами. Корабль больше не был в штиле. Возможно, ему следует попытаться разбудить команду и поднять паруса, но не раньше, чем его работа здесь будет закончена.

Снова и снова опускался топор, медленно углубляя порезы крошечными шагами, пальцы Неделека начали покрываться волдырями и кровоточить, а его болезненные руки дрожали от усилий, но он не смягчался.

С треском, похожим на удар хлыста, дерево под топором начало отделяться. Вес самой фигуры на носу начал раскалывать дерево. Капитан обрел новую энергию. Палуба начала вздыматься и крениться у него под ногами, но Неделеку было все равно. У него была только одна цель. В его лихорадочном мозгу не было места ни для чего другого.

С хлопающими звуками фигура на носу начала отрываться от носа. Резьба медленно, рывками начала наклоняться вперед, как ныряльщик, прежде чем изогнуться и врезаться в корпус, затем оторвалась и погрузилась в воду, вспенившись, когда она перевернулась лицом вверх и пошла ко дну.

Мрачное лицо и протянутые руки пригласили Неделека присоединиться к нему. Морские водоросли запутались в его рогах.

Руки капитана так окоченели, что он почти не мог выпустить топор из своей хватки. Он позволил ему упасть в океан, где его почти беззвучно поглотили поднимающиеся волны.

Из последних сил, со свежими слезами, стекающими по его щекам, Капитан подошел и поднял хрупкое и изломанное тело Константа Петибона на руки. Он сбросил тело молодого человека через перила в объятия океана.

— Прости, мальчик, — прошептал он, — я должен был тебя послушать.

Неделек соскользнул на палубу и закрыл глаза, позволяя усталости поглотить его. Поднимающийся шторм поднимал волны, пока они не начали течь по палубе, медленно смывая кровь, которая застывала на дереве. Капитан по-прежнему ничего не предпринимал. Его команда была ослаблена болезнью. Туман не позволял определить их местонахождение. Только когда волны начали с большей силой обрушиваться на палубу, промолив его до нитки, капитан пошевелился и поднялся на ноги. Он отважился спуститься под палубу, чтобы повести свою лихорадочную и бредящую команду, одного за другим, в штормовую ночь. Они цеплялись или привязывали себя к такелажу для собственной безопасности. Даже если бы у них были свои ориентиры или кто-нибудь из них был бы здоровым человеком, было бы невозможно плыть против ярости океанских волн. Теперь их единственным выбором было переждать шторм, не будучи смытыми за борт.

Усиливающийся ветер наконец начал разгонять липкий туман, и капитан Неделек с ужасом понял, что они приближаются к суше. Его первым порывом была чистая радость. Он снова почувствует твердую землю под ногами. Он избавится от этого мерзкого корабля и его

проклятия. Затем он увидел крутой подъем скал и то, как океан обрушивался на них, и понял, что они будут разбиты о скалы.

— Где Петибон? — крикнул Гордон, перекрывая шум океана. На виске у него багровели отметины от топора.

— Он пытался доплыть до берега, — солгал Неделек, — чтобы привести помощь.

Выражение лица Гордона было ошеломленным, и капитану пришлось отвести от него взгляд.

— Этот корабль — зло, — голос Гордона был чуть громче шепота над ветром, — он будет смертью для всех нас.

Скрежещущий хруст дерева о камень резко дернул их всех к веревкам, которые привязывали их к снастям. Один из матросов заплакал, но капитан не мог разглядеть, кто это был. Его собственное тело сотрясилось, как будто его парализовало, и он задавался вопросом, хватит ли у кого-нибудь из них сил пережить шторм. Корабль сильно накренился на одну сторону, когда прилив оттащил его от затопленной скалы, но палуба осталась накренившейся на левый борт, и мрачный крик Гордона:

— Корпус пробит. Мы набираем воду! — эхом отозвал его собственное ужасное осознание.

— Покинуть корабль, — прошептал он, а затем громче: — Всем покинуть корабль!

Неделек без колебаний присоединился к своим людям, отвязался от такелажа и бросился в холодное море. Он всегда считал, что капитан должен пойти ко дну вместе со своим кораблем, но у него не было намерения быть утащенным этим судном во тьму и смерть. Если он умрет, то намеревался умереть свободным от этого цепляющегося проклятия.

Они бились изо всех сил слабыми руками и дрожащими телами, Гордон первым добрался до скалы, достаточно высокой над волнами, чтобы служить временным убежищем. Он помогал вытаскивать других моряков из бурлящего, режущего прибой. Они все прижимались друг к другу, цепляясь за какое-то подобие тепла, наблюдая, как «Арден» накренился ближе к земле, прежде чем врезаться в скалы. Корабль разбился о зубчатую каменную стену, брошенный яростным океаном и разбившийся на темные плавники. Бревна разлетелись на части с визгом рвущегося дерева.

— Скатертью дорога, — прошептал капитан Неделек и почувствовал, как сильные пальцы Гордона сжали его руку в знак согласия.

Всю долгую ночь выла буря, а затем стихла, когда отлив отступил. Выжившие моряки съжились от холода. Наконец, ранним утром следующего дня, крик сверху со скал сообщил им, что их обнаружили. Человек, который помахал им рукой, ненадолго исчез, но затем вернулся с длинными веревками, чтобы спустить им еду и питье. Вскоре после этого появились другие мужчины.

Поев и убедившись, что его команда в безопасности, капитан Неделек позволил себе погрузиться в беспмятство. Он не просыпался до тех пор, пока не обнаружил, что завернут в теплые одеяла. Вскоре он обнаружил, что находится в одной из комнат гостиницы «Прайори Инн». Хозяин гостиницы был одним из тех, кто помог им выбраться из моря.

Мужчина, которого звали Джин Ричардсон, сообщил Аарону Неделеку, что его корабль был уничтожен, и что тело его погибшего человека выбросило на берег Грев-де-Лек.

— Его звали Констант Петибон, — сказал Неделек, садясь и принимая стакан воды из рук Джина, — он был хорошим человеком. Сын владельца. Я не знаю, как сообщу эту

новость его отцу. Корабль... он был полностью уничтожен?

— Боюсь, что так, капитан. Ваш груз тоже потерян, мне очень жаль. Север Джерси имеет коварную береговую линию.

Неделек кивнул, скрывая облегчение от того, что «Ла Жозефина», или «Арден», как он стал думать о корабле, был уничтожен. Проклятый в создании. Проклятый в плавании. Разве не об этом пытался предупредить его суеверный капитан Теллер? Что ж, теперь он будет разорван на куски на дне океана, и ему больше никогда не придется ходить по его палубе.

— Однако есть одна вещь, — сказал Джин Ричардсон с полуулыбкой, — носовую фигуру выбросило на берег в пещере с открытым верхом под названием Ле-Кре-де-Вис. Это всего в двух шагах отсюда. Местные жители называют это место Дырой Дьявола. Чертовы дураки съезжаются со всех концов, чтобы посмотреть на эту штуку. У них даже есть скульптор, который приедет, чтобы поставить его на ноги и подпереть, как статую. Он весь день набивал мне карманы деньгами, когда все люди заходили выпить. Владелец земли говорит, что собирается взимать плату за то, чтобы люди могли ее увидеть.

Неправильно истолковав выражение лица Неделека, Джин Ричардсон запнулся:

— Хотя я уверен, что если бы вы хотели вернуть эту вещь владельцу «Ла Жозефина», когда вернетесь во Францию...

— Нет! — Голос капитана Неделека дрогнул от силы охватившего его ужаса. — Оставьте эту чертову штуку там, где она есть, или бросьте ее обратно в море. Я не хочу иметь с этим ничего общего!

Ричардсон мягко улыбнулся и похлопал его по руке.

— Я вижу, что вы все еще расстроены, капитан. Конечно же. Я позволю вам пока отдохнуть, но суп скоро будет готов, и вы должны поесть. Позовите, если вам что-нибудь понадобится.

Болезненное чувство охватило Аарона Неделека, когда он лежал под одеялами, которые больше не казались теплыми, и, когда он погрузился в сон, ему приснился сон. Темные сны о древнем лесе, где ветер шепчет в листьях.

Они прибыли ночью, Принц Регент и Белая Леди, встретившись при лунном свете над Дьявольской Дырой, как будто это было заранее оговорено.

— Ветер говорил о его приходе, — предложил регент в качестве объяснения, — дождь плакал от его горя. И все же я не думал, что снова увижу тебя здесь, в мире смертных.

— Я знала, что ты придешь, — тихо сказала Белая Леди, глядя на сломанную носовую фигуру. — Его сила затмевает нашу собственную. Деревья не поют ни о чем другом. Они так преданы ему, как никогда не будут преданы мне. Он разбудил что-то в этой стране.

— Что-то дикое, — согласился Регент, — я хотел бы, чтобы он пришел раньше, когда его гнев против смертных мог бы принести нам пользу.

— Я бы предпочла, чтобы он вообще не приходил, Регент, — в голосе Белой Леди, хотя и мягком, как дуновение ветерка, слышалась нотка раздражения. — Ты все еще говоришь о войне, в которой нельзя победить? Даже после всего этого времени? Эпоха фейри в этом мире закончилась.

— Возможно, пока, — пожал плечами Регент, — но мы будем терпеть. Смертные рано

или поздно уничтожат себя. Разрушение — неизменный инстинкт их вида. Неужели было бы так ужасно слегка подтолкнуть их к концу?

— Натравить на них одного из старых богов вряд ли было бы «легким толчком», Регент.

Белая Леди заправила выбившийся золотистый локон за ухо, прежде чем снова заговорить:

— Его время закончилось, даже когда наша раса была молода. Должно быть, он проспал тысячелетия за тысячелетиями. Это чудо, что он вообще проснулся.

Регент улыбнулся, и его белые зубы блеснули в лунном свете.

— Нельзя убить то, что не может умереть, миледи. И из всех земель во всем этом огромном мире океан привел его сюда. Удивительное совпадение.

— Я не буду притворяться, что знаю пути старых богов, Регент, — сказала Белая Леди, отводя взгляд от его черных глаз, — я должна предположить, что он почувствовал что-то от древней магии, и это привлекло его к нам.

— Возможно. Так что же теперь с ним делать, миледи? Вышвырнуть его обратно в океан?

Белая Леди бросила на Регента испепеляющий взгляд, и его красивое лицо озарилось смехом.

— Я пришла, чтобы забрать его домой, как и ты. Его придется связать, — сказала она тихо, словно ожидая возражений, и ее глаза пристально посмотрели на него, — мы должны сделать это до того, как он полностью восстановит свои силы.

— Вы вообще можете связать такое, Аврора? — Регент скептически взглянул на фигуру на носу.

То, что он назвал ее по имени, заставило ее слегка вздрогнуть, и она отвернулась, прежде чем он заметил.

— Я хотя бы попытаюсь связать его. Железными и каменными ключами. Возможно, у меня будет время.

Регент вздохнул:

— Неужели ваша извращенная терпимость к смертным действительно простирается до того, чтобы рисковать собственным существованием?

— Я должна пойти на этот риск, — твердо сказала Белая Леди. — Его нужно связать, если он не хочет спать. Его ярость поглощает его, и война со смертными — верная смерть для всего нашего рода, Регент.

— Вы так уверены в этом, миледи? Они такие слабые.

— Я никогда ни в чем не была так уверена. Они могут быть слабыми, но их легион. Пойдем, Регент, спустимся.

Он предложил ей руку, хотя они оба знали, что она не нуждается в его помощи. После минутного колебания Белая Леди легонько коснулась пальцами черной ткани его пиджака. С безупречной грацией они спустились по крутым склонам Дьявольской Дыры к скалистому входу у ее подножия. Последние волны отступающего прилива шептались о камни внутри узкого туннеля между морем и открытой пещерой. Носовая Фигура лежала на боку, как труп, но регент чувствовал исходящую от нее силу настолько, что его шаги замедлились, когда он приблизился. Он увидел, что Белая Леди тоже заколебалась, но затем убрала руку с его плеча и придвинулась ближе, опустившись на колени у головы дьявола. Аврора погладила фигуру по щеке, как утешают больного ребенка, и что-то тихо сказала, так тихо, что даже острый слух Регента не смог разобрать слов. Возможно, она говорила на языке деревьев, который он

не мог понять. Эти слова прозвучали как благословение. Ее тонкие пальцы осторожно, нежно прощлись по чертам деревянного лица и остановились на губах дьявола.

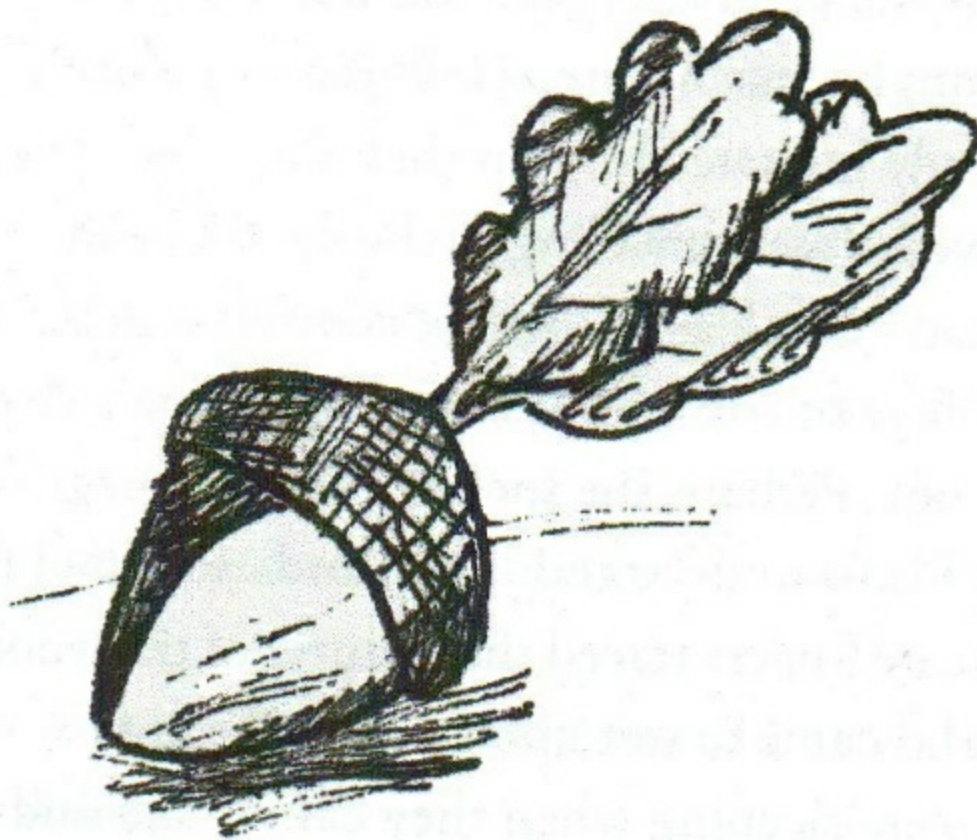
— Ты спал, когда они пришли, — печально сказала она, — когда они пришли с топорами и забрали у тебя твой дом. Мы пришли сюда сегодня вечером, мы, лидеры Света и Тьмы, Видимых и Невидимых Фейри, вместе, мы предлагаем тебе новый дом с нами. Ты присоединишься к нам там с миром, старина? Разделишь ли ты с нами это последнее пристанище?

На глазах у Принца Регента деревянные губы носовой фигуры медленно приоткрылись, и Белая Леди что-то вынула у нее изо рта. В ее руке лежал большой желудь, и она подняла его так, чтобы Регент мог увидеть, как он светится, прежде чем спрятать его в складках своего платья.

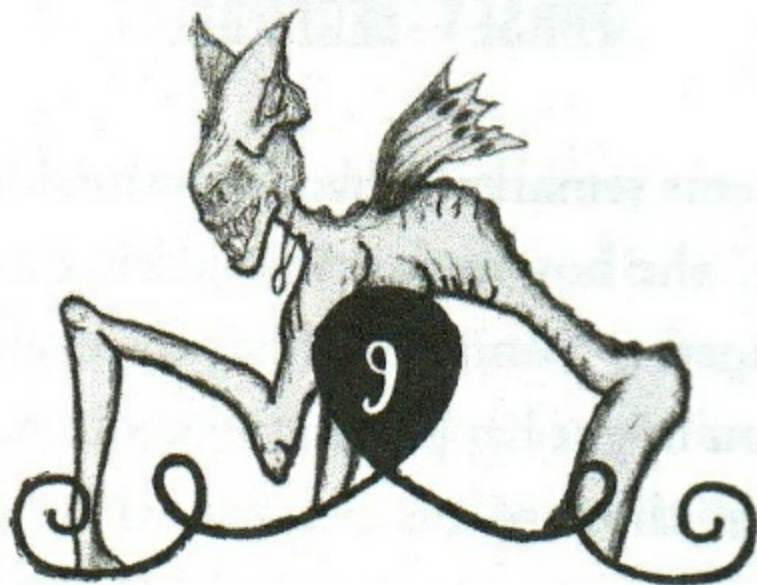
— Похоже, у вас есть ответ, — сказал Регент с легкой улыбкой.

Они вернулись из открытой пещеры и прогуливались вместе в странно уютной тишине, пока не достигли ближайшего из старых камней в Ла-Уг-де-Геонне, где они вместе прошли в царство фейри.

И вот Дьявол Ардена нашел новый дом на острове Джерси, проник в его корни, распространился по земле, и его ярость не уменьшилась.

THE CROOKED FAIRY

Кривой фейри

Другим детям он не нравился.

Мальчик знал это и без того, чтобы ему об этом говорили, но дети все равно говорили, и часто.

— Моя мама говорит, что ты подменьш, Эмори, — сказал ему Жак достаточно громко, чтобы другие дети слышали, каким храбрым он был.

— Она говорит, что иногда феи приходят ночью и заменяют человеческих младенцев своими собственными. Она говорит, что ты родился с голубыми глазами, как у всех рыжеволосых. Потом ты заболел и все время плакал, и все знали, что ты умрешь. Потом однажды утром, когда твоя мать проверила тебя, твои глаза были черными, как сейчас, и ты не был болен, и ты больше не плакал, никогда, и теперь ты просто странный, Эмори Харкер.

— Все дети рождаются с голубыми глазами, Жак, — спокойно ответил мальчик, — по крайней мере, так мне говорит моя мама.

— Она не твоя настоящая мать! И собаки боятся тебя, — сказал Жак, — они боятся тебя, потому что ты подменьш, и они могут сказать, что ты ненормальный.

— Какие собаки? — спросил мальчик, с любопытством склонив голову набок.

— Все собаки, — твердо сказал Жак. — Моя мама так говорит. Каждый может сказать, что ты не такой, и никто не хочет, чтобы ты был здесь.

— Твоя мать, кажется, удивительно хорошо информирована для того, кто никогда не встречался со мной, — заметил мальчик, заправляя рыжий локон за ухо. — Я обязан ходить

в школу, чтобы получить образование, Жак, как бы ты ни думал об этом.

Он попытался улыбнуться, показывая свои кривые белые зубы, и добавил:

— Полагаю, нам просто нужно попытаться поладить, Жак. Может быть, мы могли бы даже стать друзьями?

— Я никогда не буду с тобой дружить! — закричал Жак. — Ты подмениш, Эмори!

— Ты знаешь, что такое подмениш? — спросил мальчик.

Жак заколебался, а затем его лицо исказилось и порозовело:

— Я ненавижу тебя. Мы все ненавидим тебя, Эмори Харкер!

Жак умчался прочь. Его друзья последовали за ним, несколько раз оглянувшись.

Мальчик смотрел им вслед, слегка нахмурившись.

Одна из девочек крикнула в ответ слегка дрожащим голосом:

— Я тоже тебя ненавижу, Эмори Харкер.

— Это не мое имя, — тихо прошептал мальчик, когда они были вне пределов слышимости.

Исключенный из их компании, он иногда следовал за другими детьми, когда они шли играть после окончания школы. Он старался держаться подальше от посторонних глаз с того дня, как Лиам Ле Тик бросил в него камень. Если Эмори не хотел, чтобы его видели, они бы его не увидели. Все было так просто. Он научился быть скрытным с самого раннего возраста, и были вещи, которые он знал, что нужно скрывать даже от своей матери. Он никогда не рассказывал ей о брошенном камне, он подозревал, что этот инцидент расстроил бы ее гораздо больше, чем его.

— Ты хороший мальчик, не так ли, Эмори? — спрашивала его мать.

Иногда вопрос был чисто риторическим, и она взъерошивала его рыжие кудри и крепко обнимала. В другие дни этот вопрос казался скорее потребностью в подтверждении.

— Я изо всех сил стараюсь быть хорошим мальчиком, мама, — отвечал он и иногда даже не забывал улыбаться.

— Конечно, ты такой, Эмори, — говорила она тогда, целовала его в лоб и говорила, что любит его.

Мальчик тоже любил ее. Он делал все, что мог, чтобы помочь ей по дому, часто удивляя ее скоростью и эффективностью, с которой он мог выполнять задания. Их огород процветал под его присмотром, и их маленькие урожаи были лучше, чем те, что его мать могла купить у местных фермеров.

— Он просто лучший сын, на которого я могла надеяться, — однажды сказала его мать их соседу на глазах у мальчика. — Эмори такой умный! Он никогда не допускает ошибок в своей школьной работе. Он решает математические задачи, которые я сама даже не могу начать понимать, и клянусь, что в его комнате никогда нет ничего неуместного. Он ничего не делает, кроме как читает, и он начал ходить, когда ему не исполнилось и года.

Сосед бросил на мальчика странный взгляд, и Эмори мог сказать, что его мать пожалела о том, что сказала так много, когда разгладила юбку и сказала, сжав губы:

— Полагаю, не так уж необычно для такого умного мальчика. Пойдем, Эмори. Давай вернемся в дом, мой дорогой.

— Это не мое имя, — прошептал он, зная, что она его не слышит.

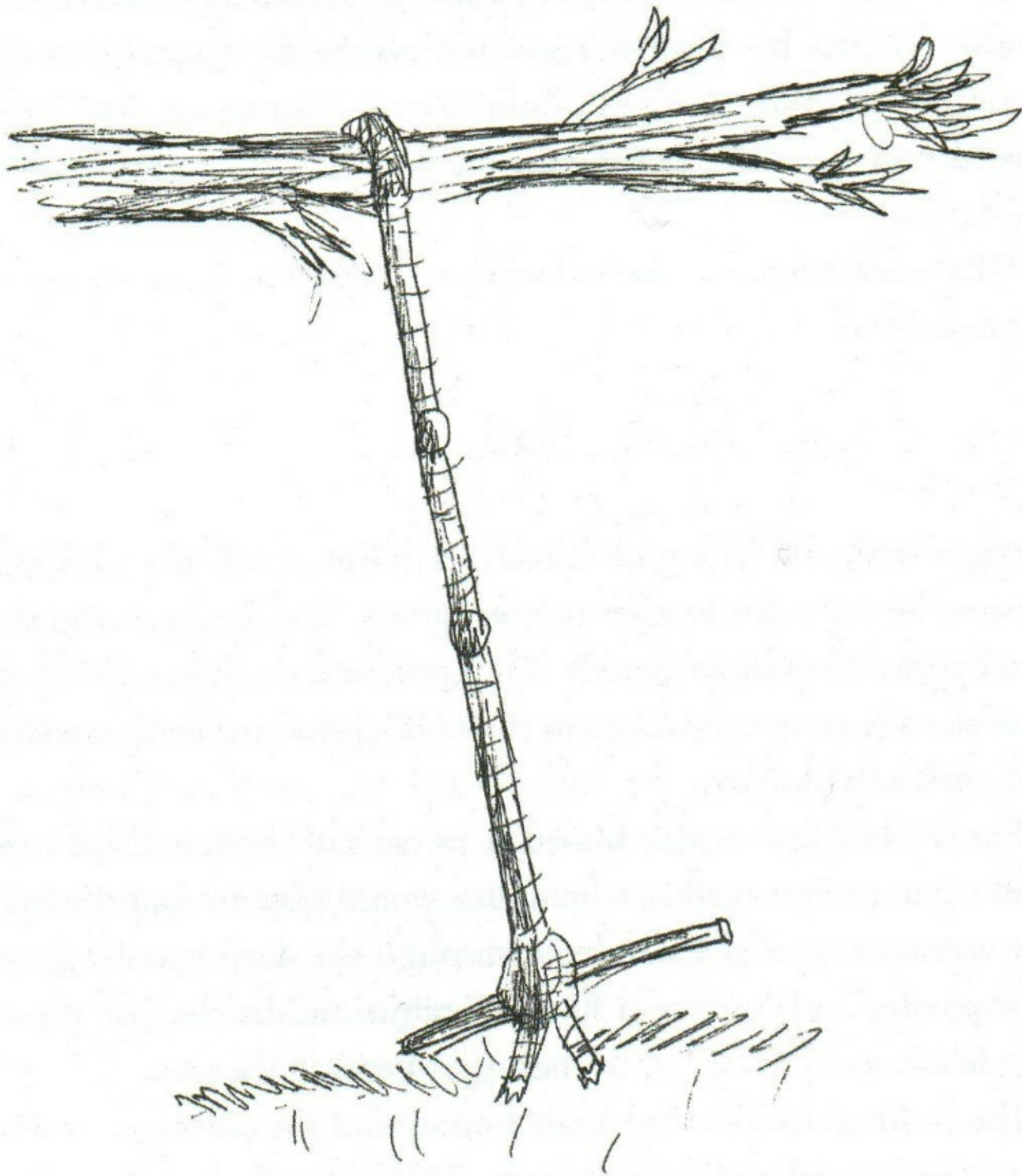
Возможно, ему следовало каждый вечер сразу после школы идти домой, потому что он знал, что его мать беспокоится о нем, и все же он находил других детей очаровательными. Он часто следовал за ними просто для того, чтобы понаблюдать за их странными играми и послушать их странные бессвязные разговоры и диковинное хвастовство.

В течение последних нескольких недель его тихая погоня за ними чаще всего приводила его в Ферн-Вэлли, где они играли вокруг мелкого ручья, который извивался среди густой болотистой травы. На фоне сочной зелени белели петрушка и полынь. Семена одуванчика плавали в тяжелом воздухе под деревьями.

Дети узнали историю от одной из старших девочек, что-то, что напугало и взволновало их. Они пришли сюда, чтобы подзадорить друг друга пойти в одиночку по тропинке, которая огибала маленькую долину. Наверху, у линии деревьев, они доказывали свою храбрость, пробегая по узкой тропинке, задыхаясь от паники и смеха. Они уходили по одному за раз. Как только каждый человек возвращался в маленькую группу друзей, наступала очередь другого ребенка бросать вызов.

Девочки из группы играли в странную игру с хлопаньем в ладоши, где они стояли друг против друга парами и пели стишки о пирожных, хлопая друг друга по ладоням. Их нынешней любимой песенкой была та, которой они научились у старшей девочки, которая рассказала им о легенде Долины папоротников.

Со своего места высоко на деревьях мальчик мог слышать слова, наблюдая, как Жак пробегает по тропинке и проходит под его собственным укрытием.

— *Раз, два, три, кривой фейри,* — пели девочки, хлопая правой рукой вверх, а левой вниз, затем ударяя себя по коленям и хлопая в ладоши.

Мальчик поморщился, пытаясь проследить за повторяющимся рисунком их рук, который ускорялся по мере того, как песенка продолжалась. Ему бы хотелось выучить его, чтобы тоже играть, но он знал, что нет смысла просить их позволить ему присоединиться.

— *Четыре, пять, шесть, сделан из палочек весь.*

Жак был вторым самым быстрым бегуном в группе детей. Сегодня их здесь было

семеро, не считая его самого. Две группы девочек, играющих в пирожки, и три мальчика, которые всегда стремились бежать первыми.

— *Семь, восемь, не опаздывать домой просим.*

Эмори не мог отделаться от ощущения, что девочки оказались в несправедливо невыгодном положении, поскольку им мешали их длинные юбки и вес одежды. Мальчики могли более свободно бегать в своих коротких штанишках и ботинках, не опасаясь, что их одежда или волосы зацепятся за ежевику и ветки, окаймлявшие неухоженную тропинку.

— *Девять и десять, снова убьют здесь их.*

Маленькая Нола Ковен неделю назад зацепилась своим лучшим платьем за терновник и оторвала большой кусок подола. Ее мать, как подслушал мальчик, дала ей пощечину за то, что она была такой беспечной, но на следующую ночь она все равно снова бегала по долине.

— *Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, бежит слишком быстро, чтоб можно угнаться.*

Жак вернулся на исходную точку, раскрасневшийся и запыхавшийся, но торжествующий. Лиам сразу же отправился в путь. Эмори смотрел, как он убегает, слегка улыбаясь при мысли о том, что Лиам может обо что-нибудь споткнуться и пораниться.

Когда девочки ускорились до конца песни, они ускорились до такой степени, что начали хватать друг друга за руки и истерически смеяться:

— *Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, съест твои кости и будет улыбаться. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать! Кривой фейри выпьет тебя до дна!*

Почти сразу после того, как они закончили смеяться, они начали все сначала.

— *Раз, два, три, кривой фейри...*

Как только каждый ребенок пробежал вечернюю дорожку, они по очереди играли на качелях, которые они соорудили из толстой ветки с помощью какой-то старой веревки, раскачиваясь над мелким ручьем и обратно. Мальчики старались подняться как можно выше, а девочки визжали от возбуждения. Эмори, который однажды вечером попробовал качели, когда они ушли, вообще не видел в этом привлекательности. Очень мало из того, что делали дети, имело для него какой-либо смысл. Особенно то, что они, казалось, хотели рисковать своими жизнями, бегая по долине, которая, как им сказали, была домом особенно злобного монстра. Либо они верили в это существо и поэтому должны были держаться подальше, либо они не верили в него, и в их маленьком ритуале не было никакого смысла. Возможно, подумал Эмори, он никогда их не поймет. От этой мысли ему стало немного грустно.

Лиам вернулся на старт, запыхавшийся и, по крайней мере, для Эмори, к разочарованию, невредимый.

— *Моя очередь!*

Ребекка, высокая и темноволосая, оторвалась от игры руками и убежала без дальнейших церемоний. Несмотря на ее длинные юбки, мальчик счел ее самой быстрой бегуньей в группе. Ему нравилась Ребекка. Она никогда не была с ним ужасна, и иногда, когда их взгляды встречались, она сжимала губы в чем-то, что почти напоминало улыбку. Он чувствовал, что она была смущена тем, как ее друзья разговаривали с ним.

— *Поиграешь со мной, Жак?* — сладко спросила Нола, когда Ребекка оставила ее без партнера по хлопкам.

Жак со вздохом, свидетельствовавшим о том, что все это было совершенно недостойно его, подхватил рифму, на которой Ребекка прервалась:

— Семь, восемь, не опаздывать домой просим, Девять и десять, снова убьет здесь их, — Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, бежит слишком быстро, чтоб можно угнаться...

Эмори шевелил губами в такт рифме. Его черный пристальный взгляд следил за продвижением Ребекки по тропинке, когда она появлялась и исчезала из виду между деревьями. Он услышал, как она негромко вскрикнула, поскользнувшись в грязи, но ей удалось удержаться на ногах. Другие дети, казалось, не слышали. Мальчик в очень юном возрасте понял, что и зрение, и слух у него гораздо острее, чем у других детей в его школе. Тот факт, что он всегда мог слышать их, когда они говорили о нем, был лишь одной из многих вещей, которые он предпочел оставить при себе.

Ребекка была на полпути, когда мальчик увидел еще одну фигуру, движущуюся между деревьями. Это было очень быстро, почти слишком быстро, чтобы быть замеченным, но у мальчика были другие глаза, чем у большинства, и он видел это очень ясно.

Кривой фейри спустился с деревьев, как паук, двигаясь быстрыми беспорядочными движениями насекомого. Он замер, оценивая свое окружение странными маленькими подергиваниями головы. Он держал свои длинные когтистые руки перед собой, они казались слишком длинными для его тела. Его локти были низко согнуты перед собой. Кривой фейри напомнил мальчику картинку, которую он видел в библиотечной книге о существе под названием богомол.

Мальчик мог видеть острые клыки на лице, на котором преобладали челюсти, высокие скулы и большие глаза, такие же белые, как у самого мальчика, были черными.

Когда кривой фейри начал бегать по деревьям, он использовал свои длинные руки в дополнение к ногам, передвигаясь на четвереньках с захватывающей дух скоростью. На его спине были крошечные, бесполезные рудиментарные крылышки. Он был обнажен, если не считать цепочки на шее, на которой висел маленький кулон.

Если бы он решил преследовать Ребекку, то наверняка смог бы поймать ее до того, как она доберется до других детей. Не то чтобы возвращение в их компанию могло предложить ей какую-либо защиту от такого существа.

Эмори в ужасе наблюдал, как кривой фейри с невероятной скоростью перебежал от одного ствола дерева к другому и медленно оглядывался на детей, игравших в дальнем конце маленькой долины. Он снова замер, неподвижный, если не считать странного стучащего скрежета его острых зубов. Затем существо понюхало воздух, и слюна начала сочиться из его пасти вниз по подбородку.

Боковым зрением мальчик видел, как Ребекка быстрыми шагами возвращается к другим детям, но он не осмеливался отвести свой черный взгляд от кривого фейри, боясь потерять это существо из виду.

В очередном порыве скорости кривой фейри двинулся к тропинке и опустил голову к земле, чтобы понюхать, где прошли дети. Он склонил голову набок, а затем, медленно отступив с тропинки, пригнулся, как краб, в высокой траве и коровьей петрушке, и застыл в ожидании.

Если бы мальчик не видел, как он там прятался, он бы никогда этого не заметил.

Ребекка вернулась с другими детьми и сделала драматический реверанс, когда Жак похвалил ее за скорость.

— Теперь ты, Нола, — засмеялась она.

Эмори начал быстро двигаться. Он перепрыгнул со своего дерева на соседнее, а затем

быстро спустился по ветвям вниз на тропинку, вне поля зрения детей и впереди Нола. Он спрятался за деревом, когда она начала свой обход маленькой долины, и он мог слышать ее приближающиеся громкие шаги.

Когда она проходила мимо, Эмори выскочил и потащил Нолу в кусты так быстро, что она даже не успела закричать. Его рука была у нее на губах. Она отчаянно сопротивлялась, но мальчик был очень силен.

— Успокойся, Нола, — мягко сказал он, — он здесь. Он пришел. Посмотри туда, между деревьями, под сиреневыми цветами.

Все еще прижимая руку к ее рту, он указал вперед. Он мог видеть, как взгляд Нола дико метнулся, упуская кривого фейри, а затем он почувствовал, как она резко вдохнула.

— Ты видишь?

Она кивнула, когда краска отхлынула от ее лица, ее широко раскрытые голубые глаза обратились к нему, когда она в ужасе посмотрела на него в ответ.

— Иди к остальным, — сказал он ей, — иди сейчас. Скажи им, чтобы они бежали.

Нола не стала спорить, а сразу же побежала обратно тем же путем, каким пришла, когда он отпустил ее.

Мгновение спустя он услышал ее тоненький голосок, полный паники:

— Ребекка! Жак, фейри здесь. Мы должны идти. Мы должны идти сейчас же!

Звук детского смеха приветствовал ее слова, и мальчик вздохнул.

Конечно. Конечно, они не поверили бы ей, пока не увидели кривого фейри своими глазами, а к тому времени было бы слишком поздно.

— Эмори показал мне, я видела! — говорила Нола, ее голос был близок к слезам, — Пойдемте, пожалуйста!

— Эмори Харкер здесь? — услышал мальчик восклицание Лиам Ле Тика. — Кем он себя возомнил, преследуя нас, маленький подонок?

— О, ради всего святого, Лиам! — воскликнула Ребекка. — Какая разница? Ты же знаешь, что эта долина тебе не принадлежит.

— Мы должны идти! — Нола была почти в истерике.

Бросив взгляд назад, Эмори увидел, что она бесполезно тянет Жака за руку.

— Мы должны идти сейчас же!

— Не будь такой глупой, Нола, — воскликнул Жак, стряхивая ее с себя, — не существует такой вещи, как кривой фейри. Харкер просто пытается тебя напугать.

Кривой фейри нетерпеливо пошевелился, сбрасывая листья, когда вышел из подлеска, как паук-ловушка, выбирающийся из своего логова. Он снова понюхал воздух. Его мертвенно-белые глаза сузились, а голова дернулась в направлении детей. Опустившись вперед на своих длинных руках, он начал двигаться на звук их голосов.

— Покажи мне, где Харкер, — потребовал Жак от Нола.

Эмори задавался вопросом, умрет ли он здесь, пытаясь защитить этих детей, которым он даже не нравился.

— Где ты, подменьш? — крикнул Лиам.

Эмори поморщился. Иногда они повторяли это слово снова и снова, вне пределов слышимости учителей: «Подменьш, подменьш, подменьш».

Обычно он стоял бесстрастно, склонив голову набок, и встречался с ними взглядом своих черных глаз, пока им не становилось не по себе и их пение не прекращалось. Сегодня у него не было бы времени быть таким терпеливым.

Он вышел из тени и укрытия деревьев и начал спускаться по берегу в низкую открытую долину к ручью. Высокая трава и тростник касались его ног, шурша при каждом шаге, когда он оказывался на пути кривого фейри.

— Вот он, маленький подонок! — воскликнул Лиам, заметив Эмори.

Рыжеволосый мальчик проигнорировал его, его глаза были прикованы к линии деревьев.

— Эй, подменыш! — крикнул Жак. — Что ты здесь делаешь, подменыш?

Кривой фейри вышел на свет, моргая своими белыми глазами. Он покачал головой на солнце, разбрызгивая слюну. Его взгляд остановился на Эмори, и его широкая пасть раскрылась еще шире, обнажив ряд оскаленных белых зубов, каждый длиной с пальцы Эмори. Каким бы сторбленным ни было существо, было трудно оценить его истинные размеры. Эмори подозревал, что, если бы оно стояло прямо на своих паучьих лапах и расправляло свой кривой позвоночник, оно было бы по меньшей мере вдвое выше его. При дневном свете его пятнистая кожа казалась зеленовато-серой от омертвевшей плоти.

Эмори расправил свои узкие плечи и остался на месте, когда кривой фейри начал двигаться к нему, быстро продвигаясь вперед.

Крик Нолы разнесся по долине, заглушив крики мальчиков и заставив кривого фейри остановиться, подняв когтистые руки, как будто проверяя воздух, как паук, чувствующий вибрацию в своей паутине.

— Бегите! — крикнул Эмори через плечо, но дети застыли от недоверия и ужаса. Затем он повернулся и голосом чего-то, что не было детским, заорал на них: — Бегите!

Дети, наконец, начали двигаться. Нола рыдала от ужаса. Эмори надеялся, что они не оглянутся назад. Когда он повернулся лицом к кривому фейри, тот прыгнул вперед с поразительной скоростью.

Эмори ничего не мог сделать, чтобы уклониться от этого.

Сила атаки швырнула его в грязь, и он закричал, когда длинные когти кривого фейри вонзились в его грудь, как сабли, пробив грудную клетку и пригвоздив его к земле. Кривой фейри ухмыльнулся. Слюна капала с его массивных челюстей, забрызгивая горло Эмори. Каменный кулон на его шее вращался и раскачивался перед лицом мальчика.

Затем взгляд кривого фейри поднялся и проследил за направлением, в котором бежали другие дети. Его зрачки расширились, как у кошки на охоте. Он убрал свои когти с груди Эмори. Они были красными от крови мальчика.

Эмори изо всех сил пытался вдохнуть, когда кривой фейри встал и двинулся вслед за другими детьми своими резкими беспорядочными движениями. Монстр был почти на тропинке, когда Эмори окликнул его.

— Прошу прощения — хрипло крикнул он, вставая и отряхивая грязь с брюк.

Кривой фейри остановился и удивленно развернулся, вонзив когти в грязь и в замешательстве резко повернув голову в сторону.

Эмори опустил взгляд на свою грудь. Глубокие проникающие раны закрылись и зажили без намека на шрамы, и, пожав плечами, Эмори вернул ребра на место и глубоко вдохнул в свои заживающие легкие.

Кривой фейри застрекотал и с любопытством заскрежетал зубами.

— Боюсь, тебе придется придумать что-нибудь получше, — сказал Эмори, поправляя свою изорванную рубашку, насколько мог, и слегка приподнимаясь на цыпочки, готовясь.

— Так, так, так, что у нас здесь? — прохрипел кривой фейри.

Эмори сделал шаг назад, настолько он был поражен, услышав, как существо заговорило.

— Кот проглотил твой язык? — прошипело существо, а затем двинулось к нему, размахивая своими когтистыми руками, как лезвиями, рубя и колотя, размытым движением.

Эмори резко дернулся. Несмотря на то, что он был готов к его скорости, он едва мог оставаться вне его досягаемости.

Он пригибался и уворачивался, когда грязные когти фейри проносились мимо него, используя всю свою собственную неестественную ловкость, чтобы оставаться вне досягаемости, едва-едва, когда фейри раздраженно зашипел.

— Ты не настоящий мальчик, да, малыш? — прорычал кривой фейри. — Что-то другое, что-то непохожее.

— Зависит от того, как ты на это смотришь, — выдохнул Эмори, отшатнувшись от ужасного пореза, который прочертил красную линию на его щеке.

— Интересно, какой ты будешь на вкус? Каким вкусным лакомством ты будешь?

Кривой фейри остановился и слизнул кровь Эмори с кончиков своих когтей:

— Ах ... Я знаю этот вкус, маленькая кукушка. Знают ли твои маленькие друзья, кто ты такой?

— Они не мои друзья.

Эмори повернулся и бросился к деревьям, убегая от выхода в долину, уводя кривого фейри подальше от детей. Линия огня пересекла его спину, когда фейри догнал его, и он, задыхаясь от боли, бросился вверх по склону. Порез уже заживал, когда он повернулся и отклонился назад со сверхъестественной скоростью, чтобы избежать удара когтей, которые перерезали бы ему горло.

— Быстрый ты, не так ли, маленькая кукушка? — Кривой фейри, казалось, был почти доволен вызовом, брошенным Эмори: — Хотя, я думаю, недостаточно быстрый. И молодой, о, такой молодой.

— Да, и маленький, — заметил Эмори, запрыгивая на нижние ветви деревьев.

Кривой фейри зарычал и бросился за ним, ее длинные конечности бились о ветви. Его размер замедлял движение, даже когда его сила ломала ветки и срывала листья, от которых Эмори приходилось уворачиваться. Преследуя его, он гнул своим весом деревья поменьше.

— Значит, тебе приходится убегать и прятаться, не так ли, маленькая кукушка? Тогда ты слишком молод, чтобы обладать всеми своими способностями? Слишком молод, чтобы улететь, маленькая кукушка, и слишком молод, чтобы быть мудрым!

Эмори сосредоточился на том, чтобы оставаться впереди существа, используя свой меньший размер и ловкость, чтобы забраться на более тонкие ветви, где вес кривого фейри заставлял деревья шевелиться под ним. Фейри замедлил шаг, поскольку ему пришлось учитывать раскачивание ветвей, но Эмори показалось, что звук скрежещущих зубов не отстает.

Мысли мальчика отчаянно метались, пока он карабкался и перепрыгивал с дерева на дерево, лавируя между узкими стволами, свисая с ветвей и бегая по сучьям проворно, как белка. Это был только вопрос времени, когда он допустит ошибку, пропустит шаг или замедлится достаточно надолго, чтобы кривой фейри настиг его. Он знал, что в следующий раз, когда монстр схватит его в свои когти, шансов больше не будет. Он рискнул оглянуться и увидел, что бледные глаза кривого фейри устремлены на него. Узкие зрачки казались широкими на фоне мертвенно-бледных глаз. Он использовал свои когти, чтобы срывать ветки и листья со своего пути, прорезая путь сквозь листву в своем решительном преследовании.

Эмори что-то было нужно: оружие или план, или даже путь к отступлению, который не привел бы существо обратно к детям. Он пожелал Ребекке и ее друзьям двигаться быстрее, бежать и продолжать бежать, пока они не доберутся до своих домов. Он гадал, найдут ли его тело пустым, как описано в детском стихе.

Эмори знал, что не сможет сразиться с кривым фейри, существо было правильно в своем предположении, что он молод и что его силы ограничены. Он раздраженно стиснул зубы. Возможно, если бы он тратил меньше времени на то, чтобы приспособиться и быть похожим на окружающих его детей, и больше времени на то, чтобы научиться быть тем, кем он был на самом деле, у него было бы больше шансов выжить. Однако сейчас такие сожаления ему ни к чему.

Его черные глаза блеснули, и что-то привлекло его внимание.

Имея лишь малейшее представление о плане, Эмори резко изменил направление, снизившись, чтобы поймать ветку кончиками пальцев и проскочить почти прямо под кривым фейри, который зарычал и с треском упал, ломая ветки, чтобы последовать за ним. Он спрыгнул со ствола дерева, и Эмори вскрикнул, когда когти полоснули его по спине. Сила атаки отбросила его вперед, и он едва успел ухватиться рукой за ветку и качнуться вперед, вне пределов досягаемости. Он быстро пробежал вдоль сука и нырнул ниже, приземлившись на руки и пробежав на четвереньках, прежде чем прыгнуть на нужную ему ветку.

Он схватился за веревку детских качелей, где она была обвязана узлом вокруг ветки, а затем начал тянуть за нее. Времени не было, но паника заставила его поторопиться, когда он подтянул веревку к себе на руки.

Кривой фейри приземлился с такой силой, что толстая ветка затряслась и согнулась. Эмори начал пятиться к узкому концу ветки, откуда открывался вид на долину и узкий

ручей. Кривой фейри ухмыльнулся и застучал зубами.

— Как ты думаешь, что ты сейчас делаешь, маленькая кукушка?

Он медленно двинулся вперед, и ветка начала опускаться под его весом. Эмори подумал, не лопнет ли она и не отправит ли их обоих кувырком на грязную землю. Ему было интересно, кто встанет первым. Он подозревал, что это будет не он.

— Ты думаешь, я буду стоять спокойно, маленькая кукушка, пока ты меня свяжешь?

— Ну, если бы вы захотели, это, безусловно, помогло бы мне, — сказал Эмори так спокойно, как только мог.

Он сжал веревку в одной руке. Она была толще его большого пальца. Рыбацкая пеньковая веревка, прочная и невредимая, вероятно, поставлялась отцом Ребекки, который управлял рыбацкой лодкой из гавани Сент-Хелиер.

— Или ты планировал попытаться убить меня этой веткой? — Кривой фейри наклонил голову под почти невозможным углом, и изо рта у него потекла слюна.

Эмори взвесил маленькую ветку качелей в другой руке и пожал плечами.

— Я, конечно, планирую попробовать. Подойти ближе. Давайте посмотрим, что произойдет.

— Я все равно их поймаю, ты же знаешь, — прошипел кривой фейри, придвигаясь ближе.

— Нет, ты этого не сделаешь, — тихо сказал Эмори, но ему стало интересно, сказал ли он это больше для того, чтобы успокоить самого себя.

Он немного подпрыгнул вверх-вниз на гибкой ветке, как ныряльщик на доске, и, раздраженно стуча зубами, кривой фейри опустил когти, чтобы сохранить равновесие.

Эмори нырнул, но не вниз, а обратно к кривому фейри. Он был быстр, но когти все равно задели его, когда он скользнул по ногам кривого фейри. Он остановился так же быстро, как и прыгнул. Кривой фейри изо всех сил пытался повернуть свое странное тело лицом к нему, и Эмори обмотал собранную веревку и деревянные качели вокруг его ног, один раз, затем второй. Когда когти врезались ему в спину, как лезвия мечей, он прижал веревку к груди и позволил себе упасть, как камень.

Со скрежещущим визгом кривой фейри был потянут вниз своими собственными когтями, которые вонзились в спину подмышка. Он неуклюже упал, но обнаружил, что его длинные ноги запутались в веревке. Он резко повис, раскачиваясь и размахивая руками.

Эмори, не обращая внимания на раскаленную добела боль от когтей кривого фейри, рвущихся из его спины, вскарабкался по веревке и через спину существа забрался на ветку.

Его кровь капала вниз и на лицо фейри, когда тот зарычал на него. Он дико хлестал мальчика по ногам и рукам, когда Эмори попытался, несколько раз обматывая веревку вокруг ветки и завязывая ее узлом, как только мог.

— Ты думаешь, это удержит меня, маленькая кукушка?

— Ненадолго, — согласился Эмори, — хотя, полагаю, достаточно долго.

Кривой фейри начал сердито царапать веревку своими грязными когтями. Пенька начала истираться, но держалась крепко.

Легким прыжком Эмори спрыгнул с ветки вниз, в долину. Когда он ударился о землю, одна из его лодыжек сломалась с резким хрустом. Он воспользовался моментом и глубоко вздохнул, пока все исправлялось. Затем, сделав несколько неуверенных шагов, чтобы проверить, Эмори перешел на бег.

— Я найду тебя, маленькая кукушка! — крикнул кривой фейри. — Я вынюхаю тебя и выслежу, когда ты вернешься к нам, мальчик-подменьш!

Эмори бросил взгляд через плечо.

— Ты выглядишь очень глупо! — крикнул он, а затем вскрикнул от удивления, когда Ребекка встала у него на пути, ее кожа побелела от страха, а глаза наполнились слезами.

— Почему ты все еще здесь? — потребовал Эмори, схватив ее за руку и потащив за собой более грубо, чем намеревался, — Я сказал тебе бежать! Разве я не говорил тебе бежать?

— Я не могла просто оставить тебя! — воскликнула Ребекка, хватая подол своих юбок и пытаясь соответствовать его темпу, — Ты мог погибнуть!

— И если бы меня убили, ты была бы следующей. Какой смысл был бы в том, чтобы мы оба умерли? На самом деле в твоих рассуждениях нет никакой логики, Ребекка.

— Я не могла просто оставить тебя, — повторила она, — Ты спас нас!

Эмори взял ее за руку, чтобы потащить быстрее, когда они покинули долину и направились в город вниз по склону.

— Возможно, я действительно спас тебя, но было гораздо более вероятно, что я потерплю неудачу в этой попытке.

— Так где же была твоя логика в попытке? — затаив дыхание, спросила Ребекка.

— Я не знаю. Я просто пытался его притормозить. Пожалуйста, перестань говорить и беги, твои легкие маленькие и слабые и требуют столько воздуха, сколько они могут получить. Если кривой фейри освободится, я не смогу остановить его снова.

Он не давал ей ни передохнуть, ни пошатнуться, и к тому времени, когда они добрались до ее дома, Ребекка хрипела, ее лицо было красным, а темные волосы растрепаны.

Она отмахнулась от него, когда он попытался подвести ее к входной двери, и присела на стену сада, чтобы отдышаться.

— Он не может поймать нас сейчас, — она кашлянула и уставилась на Эмори, стоящего перед ней. Эмори совсем не запыхался, и этот факт не ускользнул от маленькой девочки.

— Боюсь, я, возможно, сломал ваши качели, — извиняющимся тоном сказал Эмори, — но возвращаться в Ферн-Вэлли снова небезопасно, так что полагаю, что это действительно не имеет значения...

— Я видела, что ты сделал, — сказала Ребекка, но ее тон не был обвиняющим, — Я видела, как он причинил тебе боль, и ты просто встал. Я видела, как ты двигался, Эмори, и каким быстрым ты был. Никто не может так двигаться. Ты подменьш, не так ли? Все в порядке. Я не скажу.

Не зная, как ответить, Эмори просто смотрел на нее своими большими черными глазами.

— Я имею в виду, ты подменыш, но ты не плохой, не так ли? Ты не можешь быть плохим, иначе ты бы не спас нас, — улыбнулась она. — Мы могли бы стать друзьями, если хочешь?

— Спасибо, — сказал мальчик, а затем вспомнил, что нужно улыбнуться ей в ответ.

Ребекка неуверенно рассмеялась:

— Тебе действительно нужно попрактиковаться в том, как ты используешь свое лицо, Эмори. О боже... посмотри, в каком ты состоянии...

Ее неопределенный жест охватил его порванную одежду и кровь, пропитавшую его в битве с кривым фейри.

— А твоя мать знает? О тебе, я имею в виду, — спросила Ребекка.

— Я не верю, что она хочет знать, — осторожно сказал Эмори, — Она никогда не спрашивала.

Ребекка задумчиво кивнула.

— Ну, я думаю, возможно, тебе следует сказать ей, что ты упал с качелей на какие-то колючки, и у тебя пошла кровь из носа. По крайней мере, это должно объяснить кровь и разрывы. Хотя, полагаю, не поэтому у тебя нет царапин...

Эмори посмотрел на свои руки и нахмурился; затем он закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Ребекка ахнула от изумления, когда крошечные царапины образовались и поползли по коже мальчика. Он задумчиво посмотрел на свои руки.

— Этого достаточно, — сказала Ребекка с дрожащим смехом, — Может, мне пойти с тобой домой и поручиться за тебя?

— Нет, ты останешься здесь, где безопасно. Мы действительно можем быть друзьями? — быстро спросил мальчик, — Ты не боишься?

— Нет, конечно, нет! — Ребекка вскочила и быстро обняла его. — Я должна пойти и прибраться, пока мой отец не вернулся домой. Увидимся завтра в школе, и ты скажешь мне, что еще ты можешь сделать, Эмори Харкер!

Мальчик проводил ее взглядом своих черных глаз, затем тихо прошептал с легкой улыбкой:

— Это не мое имя.

Золото гоблинов

— Это большой камень, — с сомнением сказала Мадлен.

— Да, — сказал Хьюберт, — это менгир. Легенда гласит, что иногда, в полночь в полнолуние...

— Ладно, — Мадлен подняла руки, чтобы остановить его объяснение, а затем с улыбкой развела ладони, — Хью, твоя история с большими камнями не очень обнадеживает.

Хьюберт рассмеялся и, заключив жену в объятия, крепко поцеловал ее в лоб.

— На этот раз никаких ведьм, я обещаю тебе, Мадлен. Просто прекрасный вечер вдали от дома и, может быть, маленькое приключение.

— Ну, я захватила свою ложку просто на всякий случай.

Мадлен похлопала по карману своего старого синего платья, а затем наклонила голову, чтобы положить ее на грудь Хьюберта, и более внимательно посмотрела на менгир.

Это был большой стоячий камень из серого и розового гранита, немного выше Хьюберта. Он был широким у основания и заканчивался острием, выступающим вверх, как сталагмит. Его поверхность была испещрена пятнами желтого лишайника и прожилками кристаллов кварца. Он стоял одиноко на фоне безжизненного ландшафта.

Повсюду вокруг них вдоль большого изгиба залива Сент-Оуэн простирались песчаные дюны и морская трава. Этот район отличался от любого другого на Джерси, больше походя

на пустыню по контрасту с богатыми темными сельскохозяйственными угодьями и лесами остальной части острова. Это было так, как если бы океан проник внутрь, чтобы засыпать этот участок суши песком, засаливая землю и уничтожая плодородную почву. Здесь росли только жесткая трава, грубый вереск и утесник. Маленькие искривленные деревья, которые боролись за выживание, были низко пригнуты к земле, как маленькие старички, измученные разрушительными ветрами с моря.

Это было удивительно красиво под голубым летним небом. Жаворонки кричали, зависая в воздухе. Кролики пробирались сквозь низкие заросли кустарника, с любопытством наблюдая за Мадлен и Хьюбертом. Огромные разбивающиеся волны бились о песчаный берег с безжалостным ревом и отступали.

— Зачем тебе лопата, Хью? — спросила его Мадлен, когда он выпустил ее из своих объятий. — Пожалуйста, скажи мне, что это не моя стряпня. Ты привел меня сюда не для того, чтобы стукнуть этим по голове и похоронить, не так ли?

— Конечно, нет. Я бы любил тебя больше жизни, даже если бы твоя стряпня была в два раза хуже, чем сейчас, Мадлен, — сладко сказал Хьюберт, а затем увернулся от игривой пощечины, прежде чем она успела коснуться его.

Мадлен покачала головой, пытаясь не рассмеяться, поправляя ожерелье из раскрашенных деревянных бусин.

— Ну, только за это, Хью, ты можешь приготовить ужин сегодня вечером. Не разбить ли нам сейчас лагерь? Через несколько часов стемнеет, а я устала. Мы обошли весь остров! Как ты думаешь, сколько миль? Десять?

— Я бы сказал, не меньше десяти. Мои ноги чувствуются так, словно там было пятьдесят. Я мог бы пойти и окунуть их в море. Кажется, у меня скоро появится волдырь.

— Ты иди и пройди по воде босиком. Я найду место для ночлега и поищу дров и палок, чтобы развести костер. Наверное, нам следовало бы собрать хоть что-то на ходу, здесь так пустынно.

— Я найду немного, когда вернусь. Ты просто отдохни, любимая.

Хьюберт поцеловал ее в щеку и, оставив свой рюкзак прислоненным к менгиру, направился к морю. Мадлен с улыбкой смотрела ему вслед.

Она отошла немного дальше вглубь острова, подальше от стоячего камня, и положила свои вещи рядом со склоном травянистой дюны. Она расстелила несколько одеял, чтобы сесть, сняла туфли и носки и зарылась пальцами ног в песок. Улыбаясь, она задумчиво посмотрела на менгир, наслаждаясь солнечными лучами на своем лице. Большой камень, конечно, не выглядел опасным, просто необычным, неуместно выделяющимся на фоне такого безликого пейзажа. Улегшись на одеяла, она закрыла глаза и удовлетворенно вздохнула. Она поняла, что прервала Хьюберта прежде, чем он смог объяснить легенду, которая привела их сюда. Что-то о менгире и полной луне...

Несколько часов спустя она проснулась в прохладной темноте, несколько мгновений не понимая, где находится. Ее рука скользнула по одеялу в поисках Хьюберта, но его рядом с ней не было. Вверху, в небе, висела полная луна, поразительно яркая в звездную ночь. Мадлен вздрогнула и, зевнув, приподнялась на локте.

Небольшой костер осветил камень-менгир. Хьюберт, должно быть, соорудил его, пока она спала. Мерцающий свет прыгал и падал, отбрасывая за собой беспорядочные тени, и она энергично потерла глаза, чтобы прояснить затуманенное зрение. Огонь был разведен между тем местом, где она лежала, и менгиром, из-за чего ей было труднее видеть. Движение света создавало странное впечатление, что Хьюберт танцует.

Мадлен несколько мгновений сонно наблюдала за происходящим, а затем села, нахмурившись.

Хьюберт танцевал. Подобно дикарю, он прыгал и кружился, не проявляя ни осторожной грации, ни достоинства, которые демонстрировал во время их свадебного вальса. Он выглядел взбешенным, почти безумным. Мадлен фыркнула от смеха и уже собиралась окликнуть его, когда заметила движущиеся в свете маленькие фигурки и резко вдохнула, в шоке прижав пальцы к губам. То, что она сначала приняла за маленькие тени, отбрасываемые Хьюбертом, и движение пламени на самом деле были маленькими фигурками, не выше пояса Хьюберта. Они тоже танцевали, в свете костра и вне его, вокруг стоячего камня.

Сквозь треск пламени Мадлен различила низкий гул, похожий на бессловесную песню, и, услышав его, вскочила на ноги. Она вскрикнула от непроизвольного движения, а затем взвизгнула, обнаружив, что скачет к ним вприпрыжку. Как будто какой-то кукловод управлял ее ногами и руками. Она закричала, когда чуть не прыгнула прямо в огонь, но в последний момент ее ноги начали двигаться против часовой стрелки вокруг менгира, и она потерялась в танце. Она боролась за контроль над своим телом, кружась и раскачиваясь, ее ноги танцевали энергичную джигу, которую она едва знала.

— О нет, Мадлен! — ахнул Хьюберт.

Его лицо было красным от напряжения, а на лбу выступили капельки пота, но Мадлен едва взглянула на него, прежде чем ее взгляд упал на одну из маленьких танцующих фигурок, и она вскрикнула от удивления.

Существо танцевало от ликования, его уродливое лицо расплылось в огромной ухмылке, полной маленьких острых зубов, когда оно размахивало костлявыми руками и ногами. У него были большие заостренные уши и зеленоватая кожа, которая в свете костра казалась болезненно-желтой. Простая набедренная повязка была завязана под его маленьким круглым брюшком, и он кудахтал и прыгал, когда Мадлен смотрела на него.

— Еще один для танца! — прохрипел он и дико запрыгал, прежде чем продолжить свою низкую жужжащую песню.

Другой маленький монстр выглядел очень похоже, только он был выше, болезненно худой и с длинными, вьющимися волосами. Он танцевал с таким же энтузиазмом, и его гнусавая песня не прерывалась, когда он уставился на нее своими глазами-бусинками и замахал конечностями.

— Хьюберт! — крикнула Мадлен, на мгновение встретившись с ним взглядом, прежде чем ее собственный вращающийся танец отвернул ее от него.

— Прости, Мадлен, — выдохнул Хьюберт, — я не думал ... Я не знал, что это произойдет.

В свете огня Мадлен могла видеть, что серебряный амулет, который Хьюберт носил на своем ожерелье, выпал из-под рубашки, и ни одна его часть не касалась его кожи.

— Ну и что должно было случиться? — спросила Мадлен, когда она, пританцовывая, влетела в маленькую ямку у основания менгира и упала на лопату Хьюберта, поранив палец

ноги.

Секунду она лежала плашмя на животе, но затем ноги помогли ей встать, и она снова начала танцевать. Она оскалила зубы, шипя от дискомфорта, когда каждый танцевальный шаг пронзал болью ее раненую ногу.

— С тобой все в порядке? — спросил Хьюберт.

— Нет, я не в порядке! — возмущенно сказала Мадлен. — У меня болит палец на ноге, и я танцую вокруг большого камня в темноте с... с ... о, что это за ужасные маленькие люди?

— Гоблины, я думаю?

— Гоблины! — подтвердило первое из существ, с энтузиазмом кивая, прежде чем возобновить свое низкое гудение.

— Почему мы танцуем, Хьюберт? Я не могу контролировать свое тело, это ужасно!

— Я не знаю, это какая-то магия. Где твоя ложка, Мадлен?

— Она в моем, ой! Я наступила на камень. Она у меня в кармане, Хьюберт, но я не могу контролировать свои глупые руки.

— Чем больше ты с этим борешься, тем хуже становится. Просто расслабься, и это не так утомительно.

Мадлен закружилась, как балерина, ее руки были подняты над головой, и она обнаружила, что прыгает, совсем не по своей воле.

— Как давно ты танцуешь, Хью?

— Думаю, около часа, — с несчастным видом признался Хьюберт. — Теперь у меня определенно появился волдырь.

— Ну и отлично, ты это заслужил! — воскликнула Мадлен. — О, почему ты меня не разбудил?

— Я хотел сделать тебе сюрприз, — с несчастным видом сказал Хьюберт.

— С гоблинами?

— Нет, Мадлен, с сокровищем.

— Воры! Отвратительные воры! Пришли украсть наши сокровища! — закричал толстый гoblin, не переставая танцевать и размахивая перед Хьюбертом своими маленькими кулачками.

— Как ты смеешь? — огрызнулась на это Мадлен, затем попыталась взять себя в руки, когда ее ноги закружили ее в грациозном шаге котильона, а затем начали вальсировать, держа за руки невидимого партнера. Вес серебряной ложки в ее кармане мягко постукивал по ноге, когда она покачивалась.

— Прекрати это, — крикнула Мадлен толстому гoblinу, — ты, немедленно прекрати это, слышишь?

Гoblin хихикнул, а затем продолжил петь.

— Хьюберт, какое сокровище? Я знаю, ты запыхался, но, пожалуйста, попытайся объяснить.

— Ты такая грациозная, Мадлен, — сказал Хьюберт.

— Ради всего святого, Хью!

— Прости. Есть легенда, что если в полнолуние покопаться под волшебными камнями, то иногда можно найти сокровище, — Хьюберт сделал паузу, чтобы перевести дыхание, а затем продолжил: — Я подумал, что этот камень, находящийся так далеко отсюда, возможно, никогда не был опробован. И ты сказала, что никогда не видела эту часть острова,

так что ...

— Вор! — завопил гоблин.

— Замолчи, ты, маленькое чудовище, — сказала Мадлен, а затем спросила. — Откуда взялись гоблины?

— Я не знаю. Только что я копал, потом моя лопата обо что-то ударилась, а в следующую минуту я танцевал вокруг, как идиот.

— Ну и что нам делать?

— Есть... есть легенды о людях, танцующих до смерти, Мадлен. Вот почему я не окликнул тебя. Я думал, так будет лучше...

— Разбить мне сердце, когда вместо этого я нашла бы тебя мертвым утром? О, я бы надрала тебе уши, если бы хоть немного контролировала свои конечности, Хьюберт Вотье.

— Танцуй до смерти, танцуй до смерти, и когда ты умрешь, мы снимем это сокровище с твоей шеи! — Гоблин взвизгнул от восторга, разглядывая цветные деревянные бусы, которые Мадлен носила на шее.

В свете костра глаза гоблина горели красным.

— Так помоги мне, когда я перестану танцевать, я забью тебя до смерти этой лопатой, — сказала Мадлен маленькому мужчине.

Гоблин тихонько вскрикнул и отскочил подальше от Мадлен.

— Эта девушка пугает! — крикнул он своему спутнику, который пританцовывал ближе к Хьюберту, не переставая гнусавить.

— Пни их, если у тебя будет шанс, — сказала Мадлен. — Я думаю, если бы они перестали петь, заклинание было бы разрушено.

— Ты ужасна, и я ненавижу тебя! — сказал толстый гоблин, прежде чем быстро исчезнуть из виду за менгиром.

— Да, я ужасна, — кричала Мадлен, — и когда я поймаю тебя, я украду твое сокровище и выброшу его в море.

— Нет, не сокровища! — гоблин в отчаянии хлопнул себя по голове и заплясал возбужденную джигу.

Мадлен не могла ответить, когда ее тело совершило серию энергичных пируэтов, подняв изящные руки над головой и больно ударившись босыми пальцами о землю. Изысканный поклон заставил ложку в ее кармане приподняться и упасть, снова ударившись о ее ногу. Мадлен нахмурилась.

Хьюберт был прав. Если бы она перестала бороться со странным контролем над своим телом, танец стал бы менее утомительным. Имея это в виду, Мадлен попробовала что-то другое. Она сосредоточилась, и когда начиналось каждое движение, она принимала его, пытаясь выполнить каждый шаг и жест со всей грацией, которая была в ее распоряжении. Несмотря на ноющие ноги и изнеможение, от которого перехватывало дыхание, она танцевала изо всех сил, наслаждаясь красотой движений, находя странный ритм в песне гоблина. Она вращалась и жестикулировала, используя каждую часть своего тела от пальцев рук до кончиков пальцев ног, чтобы охватить магию. Она прыгала, кружилась и подпрыгивала, как балерина, пока, в конце концов, с легким стуком ее серебряная ложка не выпала из кармана и не приземлилась на песчаную землю.

Мадлен всхлипнула с облегчением.

Хьюберт увидел ложку, когда протанцевал мимо, и Мадлен увидела, как его конечности дернулись от усилия дотянуться до нее.

— Это никуда не годится! — воскликнул он в отчаянии, но Мадлен даже не попыталась наклониться, протанцевав еще один круг вокруг менгира. Она просто осторожно расставила свои искусные ступни, и когда ее вихляющие шаги привели ее обратно к ложке, она поставила на нее босую ногу.

Это было все равно что наступить на кусок льда. В ту секунду, когда ее пальцы соприкоснулись с серебром, волшебные нити марионетки оборвались, и Мадлен, задыхаясь, упала на колени, трясущимися пальцами нащупывая ложку под босой ступней, пока она не оказалась в безопасности.

Затем, как прыгающая кошка, Мадлен прыгнула и схватила толстого гоблина за одну из его тощих рук. Она ударила ложкой его по лбу, как будто разбивала верхушку яйца.

Он взвизгнул и начал извиваться.

— Где сокровище? — требовательно спросила она.

— Ой, убери это мерзкое серебро. Это наше сокровище, наше, все наше!

— Не жадничай, — выдохнул Хьюберт, делая пируэт мимо. — Нам нужно совсем немного.

— Отпусти Грима, — худощавый гoblin наконец перестал петь, протестуя пронзительным голосом, — не убивай Грима этим страшным оружием!

Когда песня смолкла, Хьюберт, тяжело дыша, рухнул на песок.

«Это оружие смертоносно», — сказала Мадлен, размахивая ложкой перед худым гоблином.

— Беги, Голубчик, беги, спасайся! — причитал Грим.

Хьюберт крепко обхватил тощую ногу Голубчика, прежде чем маленькое существо успело убежать. Затем он свободной рукой вытащил свое серебряное ожерелье-талисман из-под рубашки и прижал его к коже.

— Никто никуда не уйдет, пока я не увижу какое-нибудь сокровище, — твердо сказала Мадлен.

Толстый гoblin вырывался из ее хватки, но Мадлен, задыхающаяся и разъяренная, с растрепанными от танца черными волосами, крепко держала его.

— Воры, — сказал Грим, раздраженно топнув своей маленькой ножкой.

— Я отдам тебе сокровище, — прошептал тощий Голубчик, — пожалуйста, не убивай моего Грима.

— Я не собираюсь его убивать, — возмущенно сказала Мадлен.

— Она могла бы, — резко сказал Хьюберт, — она непредсказуема. Моя жена всегда убивает людей. Тебе лучше заполучить это сокровище как можно быстрее.

Голубчик нырнул к менгиру так быстро, что Хьюберт от удивления отпустил его. Отбросив лопату в сторону, тощий гoblin начал копать руками, поднимая фонтанчик песка, как восторженный пес. Он появился с маленьким, окованным железом сундучком размером с кочан капусты.

Мадлен и Хьюберт обменялись взволнованными взглядами, и Грим начал сердито пинать землю.

— Ну что ж, — сказал Хьюберт, беря сундук и ставя его на землю, — давай посмотрим, хорошо?

Петли открылись с ржавым скрипом, и крышка откинулась.

Мадлен слегка ахнула. Ее хватка на толстом гоблине ослабла, и он вырвался, подбежав к своему спутнику, где они обнялись, как будто были разлучены на несколько недель, и

уоставились на супружескую пару.

— Почему они крадут у нас наши сокровища, Грим? — жалобно спросил Голубчик.

— Мерзкие, ужасные люди, — мрачно сказал Грим, — они монстры.

Хьюберт помешал содержимое сундука своими сильными пальцами, перебирая старинные золотые монеты. Он положил на ладонь синюю раковину и осколок зеленого стекла, а затем протянул гоблинам разбитую раковину ормера. Перламутр внутри поблескивал в свете камина.

— Почему это здесь? — спросил он.

Грим в ужасе прикрыл рот рукой.

— Видишь, как он жаждет драгоценных сокровищ, Голубчик? — прошептал он сквозь свои скрюченные пальцы. — Он хочет все блестящие вещи, ужасный вор.

— Эти? — Хьюберт наклонил голову. — Однако, они ничего не стоят.

— О, ужасные люди, лжецы и воры, мы должны были съесть их, Голубчик. Им никогда нельзя доверять. Посмотри, как у этой девушки на горле стоит королевский выкуп, но она все равно хочет большего!

Мадлен поднесла руку к своему ожерелью из раскрашенных деревянных бусин и приподняла бровь.

Хьюберт нахмурился и бросил блестящие предметы обратно в маленький сундучок.

— Все, что блестит, — это не золото, — сказал он Мадлен, показывая маленький самородок дурацкого золота, который можно было бы найти выброшенным на берег. Он видел, что она тоже поняла, что гоблины похожи на сорок. Они искали и хранили блестящие предметы. Для них тот факт, что некоторые из них стоили целое состояние в человеческом мире, был случайным и неважным. Красивая раковина для них стоила столько же, сколько рубин.

Хьюберт прочистил горло.

— Я только имел в виду, что по сравнению с волшебным ожерельем моей жены эти вещи стоят очень мало.

— Ожерелье с сокровищами? — спросила Мадлен, а затем быстро кивнула: — О, ну да, конечно, оно очень ценное, потому что оно... — она в отчаянии посмотрела на Хьюберта.

— Поможет вам найти сокровище, — спокойно закончил Хьюберт.

— Я полагаю, вам бы это понравилось? — надменно спросила Мадлен у гоблинов, положив руку на бедро.

— Такое редкое сокровище, — прошептал Грим.

— Иногда мы просыпаемся утром, а там сокровища, просто разбросанные повсюду, — добавил Хьюберт. — Половину времени мы не знаем, что с ними делать.

Голубчик закрыл глаза в экстазе от этой мысли.

— Честно говоря, мне это надоело, — сказала Мадлен. — Сокровища разбросаны повсюду, создавая беспорядок. И вот мы снова здесь, с большим количеством сокровищ, — она нетерпеливо указала на сундук, — а сама я по-настоящему равнодушна только к золоту.

— И бриллиантам, — быстро добавил Хьюберт, поднимая драгоценный камень размером с горошину, — почему, я думаю, ты бы с удовольствием поменяла это раздражающее ожерелье, не так ли, Мадлен? Если бы только кто-нибудь захотел его.

Пальцы Голубчика дрогнули, и Грим начал громко шептать на ухо своему спутнику.

— Ну, я не могла бы просто отдать его, — осторожно сказала Мадлен, — в конце

концов, у него есть некоторая сентиментальная ценность.

— Очевидно, — торжественно сказал Хьюберт.

— Десять золотых монет и бриллиант за ожерелье с сокровищами! — крикнул Грим.

— Да ведь это было бы ограблением среди бела дня! — запротестовал Хьюберт.

— Пятнадцать монет и два бриллианта!

— Я не могу принять меньше трех бриллиантов, — сказала Мадлен. — Я упоминала, что это имеет сентиментальную ценность?

— Пятнадцать золотых и все эти дурацкие скучные бриллианты? — предложил Грим.

— Идет! — Мадлен расстегнула свои расписные деревянные бусы и бросила их Голубчику, который ласкал каждую бусинку, как драгоценные четки.

Хьюберт отсчитал монеты и положил в карман четыре бриллианта.

Мадлен внезапно села и негромко рассмеялась.

— Что ж, — сказал Хьюберт слегка дрожащим голосом, — было приятно иметь с вами дело, джентльмены. Я бы пожал вам руки, но боюсь, что вы можете откусить мне пальцы.

Он медленно передал маленький сундучок с сокровищами Гриму. Маленький гоблин обхватил его руками, словно защищая, и понюхал.

Голубчик благоговейно застегнул ожерелье Мадлен на своей тощей шее и обнажил клыки в довольной ухмылке.

— А теперь пойдем домой, — сказал Грим, засовывая сундук с сокровищами под мышку и протягивая руку, чтобы пожать руку Голубчику. — Мне не нравятся эти большие монстры, они грубые.

Голубчик коротко, резко кивнул и полез в свою набедренную повязку, доставая маленький толстый камень с символом якоря на нем.

— Что это? — спросил Хьюберт, но как только слова слетели с его губ, Голубчик ударил маленьким камнем по менгиру, и гоблины исчезли.

— Куда они делись? — удивленно спросила Мадлен.

Хьюберт стоял с открытым ртом.

— Хью? — спросила Мадлен, затем легонько встряхнула его. — Хьюберт? Что случилось, ты знаешь?

— Они вернулись в сказочную страну, — благоговейно прошептал Хьюберт. — Есть путь через стоячие камни, как дверной проем, и если...

— Могу я взглянуть на бриллианты, пожалуйста? — прервала его Мадлен.

Хьюберт порылся в карманах и передал сокровище гоблинов жене, не отрывая глаз от менгира.

— Если бы мы могли найти способ пройти... если бы у нас был один из этих маленьких камней...

— Нет! О, пожалуйста, больше никаких больших камней, Хьюберт? — взмолилась Мадлен. Затем она разразилась раскатом смеха: — О, любовь моя! Мы богаты! Мы можем починить лодку, и мы можем позволить себе поесть в таверне несколько вечеров, если захотим. О боже мой, я могла бы купить новое платье! Красное, я всегда хотела красное платье!

Хьюберт рассмеялся, увидев, как глаза Мадлен наполнились счастливыми слезами.

— Думаю, у тебя могло бы быть гораздо больше, чем одно новое платье, любимая! О, и мы наконец-то сможем приобрести обручальные кольца, мы можем сделать их из одной из золотых монет!

Мадлен слегка взвизгнула от восторга и запрыгала вверх-вниз, прежде чем поморщиться от того, как болели ее ноги.

— Тебе следует почаще водить меня на танцы, — сказала она, обнимая его.

— Теперь мы можем ходить танцевать, когда ты захочешь, только... может быть, не в течение недели или около того, пока мои волдыри не заживут? Я так устал, — добавил Хьюберт, крепко прижимая ее к себе.

— О, Хьюберт! Ты совсем не спал. Давай, снимем с тебя сапоги и уложим в постель.

Хьюберт проснулся с улыбкой под звуки счастливого мурлыканья. Призрак волшебной мелодии, которую гоблины пели прошлой ночью, за исключением того, что она была напета тихим голосом Мадлен.

— Доброе утро, моя леди жена, — сказал он, зевая, — чем ты занимаешься?

Мадлен оторвалась от того, что она делала, и улыбнулась.

— Я была на берегу и теперь полирую наши медяки.

Хьюберт сел и увидел, что Мадлен собрала небольшую кучку ярких ракушек и кусочек кварца. Рядом с ними лежала небольшая кучка медных монет, которые они привезли с собой, некогда все их мирское богатство, теперь отполированное до блеска, так что они выглядели свежоотчеканенными.

— Сокровище, — объяснила Мадлен.

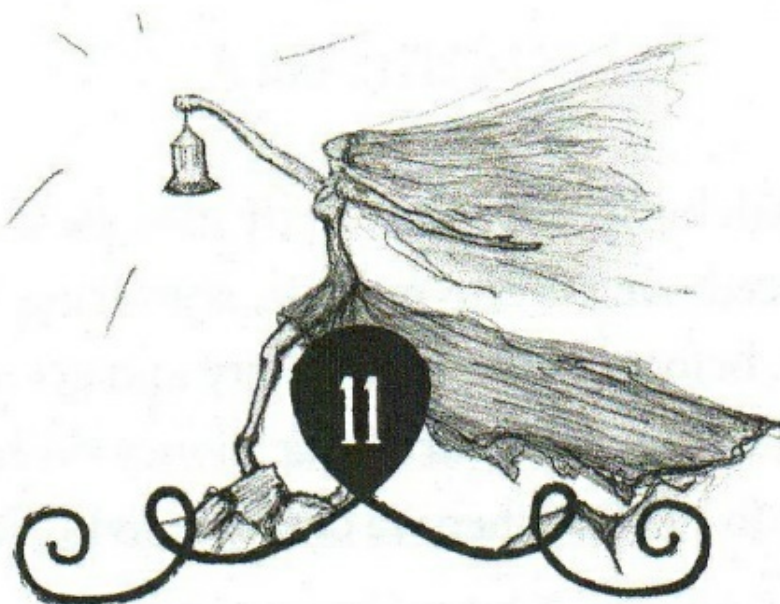
— Для гоблинов?

— Да, я собираюсь оставить его у менгира для этих ужасных маленьких созданий. Они сделали меня такой счастливой, что я чувствую, что должна сделать что-то для них взамен.

— Ну, я не против совершить путешествие туда, чтобы время от времени оставлять им какие-нибудь блестящие вещицы. Кажется, самое меньшее, что мы можем сделать, это дать им почувствовать, что они заключили выгодную сделку.

— Вот именно! Я тоже куплю им красивые стеклянные бусы, — Мадлен встала и, пританцовывая, подошла к менгиру, разбрасывая блестящие предметы вокруг его основания, прежде чем крикнуть: — Скорее вставай, Хью! Я хочу вернуться домой и начать тратить все наши деньги на легкомысленную роскошь, такую как одежда и еда. И тогда мы сможем начать жить долго и счастливо.

THE PRINCE AND THE PRINCESS

Принц и принцесса

Шторм бушевал с такой яростью, что у Брендана не было никакой надежды управлять кораблем. Они спустили паруса и привязали корабельный штурвал. Теперь команда, промокшая и дрожащая, цеплялась за мачту и поручни. Дождь лил так сильно, что Брендану было трудно держать глаза открытыми, чтобы наблюдать за бушующим морем впереди.

Их корабль «Морской волк» направлялся на Джерси и в гавань Гуднайт-Бей, когда над ними сгустилась тьма и разразилась раскатами грома. Хотя они, вероятно, безнадежно сбились с курса, молодой капитан ничего не мог поделать, кроме как вознести безмолвную молитву о том, чтобы они не оказались перевернутыми. На борту, считая экипаж и пассажиров, находилось двадцать три души.

Брендан привязал себя к штурвалу корабля и цеплялся за него с мрачной решимостью, его одежда и короткие темные волосы промокли насквозь, прилипая к холодной коже. Он слышал, как других людей тошнило, но ужас скрутил его собственный желудок в тугий узел. Когда молния разорвала небо, Брендан напряг свои темно-синие глаза, чтобы увидеть, есть ли впереди скалы, но едва мог видеть дальше волчьей головы. Хлещущий штормовой дождь искажался перед его глазами в очертания лица и фигуры на ветру, как будто какая-то злая сила управляла бурей. Он чувствовал себя очень маленьким на плаву в бушующем океане, во власти непостоянной ярости природы, когда завывала штормовая песня.

Молния прочертила в небе еще одну зазубренную белую дыру. Резкий свет превратил сцену в монохромное изображение, которое горело на его сетчатке. Измученные лица его

людей и вздымающиеся волны были неподвижным видением перед его глазами, независимо от того, были они закрыты или открыты, вызываясь неподвижные, несмотря на тошнотворную качку и рыскание корабля.

Он моргнул, трясая головой, пока изображение не начало исчезать, и предположил, что крошечная точка света, танцующая вдалеке, была не более чем отпечатком на его сетчатке. Корабль накренился и вздыбился, нырнув во впадину волны вдвое выше мачты, а затем поднялся вверх, чтобы преодолеть стену воды и зависнуть в воздухе на одно тошнотворное мгновение, прежде чем снова рухнуть вниз. Бревна скрипели и стонали, как будто сам корабль был живым существом, и Брендан гадал, сколько еще сможет выдержать его «Морской волк», прежде чем его разорвет на части. Хорошая погода была предсказана и ожидалась. Он был уверен. Он всегда был уверен.

Брендан снова увидел точку света, а затем, когда молния снова заплясала над головой, темные очертания суши над бурлящими волнами.

— Эй, земля! — крик первого помощника Тревора Флинна почти потонул в реве ветра.

— Боже, помоги нам, — прошептал Брендан, когда корабль накренился с выворачивающим живот наклоном и развернулся, поднявшись с кормы почти вертикально, когда волна обрушилась на палубу. Брендан услышал крик мужчины, когда его унесло прочь, звук резко оборвался, когда он погрузился под воду. Он не чувствовал ни севера, ни юга, когда корабль снова развернулся, и теперь понятия не имел, где они находятся по отношению к неровному берегу. Направление почти не имело значения, так как он не мог надеяться вырваться против мощи океана. Он изо всех сил старался просто держаться за штурвал корабля, чтобы его не смыло за борт. Брендан рискнул поднять окоченевшие от холода пальцы к жилетному карману и нащупал знакомую форму золотого кольца, которое он носил, все еще защищенное от шторма. Это было обручальное кольцо для его невесты, Колин. Брендан гадал, увидит ли он ее когда-нибудь снова.

Взорвалась молния, вспышка и гром слились воедино, и Брендан снова увидел скалы, вздымающиеся впереди. Они наверняка разобьются о скалы, когда шторм подтолкнет их ближе.

Именно тогда он увидел ее. Источником танцующего света была девушка, державшая фонарь, когда она прыгала, грациозная, как кошка, по камням у подножия утеса. Брендан подумал, что, возможно, она взывает к ним. В ветре чувствовалась жуткая сладость, звук, которого раньше не было.

Сильный удар оторвал его руку от руля, и только веревки, привязывающие его к нему, удержали мужчину от того, чтобы его швырнуло, как тряпичную куклу. Корабль дернулся, как дикое животное, и звук и взрыв трескающегося дерева сказали ему, что они ударились о скалы. Огромная волна подняла их и швырнула ближе к скалам.

Брендан понял, что сейчас они, должно быть, набирают воду. Внутренности корабля заполнятся, и их потащит вниз. Те моряки, которых не утащило под воду вслед за тем, боролись с волнами до тех пор, пока их силы не иссякли или их тела не были разбиты и разорваны о зазубренные скалы.

Брендан обнаружил, что лежит почти плашмя на деревянном колесе, когда нос «Морского Волка» опустился вниз. Он увидел одного из своих людей за бортом, лицо которого было бледным, как смерть. На мгновение Брендану показалось, что он почти может протянуть руку и коснуться руки этого человека. Это был Итан, понял он, а затем волна подняла корабль, и Итан пропал.

Он снова мельком увидел танцующий свет. Он увидел за фонарем женщину, которая держала его. Ее волосы, белые, как морская пена, длинные и шелковистые, мокро развевались вокруг нее во время шторма. Тонкое промокшее платье бледно-зеленого цвета прилипло к ее телу. Ее тонкие руки потянулись к нему, и он почувствовал отчаянную потребность добраться до берега. На мгновение он подумал о том, чтобы отвязать веревку, привязывавшую его к штурвалу, и нырнуть за борт, чтобы попытаться доплыть до нее, но здравый смысл возобладал.

«Иди ко мне», позвала она, и ее голос был голосом ветра. Она побежала и прыгнула со скал, и Брендан понял, что она достигла небольшого галечного пляжа, узкой безопасной гавани между двумя угрожающими утесами из темного камня.

Вытащив нож из сапога, Брендан распилил мокрые веревки, которыми был привязан к штурвалу. Те вырвались с такой силой, что чуть не швырнули его на палубу. С силой, о которой Брендан и не подозревал, что она у него осталась, он встал у руля. Штурвал боролся с ним, как одержимое существо, когда корабль накренился правым бортом к скалам.

Его глаза искали женщину. Она стояла, промокшая и продуваемая ветром, по колено в прибое, широко раскинув руки, словно ожидая его объятий.

«Приди ко мне», ее голос был почти песней, такой полный жизни. Ее полные, красные губы обещали безопасность, тепло и многое другое. Она тосковала по нему; он слышал это в ее голосе.

Мимо Брендана пробежал матрос, поскользнувшись на мокрой палубе и чуть не упав, когда он скинул ботинки и нырнул головой вперед в море. Нос Морского волка приподнялся на волне, а затем раздавил его при падении.

— Иди ко мне, иди ко мне, иди ко мне...

Ее голова была запрокинута, ручейки воды стекали по ее шее, между грудей и вниз по ногам, когда морские брызги хлестали вокруг нее.

Брендан потянул штурвал, вскрикнув от усилия повернуть руль.

— Иди ко мне, иди ко мне сейчас же!

Корабль содрогнулся от прилива и начал медленный разворот. Возможно, слишком поздно. Волны разворачивали корму, угрожая разбить ее бортом о скалы.

— Поворачивай, ублюдок! — крикнул Брендан, и каким-то образом корабль начал приближаться к берегу. Теперь он мог видеть женщину так ясно, ее приоткрытые губы, мокрые от дождя, ее длинные ноги, едва скрытые прозрачной пленкой платья. Был виден каждый изгиб ее бледного тела, а глаза, казалось, горели холодным огнем. Последовала вспышка света, и он увидел, что ее глаза были насыщенного сине-зеленого цвета коварного океана. Она была бледна, как труп, как недавно утонувшая женщина. Ей, должно быть, так холодно. Он не доверил бы лодке добраться до берега. Он поплывет к ней.

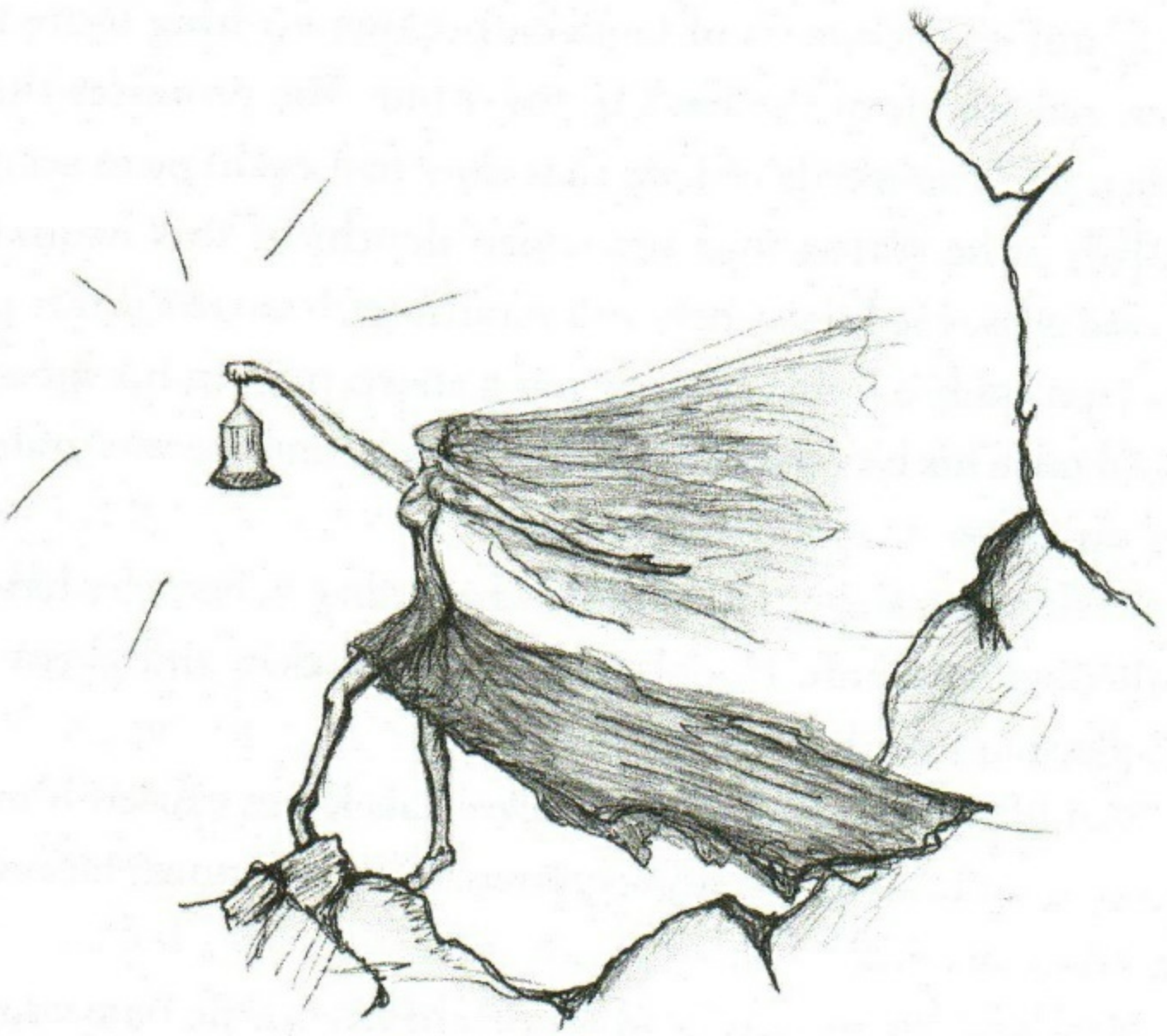
Мысли о Колин улетучились, как далекий сон, когда штормовая песня шептала и ревела. Когда Брендан отпустил руль, нос лодки врезался в берег под волнами и резко накренил заднюю часть лодки вправо, где она врезалась в камни у основания утесов. Удар с силой отбросил Брендана с корабля в прибой. Когда он погрузился в воду, его обдало холодом, а в ушах зазвенел шум воды. Он приподнялся над поверхностью, смагивая морскую воду с глаз и отбрасывая темные волосы с лица, чтобы увидеть, как корабль, покачиваясь, приближается к нему. Задыхаясь и борясь с течением, Брендан повернулся и оттолкнулся, но отступающие волны потащили его обратно. Его нога ударилась о скользкую гальку под ним, и ему удалось остановить свое продвижение, затем его отбросило вперед, когда новая волна обрушилась на

него, сбив с ног. Он наглотался воды и вынырнул, кашляя, с трудом продвигаясь вперед, преодолевая беспорядочное сопротивление течения, мокрые камни предательски скользили под его ботинками.

Корабль застонал позади него с треском ломающихся досок. Оглянувшись, Брендан увидел, что он неумолимо надвигается, чтобы раздавить его, и, когда мужчина отпрянул назад, нос снова врезался в берег и остановился. Фигура рычащего деревянного волка остановилась в нескольких дюймах от его лица. Издав вздох, похожий на смех, Брендан повернулся и направился сквозь воду к суше. Чье-то тело ударилось о его бедра, и Брендан вцепился пальцами в воротник мужчины, прежде чем его успело смыть. Он вытащил тело на берег, покачиваясь от прилива, и в изнеможении упал на колени на мокрую черную гальку пляжа.

Мужчина, которого он вытащил из воды, один из пассажиров, начал задыхаться и его вырвало. Брендан поискал глазами бледную женщину, которая привела их на сушу. Слева от него стояла она, все еще протягивая руки к волнам, в то время как мужчины пробирались к ней сквозь прибой. Она вышла из воды, проталкиваясь мимо тел погибших и тонущих, игнорируя призывы тех, кто не умел плавать. Тела барахтались в волнах, их свободные конечности болтались, как у марионеток с натянутыми нитями.

Стройный и бледный молодой человек сидел, скрестив ноги, на большом плоском камне позади нее. Белый камень лежал, как упавший монолит, резко выделяясь на фоне черной гальки пляжа. Брендан заметил его только тогда, когда мужчина небрежно развернулся и спрыгнул со своего насеста. Не обращая внимания на наряды, которые он носил, молодой человек без спешки вошел в океан и начал вытаскивать живых людей и тела на берег. Он с легкостью поднимал людей гораздо крупнее себя и бесцеремонно сбрасывал каждого матроса на темную гальку, прежде чем перейти к следующему.

Один измученный моряк добрался до женщины на четвереньках. Он схватил ее за ноги, пальцы слабо теребили тонкую ткань ее платья. Охваченный внезапной силой, рожденной ревностью и негодованием, Брендан с трудом поднялся на ноги и шагнул вперед, камни захрустели под его ботинками, чтобы прижать мужчину к земле.

— Миледи, — прошептал он, опускаясь на колени перед женщиной, — меня зовут Брендан Вульф. Вы спасли меня. Вы спасли нас всех.

Она посмотрела на него сверху вниз своими холодными глазами и рассмеялась, как будто он сказал что-то очень забавное.

— Мне нравятся волки, — сказала она, и ее пьянящий голос обрушился на него, как теплая волна.

Брендан поднес ее руку к губам и страстно поцеловал ледяные пальцы. Этого было недостаточно. Никогда ничего не будет достаточно. Страсть захлестнула его, и он встал, чтобы заключить ее в объятия. Ее красота была безупречна. Черты ее лица были такими тонкими, что казались высеченными изо льда рукой мастера. Ее глаза, прикрытые снежными ресницами, были холодны, как море, охваченное штормом. На ней не было никаких украшений, кроме простого ожерелья из белой ленты с резным каменным кулоном. Ее рот, красный, как свежая рана, был изогнут в приглашающей улыбке.

Воспоминания Брендана о Колин стали не более чем постоянной щекоткой в глубине его сознания. Обещания, которыми они поклялись, и слова любви, которыми они обменялись, казались такими глупыми, когда он смотрел в океанские глубины бирюзовых глаз этой женщины. Он поцеловал ее холодные губы с чувственной силой, притягивая ее стройное тело к своему. Он почувствовал острую боль во рту и почувствовал вкус своей крови в том месте, где она его укусила. Он был благодарен ей за жестокость.

Он снова отстранился, чтобы посмотреть на нее, восхититься ею. Ее красные губы широко улыбнулись ему. Его кровь была у нее на подбородке и блестела на острых, как иглы, зубах.

Внезапный резкий удар сзади по коленям заставил его упасть, ударившись головой о каменистую землю. Он лежал, оглушенный, лицом вверх на черной гальке.

— Брат, — укоризненно сказала женщина бледному юноше, который стоял над Бренданом с презрением в глазах.

— Не играй с едой, Селена, — вяло ответил мужчина. Наклонившись, он нежно поцеловал ее и слизнул кровь Брендана с ее губ. — Оставь этого глупого ребенка и помоги мне с остальными, — добавил он.

Ошеломленный Брендан наблюдал, как бледные брат и сестра работали вместе, вытаскивая живых и мертвых из моря. Когда один из матросов попытался вырваться из хватки бледного брата, юноша бросился вперед и вонзил свои острые зубы в горло мужчины. Моряк вскоре затих.

Селена поднимала взрослых мужчин без усилий, ее худые руки легко справлялись с мертвым весом трупов и цепкими руками живых. Многие из них страстно тянулись к Селене, и она крепко целовала их, пока они не падали, окровавленные и ошеломленные. Брендан сгорал от ревности, даже когда его тело сотрясала сильная дрожь. Он был мокрым и продрогшим, и умирающий ветер пронизывал его промокшую одежду, как холодный нож.

Его рот онемел в том месте, где Селена укусила его. Его лицо покалывало, и он не мог найти в себе сил встать или даже пошевелиться. Он хотел подойти к этой женщине, объяснить ей свою внезапную любовь, но странный паралич не покидал его тела.

Буря утихла так же быстро, как и поднялась, и наступил холодный и серый рассвет. Волны успокоились, пока бледные брат и сестра работали. Брендан мог видеть их время от времени краем глаза, они исчезали из поля зрения, когда уносили моряков через скалы, а затем возвращались. По большей части он просто смотрел вверх, на холодное небо и холмы. Штормовые вороны висели на затихающем ветру, их хриплые крики смягчались шипением прибоя. Выгоревший красный цвет сухого вереска и очертания черно-красных скал над ним начали казаться знакомыми. Он понял, что они были очень близки к своему первоначальному пункту назначения. Он лежал на маленьком пляже под скромными утесами Сорел-Пойнт на севере острова. Они находились недалеко от предполагаемого места назначения Морского Волка — бухты Гуднайт, которую франкоговорящие жители Джерси называли *Vonne Nuit*. Он находился в нескольких минутах ходьбы от таверны Ла Фонтен, где он и его команда часто останавливались, чтобы выпить подогретого сидра. Вероятно, они находились всего в нескольких шагах от пещер, которые он и его команда использовали для хранения своего драгоценного груза контрабандистов. Груза, который теперь был разбросан или разбит под волнами. Его корабль был уничтожен, и он лишился средств к существованию. Его команда была мертва и умирала в воде, но если бы Селена только поцеловала его снова, тогда все это стоило бы того.

Руки скользнули ему под спину, и его взгляд внезапно изменился, когда его подняли сильные руки и понесли, как новорожденного младенца. Бледный мужчина, который поднял его, без всяких раздумий встряхнулся и пошел трусцой. Неестественное оцепенение Брендана лишило его сил даже поднять голову или запротестовать. Он вздрогнул, когда брат Селены запрыгнул на камни у подножия утеса и двинулся вперед с такой же неестественной легкостью, как и его сестра. Брендан зажмурился, ожидая, что в любой момент его небрежно уронят на зазубренную вулканическую породу.

Затем его бросили. Последовал ужасающий момент невесомой дезориентации, а затем волна холодной воды с оглушительным ревом сомкнулась над головой Брендана. Его руки рефлекторно дернулись, но мышцы не слушались. Он погрузился, задержав дыхание, затем начал медленно подниматься к поверхности, воздух в легких придавал ему плавучесть. Всплеск перепуганного адреналина, несущегося по его венам, позволил ему сделать едва заметное подергивание конечностями. Этого было едва достаточно, чтобы достичь поверхности, но каким-то образом его лицо коснулось воздуха, и он резко выдохнул, вдохнул и снова погрузился под воду. Когда пузырьки вокруг него рассеялись, Брендан увидел в темной воде переплетение конечностей. Тела других моряков. Когда он всплыл на поверхность, у него защипало глаза, и он увидел, что его выбросило не обратно в океан, а скорее в большой, глубокий, прямоугольный каменный бассейн, вырубленный в скале. Было ли это вырезано рукой человека, или природой, или чем-то еще, он не мог быть уверен. Теперь он был заполнен ужасающим супом из мертвых и умирающих людей.

Брендан попытался закричать. Он смог только слабо хрипнуть горлом, прежде чем снова погрузиться. Он был беспомощен под голубой водой и медленным вспениванием трупов. Воздух обжигал его легкие. Его нога запуталась в одежде кого-то мертвого под ним, и когда его тело поднялось к свету, это закрепило его. Если бы у него только была сила пошевелить ногами, он был бы свободен, но даже с охватившим его безумным страхом смерти он не мог найти в себе сил.

Вода заполнила его нос и рот. Темнота начала сужать его поле зрения, а затем над ним появился силуэт. Бледная рука потянулась вниз, вцепилась в его короткие волосы и вытащила его из воды.

— ...ты когда-нибудь просто слушал меня, Ариан? — с раздражением говорила Селена. — Я же говорила тебе, что хотела бы оставить его у себя на некоторое время. Он симпатичная игрушка, тебе не кажется?

Отплевываясь и задыхаясь, когда его швырнули на камни, Брендан осознал, что бледный мужчина смотрит на него с чем-то меньшим, чем восхищение в глазах.

— О, правда, брат! Скажи мне, что ты не ревнуешь?

Ариан фыркнул:

— Вряд ли он подходящий супруг для принцессы, сестра. Я не заберу твою любимую утонувшую крысу, но ты можешь сама отнести ее к камням, если захочешь вернуть домой живым. Я начинаю уставать таскать этих тварей. Думаю, здесь их достаточно, чтобы какое-то время нас хорошо кормили.

— Согласна, — она положила Брендана на камни и откинула его мокрые темные волосы со лба. — Ну вот, — сказала она, — ты вернешься со мной в мой дом. Тебе бы это понравилось, не так ли?

Сердце Брендана сжалось от страха и радости. Она рассмеялась, увидев все это в его голубых глазах, и показала свои злые зубы.

Повернувшись обратно к брату, она продолжила:

— На пляже есть несколько человек, которые достаточно бодры, чтобы судить, хочешь ли ты играть сейчас, Ариан.

— Это был прекрасный урожай.

— Тогда твои серые могут хоть раз наесться досыта, Ариан.

— Тогда позови Уату, Селена, — улыбнулся бледный мужчина. — Он предпочитает свежее мясо и крик, но обязательно скажи ему, что твоя маленькая крыса под запретом, — он рассмеялся, звук был похож на треск льда.

Принцесса раздраженно рассмеялась, глубоко вздохнула и, запрокинув голову, издала жалобный вой. Этот звук заставил Брендана задрожать до глубины души; ему захотелось свернуться в клубок и спрятать лицо в ладонях. Звук проник глубоко внутрь него и коснулся места ужаса, которое он запирает вместе с детскими страхами, кутаясь под одеяла темными ночами, когда скрипели половицы, и его сны были полны монстров. Если раньше ее голос был языком бури, то теперь это было нечто совершенно более ужасное и звериное. Ему удалось тихо ахнуть, а затем еще раз, когда его лицо внезапно оказалось в ее жестких, костлявых пальцах.

— Я напугала тебя, моя игрушка? — тихо спросила она. — Нет, тише, я знаю, что ты не можешь говорить. Ты достаточно скоро восстановишь свои силы.

Брат и сестра двинулись обратно к пляжу, стремительные с нечеловеческой грацией. Тени двигались среди деревьев вдоль края пляжа, но Брендан не думал, что это были люди.

Из-за деревьев донеслись завывания, которые были глухим эхом голоса женщины. Сильная дрожь начала сотрясать тело Брендана, когда волки вышли из зеленых теней. Звери были почти в два раза больше всех, кого он видел раньше. Волчья стая была серой, за исключением четырех чисто белых. Волки начали набрасываться на людей на берегу, мертвых и умирающих, разрывая их, как голодные собаки, когда принц и принцесса шли среди них. Огромное существо, размером с медведя и идущее прямо, как человек, последовало за остальными. Он остановился, чтобы посмотреть на барахтающуюся волчью голову на носу разбитого корабля Брендана, затем опустил свою огромную голову и начал лакомиться телом одного из живых моряков.

Обнаружив, что у него наконец-то есть силы пошевелить головой, Брендан отвернулся и закрыл глаза, но он не мог заглушить крики. Он должен спасти Селену от этого, решил он. Она, конечно, не могла понять того ужаса, частью которого была.

— Капитан, — прошептал настойчивый голос, а затем более громко: — Черт возьми, Брендан, открой глаза.

Брендан моргал и прищуривался, пока не увидел Тревора Флинна, человека, который был опытным парусником еще до рождения Брендана.

— Послушай, парень, — голос Тревора дрожал. Он плавал лицом вверх, как будто утонул в бассейне, но его глаза блестели, а кулак был крепко сжат вокруг серебряной рукоятки кинжала, лезвие которого почти не было видно под водой.

— Мне придется удирать, парень, — мрачным шепотом сказал Тревор. — Время притворяться мертвым прошло. Ты у них в плену, мальчик, так что я не могу взять тебя с собой. Видит Бог, я хотел бы это сделать. Ты такой же хороший капитан, как и все, с кем я плавал, и ты доставил нас на берег, но я не вижу, чем я могу тебе сейчас помочь, — старый моряк поднял голову, пока не увидел волков, и он поморщился.

— Юный Трент отправился за помощью, как только мы достигли суши. Он знает этот

остров. Он направился в монастырь на Донской ферме.

Эти слова имели смысл для Брендана, но он ничего не мог ответить, кроме как несколько раз моргнуть старому моряку.

— Удачи вам, капитан, — сказал Тревор Флинн, и со скоростью, которая противоречила его возрасту, он выбрался из бассейна в потоке воды, поднялся и взобрался по камням у подножия холма к крутому травянистому склону выше.

В течение нескольких секунд казалось, что ни одно существо на пляже не заметило старого моряка, а затем внезапно побежал волк, затем другой, затем третий. Их морды уже покраснели от крови, но лежащая еда была далеко не такой привлекательной, как та, на которую можно было охотиться. Уату поднял голову, с его челюстей капала кровь.

Ариан и Селена стояли на белом монолите, а моряк стоял на коленях у их ног. Меч Ариана был обнажен, и Брендан наблюдал, как он вонзил его в грудь моряка, а затем рассеянно пнул того в сторону. Брат и сестра грациозно сошли с белого жертвенного камня, чтобы понаблюдать за погоней.

Серые волки добрались до скал и набросились на старого моряка. Они миновали Брендана, неровно царапая когтями по камню, с челюстей капала кровавая слюна, и в считанные мгновения догнали Тревор Флинна. Развернувшись на месте, Флинн принял боевую стойку, пригнувшись, его серебряный кинжал яростно рубанул по первому существу, которое добралось до него. Визг, похожий на звук пинаемой собаки, сказал Брендану, что нож старика вошел в контакт.

— Правильно, вы монстры! — крикнул Тревор, его голос дрожал от страха. — Серебряный клинок. Я уже имел дело с нечистотами фейри раньше.

Волки начали кружить, рыча, и Тревору пришлось крутиться, чтобы держать каждого в поле зрения, когда они набросились со всех сторон. Они выскользнули из зоны досягаемости его кинжала как раз вовремя, каждый искал возможность добраться до него, пока он был отвлечен. Брендан понял, что это был всего лишь вопрос времени, когда они уложат Флинна.

Брендан попытался бороться с оцепенением в собственных конечностях и обнаружил, что может сжимать и разжимать руки, но помимо этого он не мог заставить свое тело реагировать. Он выругался в хриплом отчаянии и при этом обнаружил, что к нему вернулся дар речи.

Огромное существо-волк по имени Уату и бледные принц и принцесса не спеша двинулись к ним с выражением любопытства зрителей на представлении.

Старине Флинну каким-то образом удалось прижаться спиной к шипам одного из искривленных кустов утесника на холме, защищая свою спину, но не оставляя ему надежды на дальнейшее отступление.

Брендан съежился, когда Уату прошествовал мимо. Его огромные когтистые руки были размером с обеденные тарелки. Тревор Флинн и его серебряный кинжал казались абсурдно маленькими и хрупкими, когда Уату приблизился к нему. Со звуком, похожим на скрежет камня о камень, существо зарычало.

— Подойди еще ближе, и ты потеряешь глаз, грязная шавка, — закричал Флинн тонким от ужаса голосом. Теперь он держал серебряный кинжал перед собой скорее как защиту, чем как оружие.

Уату поднял огромную клешню, а затем с ревом отпрянул, как будто его ударили. Волк вскрикнул и, спотыкаясь, повалился на землю, скуля, со стрелой, торчащей из бока. Брендан увидел первую стрелу в плече Уату, прежде чем чудовищная клешня сжала ее в кулаке и

вырвала.

Стрелы посыпались на волков, когда Трент и группа монахов в черных одеждах появились на пляже. Все были вооружены луками. Трент был всего лишь юнгой, едва достигшим подросткового возраста, но он вступил в битву с волками на гальке с энергией бывалого воина.

— Молодец! — услышал Брендан крик Тренора Флинна и почувствовал, как его собственные онемевшие и окровавленные губы изогнулись в улыбке.

Рядом с ним раздалось злобное шипение, и Брендан, подняв глаза, увидел искаженное ненавистью лицо Селены.

— Стрелы с серебряными наконечниками? Как странно, — выплюнула она.

Ее брат внезапно оказался рядом с ней.

— Пора уходить, сестра, — сказал он без особого проявления беспокойства, — оставь крысу, ладно?

— Нет, — прорычала принцесса, — я не позволю, чтобы меня лишили моей игрушки.

Во второй раз Брендан обнаружил, что его дернули вверх и понесли, когда Селена перекинула его через плечо. Принц и принцесса с быстрой легкостью направились к подножию холма, затем начали подниматься.

Волки разбежались по деревьям с пляжа или мчались впереди неспешного Уату, взбирающегося на холм. Серебряные стрелы убили некоторых, и когда они умирали, их тела деформировались и скрючивались. Некоторые упали на землю мертвецами, другие превратились в тела более искаженных гуманоидных форм.

Брендан услышал крик ужаса Тренора Флинна, а затем высокий голос Трента с пляжа, когда мальчик понял:

— У них капитан!

Принц и принцесса не увеличили свою скорость. Их изящество было слишком быстрым, чтобы мужчины, мчавшиеся с пляжа, могли их поймать. Вывернув шею, Брендан лениво наблюдал, как монахи карабкаются по скалам в погоне. Его голова кружилась, когда он висел вниз головой на плече своей дамы, глядя вниз на крутой склон.

Лицо Флинна превратилось в маску смятения. Брендан пожалел, что не смог объяснить этому мужчине, что ему нужно быть с принцессой. Возможно, даже, подумал он с легким чувством вины, попросить Флинна передать сообщение своей невесте, объяснив, что он не смог провести свадьбу. До сегодняшнего дня он думал, что любит Колин. Он мог бы поклясться, даже когда началась буря, что никогда так сильно не заботился ни об одной женщине.

Они достигли вершины холма, и Брендана швырнули так же бесцеремонно, как мешок с картошкой, на дольмен из вертикальных белых камней. Они были совсем не похожи на естественный гранит утесов розоватого цвета и выглядели, как упавший монолит из белого камня на пляже, совершенно из другого места.

— Мой бедный дорогой брат, — лениво сказала принцесса, — у нас едва хватило времени, чтобы ты начал свои игры в суждения.

— Будут и другие времена, — сказал принц, пожимая плечами и раздраженно похлопывая себя по спине. — Где эта чертова штука? — пробормотал он, затем удовлетворенно воскликнул, вытаскивая из кармана куртки то, что, на первый взгляд Брендана, показалось камешком.

Ариан торжествующе поднял его, и Брендан увидел, что это кулон, похожий на

каменное ожерелье, которое носила Селена, только с другим символом.

Звуки погони становились все громче по мере того, как монахи карабкались вверх по крутому склону к дольмену. Они как раз показались из-за гребня холма, когда принц свободной рукой обнял сестру, и они встали над Бренданом. Селена взяла Брендана за руку, и он вздохнул от удовольствия.

Затем раздался звук, похожий на удар кулака по плоти, и тело Ариан внезапно исказилось. Селена издала неземной вопль, когда ее брат упал на колени и прислонился к белому камню с гримасой боли. Брендан увидел оперенное древко стрелы, торчащее из нижней части спины мужчины. Кровь, темная, как кларет, растеклась по тонкой, светлой ткани его одежды, когда он зашипел от дискомфорта.

— Прикоснись к камню, — приказала Селена и, сорвав с шеи шелковый шнурок, ударила каменным украшением своего ожерелья о белую скалу дольмена.

Брендан сделал, как ему было велено, и испытал ощущение, похожее на падение. Он отчаянно схватил принцессу за руку, но в одно мгновение все было кончено, и монахи исчезли.

— Куда они делись? — удивленно пробормотал Брендан.

— Никуда, — сказала принцесса, — это мы ушли.

Она наклонилась, чтобы позаботиться об Ариане, и выдернула оперенное древко из стрелы, схватив наконечник стрелы там, где он торчал из живота ее брата, она проткнула его насквозь и с отвращением отбросила в сторону.

— Эти жалкие дураки! — прорычал принц с яростью, которая заставила Брендана отшатнуться от него.

— Что? — Принцесса рассмеялась, нежно прикоснувшись своей окровавленной рукой к щеке Ариана. — Для тебя это всего лишь пчелиный укус, брат.

— Он выбил у меня ключ из руки!

Брендан огляделся в поисках каменного кулона, который держал принц, сказав:

— Но он не мог упасть далеко.

— Его здесь нет, дурак ты этакий! Он на другой стороне, — Ариан поднял руку, скрючив пальцы в клешню.

— Ты уверен? — Принцесса поймала руку принца прежде, чем он смог ударить Брендана.

— Его здесь нет, — крикнул Ариан с ноткой раздражения.

Оглядевшись вокруг, принцесса, казалось, поняла, что он был прав. Она начала ругаться так, что у Брендана отвисла челюсть.

— Неважно! — воскликнула она. — В конце концов, мы вернемся за ним. Но не сейчас. Я не хочу быть изрешеченной стрелами.

— Ты могла бы спеть для мужчин, — предложил Ариан.

— Нет, если у них есть серебро, брат, — мягко сказала она, опускаясь на колени рядом с принцем. — Не суетись, они не поймут, что у тебя за ключ, а Ангон все еще у нас, — сказала она, показывая свое собственное каменное ожерелье. — А теперь пойдем, Ариан, это была долгая ночь, и у тебя идет кровь.

Селена подняла Брендана и развернула его. Раньше там, где на вершине холма ничего не было, стояла белая башня.

— Добро пожаловать в твой новый дом, Брендан Вульф, — мягко сказала Селена.

Трент вскрикнул от ужаса, когда капитан и его похитители исчезли. Старый Флинн, с трудом переводя дыхание, упал на колени и начал прерывисто дышать, измученный восхождением.

— Мне жаль, — тихо сказал один из монахов.

— Куда они делись? — спросил Трент. — Они исчезли! Куда они делись?

— Они вернулись в страну фейри, парень, — прохрипел Тревор Флинн, — через старые камни. Капитан теперь потерян для нас. Он бы не вернулся, даже если бы мог. Он был в рабстве. Только это серебряное ожерелье Святого Николая на твоей шее остановило то же самое, что случилось с ним.

— Но почему? — Мальчик в замешательстве покачал головой: — Почему они забрали его?

— Кто знает, — сказал Флинн, присаживаясь на корточки, — кто знает, почему фейри делают то, что они делают? Хотя я никогда не видел ничего подобного. Никогда за все мои годы...

Флинн замолчал и просто покачал головой, глядя на море.

— Принц и принцесса — проклятие этого места, — тихо сказал один из монахов.

— Тогда почему вы ничего с ними не сделаете? — потребовал Трент. Он медленными шагами подошел к белокаменному дольмену и с недоверием оглядел его.

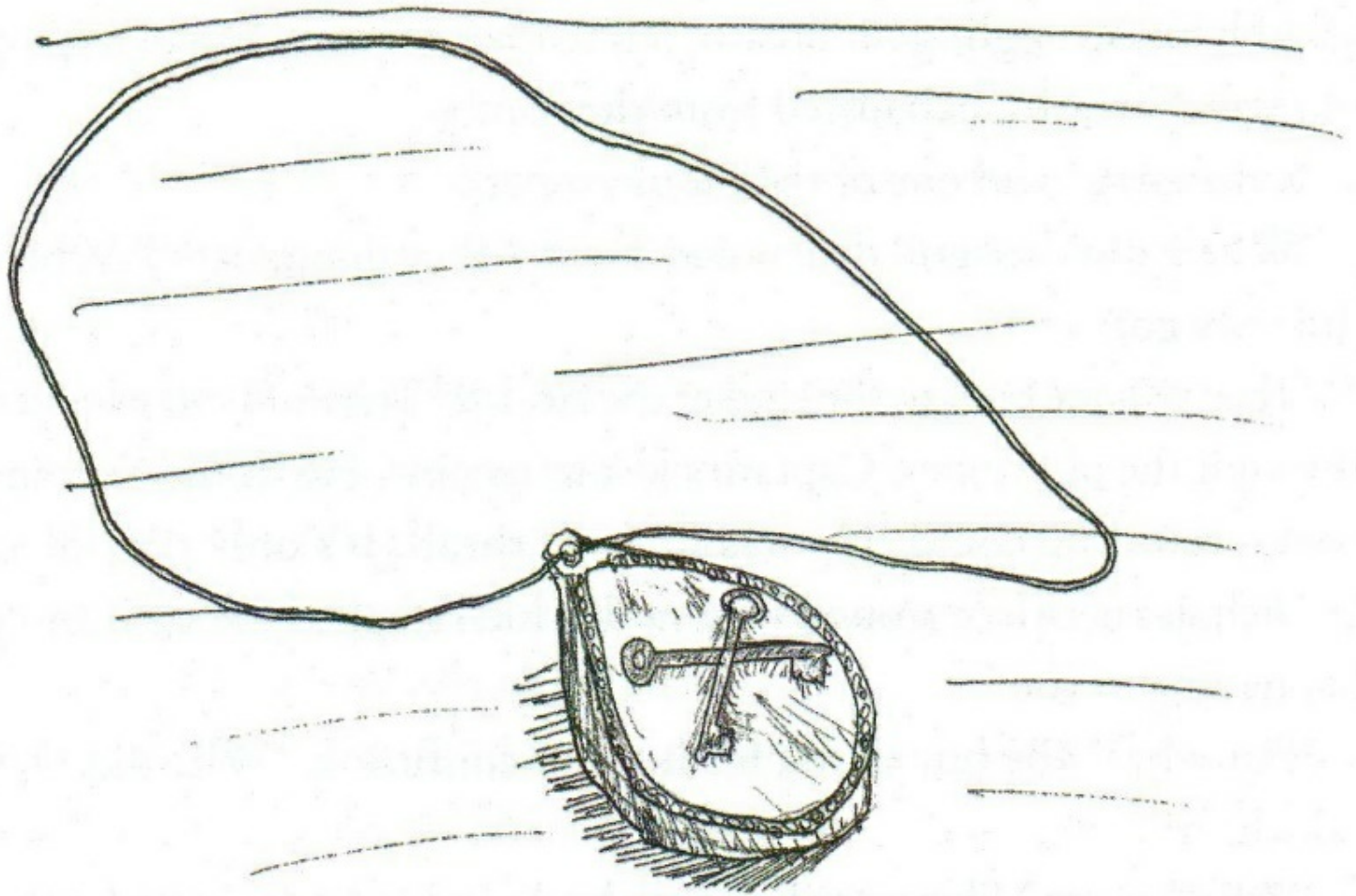
— Мы не знаем, как проследить, куда они ушли, — сказал монах, — их методы и средства нам недоступны. Они движутся сквозь старые камни, как будто это дверной проем, и когда они исчезают, все, что находится внизу, в проклятом бассейне, исчезает вместе с ними.

Флинн содрогнулся, вспомнив, как недавно он плавал в том же бассейне.

— Потеряны для нас, — повторил он про себя, подтягиваясь и медленно пробираясь к Тренту.

— Мы должны снести эти штуки и сбросить их с чертовой скалы, — сказал Трент, плюнув на дольмен.

Отблеск света от гладкого камня привлек внимание Флинна, и старый моряк с ворчанием наклонился и поднял камешек странной формы на цепочке. На поверхности был вырезан какой-то рисунок, но из-за того, что у Флинна были старые глаза, он не мог его полностью разглядеть. Он подумал, что, возможно, это тот самый камень, который принцесса носила на шее. Он взвесил его в руке и мрачно улыбнулся.

— Тогда давайте сделаем это, — прорычал Флинн, — давайте сбросим их.

Повернувшись, Флинн швырнул кулон со всей силы, забросив его далеко и высоко, так что он пролетел дугой над утесом и без звука упал в воду, где был поглощен морем.

Кулон Ариана оставался затерянным во тьме океанских глубин более пятисот лет. Сопротивление и волна приливов подняли и опустили Каменный ключ, чтобы он покоился в неглубокой расщелине холодной черной скалы глубоко под поверхностью. Постоянное движение океана разрушило и унесло белокаменный монолит и остатки дольмена, которые были сброшены выжившими с «Морского волка». Но проходили столетия, а Каменный Ключ не шевелился во тьме. Цепочка, прикрепленная к нему, заржавела и отвалилась, но резной отпечаток двух скрещенных ключей на его поверхности остался нетронутым и не истёрся от постоянной ласки бурлящих приливов. Он слабо поблескивал в свете, преломлявшемся сквозь безмолвные тяжелые сажени.

Со временем в мире стало теплее, поскольку человеческая промышленность медленно отравляла небо, а уровень моря начал повышаться. Рядом с Сорел-Пойнт был построен карьер для добычи ценного розового джерсийского гранита со скал. Ландшафт острова резко изменился и изменил приливы и отливы по мере того, как течения смещались вокруг побережья.

В ночь полнолуния, во время весеннего прилива, шторма, столь же мощного, как любая

буря, поднятая принцем и принцессой, прибор поднялся до небес. В самой высокой точке вздымающееся море вырвало Каменный ключ из его покоя и, закручиваясь, понесло обратно в объятия движущегося океана.

Шепчущие волны подняли подвеску, вращающуюся и сверкающую в воде, и постепенно, неумолимо, прилив начал вымывать забытый Каменный ключ обратно к берегу.

Заметки

СЭР ХЭМБИ И ДРАКОН

Впервые я услышал историю о сэре Хэмби и драконе от друга, который был членом труппы, разыгрывавшей эту историю в качестве комической пьесы для деревенского праздника. Она играла роль жены сэра Хэмби. Сэра Хэмби (точнее, сеньора Хэмби и «Легенде») сыграл наш друг с соответствующим именем Майкл Хэнби.

История сэра Хэмби, хотя и не очень хорошо известна, безусловно, более широко записана, чем большинство сказок Джерси, и имеет несколько версий. В 1896 году был даже опубликован роман под названием «Рыцарь и дракон», в котором пересказывается история с большим количеством прикрас и всепроникающей темой христианского прощения, но отсутствует какое-либо описание самой битвы.

Картина, изображающая битву между рыцарем и драконом, также появилась на двух марках Джерси в их серии «Фольклор» в 1981 году под названием «Легенда о Ла-Хуг-Бие». Дж. Х. Л'Ами в своей книге «Народные предания Джерси» выдвигает теорию, что легенда действительно может иметь некоторую основу в историческом факте, цитирую статью Э.Т. Николле в бюллетене Общества Джерсийцев о том, что «Дракон был символом язычества в христианском культе, и рыцари, убившие языческого вождя в битве, считались убившими дракона» (Jersey Folk Lore, стр. 38).

Однако эта легенда Джерси также имеет заметное сходство с более известной скандинавской легендой о Сигурде Истребителе, в которой Сигурд убивает дракона Фафнира. Во время этой битвы капля волшебной крови Фафнира попадает Сигурду в рот. Кровь дракона дает Сигурду способность понимать язык животных и позволяет ему услышать предупреждение от двух птиц о том, что его собственный неверный компаньон, злой карлик Регин, планирует убить его. Сигурд быстро убивает Регина и избегает трагической судьбы сэра Хэмби.

ЧЕРНАЯ СОБАКА ИЗ БОУЛИ БЭЙ

Таверна «Черный пес» существует уже много веков, и ее название является постоянным напоминанием о легенде, от которой она получила свое название. Возможно, по иронии судьбы именно торговля алкоголем заставила контрабандистов присвоить истории о черной собаке. Они использовали истории и костюмы, чтобы отпугнуть людей от своей незаконной деятельности, и таким образом сделали легенду знаменитой.

Есть рассказы о черном псе, изрыгающем огонь и нападающем на рыбаков или волочащем за собой цепь. Кажется, у него репутация вестника бури, но есть также сообщения о наблюдениях, в которых он мирно сидел у дороги.

Черная собака Боули Бэй — лишь одна из множества сверхъестественных черных собак, которые, по слухам, существуют на острове. Черная собака как образ, кажется, возникает в фольклоре с необычайной регулярностью: как штормовое предупреждение, как хранитель сокровищ или как Гримм, предвестник несчастий и смерти.

С таким хорошо известным призраком и без какой-либо конкретной легенды, описывающей его, я попытался использовать элементы из истории Джерси, чтобы создать что-то, что позволило бы черной собаке сохранить свою таинственную природу и в то же время затронуло использование контрабандистами легенды, которая помогла увековечить существо в фольклоре Джерси.

ВИОЖ

La Route à la Vie — это очень крутая и узкая тропинка в Сент-Питере, которая тянется между районом Сэнди-Брук и водно-болотными угодьями и, согласно легенде, является охотничьими угодьями уникального монстра из фольклора Джерси.

Деревня, по-видимому, не имеет реального сходства с каким-либо другим архетипическим существом в мифах и не может быть отнесена к определенному типу монстров. В своей книге «Фольклор Джерси» Дж. Х. Л'Ами цитирует более древний источник: «Voyage — это старофранцузское слово, означающее «призрак» — нечто пугающее и соответствующее наречию «*émânie*», пугало» (Jersey Folklore, стр. 177). От Л'Ами мы также узнаем, что, по слухам, у Виожа была пещера, куда он переносил своих жертв, чтобы съесть их.

Дж. Дж. Си Буа в своей книге предполагает, что диалектное происхождение самого слова «путешествие» может означать, что оно имеет такие коннотации, как «вялый» или «лишенный энергии» (Фольклор Джерси и суеверия: Том 2, стр. 2).

СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Почти наверняка одна из старейших легенд острова, сказка о фейри и церкви Святого Брелада, может датироваться 800 годом нашей эры, когда была построена часовня рыбаков. Сама древняя церковь была построена в 1200 году нашей эры и на протяжении веков подвергалась реконструкциям и пристройкам. Он остается поразительно красивым произведением архитектуры в месте выдающейся природной красоты.

Комическая поэма «Легенда о церкви Святого Брелада» из книги Томаса Уильямса «Легенды Джерси в стихах», опубликованной в 1865 году, представляет собой версию сказки, в которой фейри связывают надсмотрщика месье Грондена, как лилипуты в «Путешествиях Гулливера». Его унижение усугубляется, когда крошечная королева Мэб проезжает на своей колеснице по его лицу.

В других версиях есть феи или «маленькие свершения», сопровождающие камни убирают в свои фартуки, никем не замеченные. В эту историю я решил включить Белую леди (La Blanche Dame из фольклора Джерси), важную и хорошо известную фигуру в мифологии острова, которая, хотя и является эквивалентом королевы Мэб, имеет более доброжелательную репутацию и более нормальный рост. В то время как Белая леди Джерси включена в местную легенду в различных сообщениях о наблюдениях и ассоциируется с менгирами и стоячими камнями Пукеле или «волшебными камнями», ее таинственная природа означает, что ни один конкретный повествовательный миф не связан только с ней.

ПЯТЬ ИСПАНСКИХ КОРАБЛЕЙ

История о «Пяти испанских барках» — это еще одна легенда, которая была записана во многих формах. Личность главного героя меняется в разных версиях, иногда это старик, умоляющий спасти его внуку, иногда мать со своим ребенком. Иногда проклятие великой волны действует немедленно, но в большинстве версий истории оно исполняется через год или на следующий день после крушения кораблей. Он уникален тем, что позиционирует жителей Джерси как злодеев в пьесе, затрагивая практику преднамеренного крушения кораблей в опасном районе, где сейчас находится маяк Ла Корбьер. «La Corbriere» в переводе с французского означает «Ворон», и по этой причине я назвал головной корабль в рассказе.

Исторически легенда, по-видимому, относится к 1495 году, хотя неясно, какая доля правды может быть в истории о великой волне, разрушающей сушу.

Трудно смотреть на залив Сент-Оуэн и не гадать, как ландшафт сложился таким, какой он есть. Обширная территория, находящаяся далеко за пределами досягаемости прилива, покрыта песчаными дюнами, почти как пустыня.

ГОРА ВЕДЬМ

Рокеберг, известный в местных краях как Скала ведьм, является одним из немногих мест на острове, с которым связаны две отдельные и отчетливые легенды, обе очень хорошо известные. Огромная скала, выступающая из ландшафта, кажется, почти создана для того, чтобы будоражить воображение; хотя в некоторых случаях легенды, похоже, относятся не к захватывающему дух гранитному камню, поднимающемуся из земли вглубь материка, а к обнажению скалы вдоль берега.

Я попытался включить более простую «Сказку о тринадцатой рыбе» (которую Хьюберт описывает Мадлен) в более масштабную историю борьбы Мадлен за то, чтобы вернуть своего незадачливого жениха из плена ведьм. Как и многие легенды Джерси, обе истории изначально заканчивались одним и тем же предсказуемым финалом: ведьмам показывают крестное знамение, они кричат и исчезают.

Хотя такие истории могут показаться странными, хорошо помнить, что, по самым скромным оценкам, число погибших в Европе после того, как их ошибочно обвинили в колдовстве, составляет около 50 000 человек. Некоторые историки считают, что число

погибших исчисляется миллионами. Невинные люди, предположительно, по меньшей мере три четверти из которых были женщинами, подвергались пыткам и были преданы смерти самыми ужасными способами.

Как и в остальной Европе, «колдовство» на Нормандских островах относились с истерическим суеверием. В записях Королевского суда Джерси зафиксированы приговоры людям, признанным виновными в колдовстве, которые были казнены такими методами, как повешение, удушение и сожжение заживо.

ВОДЯНАЯ ЛОШАДЬ

Легенда о «Шевалье Гийоме» в бухте Бонн-Ньюи — еще одна из наиболее известных сказок Джерси. Она также была, безусловно, самой проблематичной для написания. Ни одна другая легенда не отличается так сильно в своих разрозненных версиях. В некоторых интерпретациях сказки в начале есть Анна-Мари или Анна «одна на пляже». На некоторых она прогуливается со своей сестрой или с группой женщин. Некоторые вариации называют существо, которое нападает на нее, демоном, некоторые специально называют его келпи.

Традиционно келпи являются уроженцами кельтских легенд и являются злыми сказочными лошадьми, которые очаровывают своих жертв, заставляя их сесть на них, прежде чем прыгнуть в воду, чтобы утопить их и съесть их тела. Они не оборотни, обладающие речью на манер демона из Бон-Ньюит-Бей, который появляется впервые.

Тогда возникает проблема, заключающаяся в том, что во всех ранних версиях истории чудовище изначально прогоняется либо с наступлением дня, либо с первым криком петуха. Однако позже в истории, оказавшись в облике лошади, монстр, по-видимому, без проблем разгуливает при дневном свете.

Пытаясь написать версию этой конкретной легенды, которая имела бы логический смысл, я задумался, не была ли история в том виде, в каком ее обычно рассказывают сейчас, двумя отдельными сказками, которые со временем слились воедино.

В некоторых версиях истории у Уильяма, или Гийома, есть предчувствия в виде снов о том, что он должен собрать омелу. В другой версии демон, или келпи, ищет помощи у злого призрака, чтобы дать ему дополнительные силы после того, как он услышит разговор влюбленных. В некоторых он — демон-одиночка. В других он является одним из нескольких келпи, проживающих в заливе Бонн-Ньюит, но его так не любят, что ни одна из келпи женского пола или никси не выйдет за него замуж. Затем он ищет человеческую невесту, чтобы жить с ним под волнами. Предположительно, очевидный изъян в его плане стал бы очевиден, как только она утонула.

ДЫРА ДЬЯВОЛА

Дьявольская дыра в скалах прихода Святой Марии представляет собой впечатляющее скальное образование, похожее на кратер, с узким проходом, ведущим к морю. Название «Дыра дьявола», возможно, возникло из-за впечатляющего внешнего вида этой естественной

открытой пещеры, или как искажение ее первоначального названия «Le Creux de Vis» (отверстие для винта), или даже, как предполагают некоторые, из-за угрожающего звука волн, ревуших в узком проходе во время прилива. Однако, когда в 1851 году носовую часть затонувшего судна «Ла Жозефина» вынесло течением через вход в пещеру, Дьявольская дыра нашла своего постоянного демона.

Скульптор вырезал руки и ноги для этой оригинальной статуи, но износ элементов и случаи вандализма привели к тому, что дьявола несколько раз заменяли более новыми версиями. Теперь он был перенесен из самой Дьявольской дыры в пруд прямо за автостоянкой отеля Priory Inn.

Самый последний дьявол — впечатляющая бронзовая отливка огромного сатира с трезубцем, выполненная скульптором Ланом Бишопом.

Исторические события кораблекрушения в Дьявольской дыре произошли примерно в конце октября 1851 года. Ночью французское судно Ла Жозефина, перевозившее груз лампового масла, потерпело крушение либо во время шторма, либо в тумане, в зависимости от обстоятельств. Только один член экипажа, Констант Петибон, погиб, пытаясь доплыть до берега.

История, которую я написал, представляет собой оригинальную беллетризацию, вдохновленную историческими событиями кораблекрушения, местоположением и самой статуей дьявола.

КРИВОЙ ФЕЙРИ

Как и в случае с Виожем, почти нет записанной информации о легенде о кривом фейри или Ле Крок-митене, как его называют в Джеррайзе. Само название «Кривой фейри» указывает на определенный тип телосложения и манеру передвижения. Утверждение Дж. Дж. Си Буа о том, что упоминание о кривом фейри все еще использовалось для запугивания детей «еще в 1957 году» (Джерси Фольклор и суеверия: Том второй, стр. 19) указывает на то, что это конкретное чудовище безусловно, считался опасным и пугающим, по крайней мере, для младенцев. Другой главный герой истории, подменыш Эмори Харкер, был вдохновлен легендами о подменьяхах на острове. Местные рассказы о подменьяхах похожи на те, что содержатся в кельтской мифологии. В таких сказках человеческие младенцы похищаются и заменяются идентичными сказочными детьми, которые вели себя странно или которых можно было обманом заставить раскрыть свою истинную природу сверхъестественных существ.

ЗОЛОТО ГОБЛИНОВ

В эту историю я включил две отдельные легенды с острова. Первый — это миф о том, что сокровища могут быть найдены погребенными под пукеле или «волшебными» камнями, и, вероятно, он связан с обнаружением монет или ювелирных изделий, найденных в погребальных камерах дольменов острова.

Вторая — описанная Дж. Х. Л'Ами, «Страшная раса гоблинов, как говорят, обитает в длинных вертикальных камнях, известных как менгиры, и если вы пройдете мимо их жилищ в полночь, они будут танцевать вокруг вас и заставлять вас подражать их движениям, пока вы не умрете». (Jersey Folk Lore, стр. 19.)

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Легенда о принце и принцессе берет свое начало в Сорел-Пойнт на северном побережье острова и, возможно, была вдохновлена одноименными пещерами-близнецами в этом месте. В качестве альтернативы сами пещеры могут взять свои названия из сказки.

В оригинальной легенде принц заманивал проходящие корабли на скалы, зажигая огонь. Выжившие из затонувших кораблей, добравшиеся до берега, были «осуждены» принцем и признаны нуждающимися, который убьет их на жертвенном каменном алтаре. Затем тела умерших будут помещены в естественный бассейн Венеры, расположенный у подножия скал, прежде чем их увезут на лодке.

В сохранившихся деталях принцесса кажется совершенно пассивным персонажем, не выполняющим никакой функции в рамках мифа. Ее отношения с принцем, будь то как жена или сестра, неясны, и им двоим не приписывают явной сверхъестественной силы. Тщательную деконструкцию сохранившегося мифа и многих других можно найти в книге «Фольклор Джерси и суеверия: Том первый» Дж. К.Г. Буа.

В мою версию сказки включены элементы других сверхъестественных легенд, связанных с северным побережьем Джерси, таких как трагические голоса мертвых на ветру из легенды о Патерностерах. Это группа коварных скал, которые видны с мыса Сорель и которые были местом трагического крушения, в результате которого погибли все люди.

Персонаж Брендана Вулфа получил свое имя от Вулфских пещер (sic), расположенных недалеко от побережья, которые, по-видимому, получили свое название от контрабандиста, который использовал пещеры для сокрытия своего незаконного груза. Похищение Брендана Вулфа затрагивает веру в то, что волшебная страна Джерси Ангия каким-то образом отделена от мира людей, а также практику фейри похищать смертных в их собственную страну. Гигантский оборотень Уату сам по себе является мифом Джерси, но опять же не имеет никакой истории, связанной с его легендой. Я наполнил (ранее неназванную) Принцессу этой сказки силами легендарной морской богини Ахес Дахут, принцессы-волшебницы, которая является частью легенд близлежащих морей Бретани и Джерси.

Заметки

[

←1

]

Дольмёны (от [брет.](#) *taol maen* — каменный стол) — древние погребальные и культовые сооружения, относящиеся к категории [мегалитов](#) (то есть к сооружениям, сложенным из больших [камней](#)). Название происходит от внешнего вида обычных для Европы конструкций — приподнятой на каменных опорах плиты, напоминающей [стол](#).